

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

ВЫПУСК 27

Саратов
Издательство «Саратовский источник»
2020

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)
И90

Редакционная коллегия:

доц. *М.С. Бобкова*, проф. *А.Н. Галямичев*, проф. *В.Н. Данилов*,
проф. *В.И. Кащеев*, доц. *О.В. Кочукова* (отв. секретарь),
проф. *С.А. Мезин* (отв. редактор), доц. *В.А. Соломонов*,
проф. *В.Н. Плешков*

Рецензент:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории и Архива РАН *М.В. Ковалев*

Историографический сборник : Межвуз. сб. науч. тр. – Сара-
И90 тов : Изд-во «Саратовский источник», 2020. – Вып. 27. – 288 с.

В 27 выпуске «Историографического сборника» публикуются материалы III Всероссийской научной конференции «Историк и историография» (Дербовские чтения), проходившей 10–11 октября 2019 г. в Институте истории и международных отношений. Ряд статей освещает научный быт и творчество университетских гуманитариев XX века. Отдельный блок содержит работы отечественных и зарубежных авторов по историографии Петра I и его эпохи. Традиционно в сборнике представлены статьи, посвященные актуальным проблемам отечественной и региональной историографии.

Сборник адресован научным работникам, студентам и аспирантам гуманитарных вузов и всем, интересующимся прошлым и настоящим исторической науки.

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)

ISSN 0130-6839

© Коллектив авторов, 2020
© «Саратовский источник», 2020

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИСТОРИКИ XX ВЕКА: НАУЧНЫЙ БЫТ И ТВОРЧЕСТВО

УДК [94(47+470.44-25):94(=16)]+929Дербов

А.Н. Галямичев

Л.А. ДЕРБОВ КАК ИСТОРИК-СЛАВИСТ

В статье рассматривается историко-славистическое наследие Л.А. Дербова – его работы по истории Украины и русско-польских отношений в XVI–XVII веков, написанные и опубликованные в 1930–1950-е годы, определяется место этих работ в творческой биографии историка и в истории отечественной славистики.

Ключевые слова: Л.А. Дербов, историческая славистика, русско-польские отношения в XVI–XVII веков.

A.N. Galyamichev

L.A. DERBOV AS A HISTORIAN-SLAVIST

The article considers the historical and slavistic heritage of L.A. Derbov – his works on the history of Ukraine and Russian-Polish relations in the XVI–XVII centuries, written and published in the 1930–1950s. It also determines the place of these works in the creative biography of the historian and in the history of Russian Slavistic.

Key words: L.A. Derbov, historical Slavistic, Russian-Polish relations in XVI–XVII centuries.

Леонард Адамович Дербов занимает особое место в памяти студентов нашего поколения. Во многих отношениях он был для нас эталоном вузовского преподавателя, образцом для подражания. По существовавшей тогда (в 1970-е годы) традиции обучение на истфаке открывала его лекция о роли исторической науки в жизни общества,

о её целях и задачах, о путях постижения профессионального мастерства историка.

Жизненный и творческий путь Л.А. нашёл отражение в обстоятельных работах его учеников и коллег по кафедре истории России СГУ [15, с. 202–216; 12, с. 7–27]. Настоящая работа представляет собой попытку внести новые штрихи в нарисованную ими картину.

В последние годы я обратился к изучению судеб славистов и славистики в нашем университете и пришёл к неожиданному заключению об одном из слагаемых вклада Л.А. в историю университета: именно он стал первым историком-славистом СГУ.

Перелистывая страницы истории гуманитарного образования в Саратовском университете, нельзя не отметить имена таких видных представителей российского славяноведения, как М. Фасмер, Г.А. Ильинский, Н.А. Дурново, А.Н. Сиротинин, которые работали в Саратове во время Гражданской войны и в 1920-е годы [1, с. 205–213; 3, с. 40–47]. При этом все они принадлежали к дореволюционной русской научной школе славянской филологии. Будучи прекрасными знатоками истории славянских народов, авторами специальных работ по истории славян, они всё же являлись в первую очередь филологами и как исследователи, и как преподаватели. Кроме того, их работа в Саратовском университете оказалась по разным причинам непродолжительной. Последний из этой плеяды – Г.А. Ильинский – покинул Саратов в 1927 году, ещё до обособления в самостоятельный вуз Педагогического института, вместе с которым Саратовский университет на время утратил роль ведущего центра высшего гуманитарного образования в Нижнем Поволжье.

Гуманитарное образование вернулось в наш университет осенью 1935 года, после основания исторического факультета (третьего в СССР после Московского и Ленинградского). С 1938 года судьба Л.А. Дербова оказалась прочно связанной с ним.

Оказавшийся в Саратове по воле сложного стечения обстоятельств Л.А. Дербов был ярким представителем нового поколения советских историков, которые вступили на поприще научно-педагогической деятельности в середине 1930-х годов.

Когда в 1934 году ему посчастливилось поступить в аспирантуру исторического факультета МГУ (на кафедру истории народов

СССР), он избрал в качестве предмета своих научных изысканий историю Украины и Белоруссии, причём тех её страниц, которые были особенно тесно связаны с историей Польши. Этот выбор был вполне закономерен. Как отмечал сам историк, «мне хотелось заниматься историей родной Белоруссии, а в связи с этим и историей Украины, Литвы, Польши, языки которых были мне хорошо знакомы» [9, л. 20].

Л.А. родился в 1909 году в Барановичах – белорусском городе, расположенном неподалёку от польской границы. В 1921 году согласно условиям Рижского мирного договора Барановичи с прилегающей территорией были отторгнуты от Белоруссии и до осени 1939 года оставались в составе Польши, являясь центром Барановичского воеводства. В межвоенной Польше затерялись судьбы некоторых родственников Л.А.: в Барановичах после 1921 года продолжала жить умершая в середине 1940-х годов бабушка Л.А. (по матери) Виктория, урождённая Бальзовская, которая, по воспоминаниям историка, имела обыкновение говорить дома по-польски [10, с. 26]. Дед Л.А. по отцу был белорусом-католиком с литовскими корнями – представителем своеобразной этноконфессиональной группы, в судьбе которой нашли отражение особенности исторического пути, пройденного Западной Белоруссией в Средние века и Раннее Новое время. В доме Л.А. постоянно звучала белорусская речь, с раннего детства ему был хорошо знаком мир белорусского фольклора и украинской народной песни.

Можно предполагать, что важную роль в выборе тематики научных исследований молодого историка сыграли также драматические события Первой мировой войны, Революции, Гражданской войны, в ходе которых Белоруссия и Украина обрели государственность. В Гомеле, куда в 1916 году была эвакуирована семья железнодорожного служащего А. Дербова, будущий историк пережил немецкую оккупацию, временную власть войск Центральной Рады, гетмана Скоропадского, петлюровцев, крутые повороты в ходе советско-польской войны [10, с. 50–51].

Всё это не могло не пробудить интереса к историческому прошлому западно-русских земель, наследие которого оказывало мощное воздействие на стремительный бег событий бурной современности.

Своей «первой самостоятельной и серьёзной научной работой» Л.А. считал доклад «Крестьянская война на Украине в середине XVII

века» [10, с. 160], который был подготовлен под руководством профессора Н.Л. Рубинштейна и заслушан на заседании кафедры весной 1935 года.

Изучение документов, отразивших обучение Л.А. в аспирантуре МГУ, даёт основания для вывода о том, что перед аспирантурой ставились в 1930-е годы задачи, отличные от современных требований. Главное внимание уделялось всесторонней подготовке аспиранта, как к научно-исследовательской, так и преподавательской работе. Основательной подготовки требовала сдача кандидатских экзаменов [10, с. 166]. Большое место в работе аспиранта занимала педагогическая практика. По окончании аспирантуры Л.А. Дербову была присвоена квалификация «Преподаватель истории СССР в вузах» [11, л. 5]. Задача обязательной подготовки кандидатской диссертации и защиты её во время обучения в аспирантуре не ставилась. В начале второго года обучения в аспирантуре у Л.А. не только сменился научный руководитель (им стал ученик В.О. Ключевского профессор С.В. Бахрушин), но и появилась новая тема исследовательской работы – «Русско-польские отношения в начале XVII века».

В январе 1937 года на кафедре состоялось обсуждение подготовленного Л.А. доклада на скорректированную в процессе работы тему – «Русско-польские отношения при Борисе Годунове и первый Лжедмитрий». В обсуждении доклада приняли участие профессор К.В. Базилевич, В.И. Лебедев, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин [13, л. 1–62]. В своём выступлении научный руководитель аспиранта С.В. Бахрушин отметил, что текст представленного доклада свидетельствует о «большой исследовательской работе и самостоятельности этой исследовательской работы». К числу наиболее интересных наблюдений Л.А. С.В. Бахрушин относил «его мысли о том, что аванюре самозванца предшествовала попытка достичь известного соглашения между Польшей и Москвой», а также «попытки показать социальные группировки, которые эту авантюру подготовили» [13, л. 25]. Профессор К.В. Базилевич отметил основательность и оригинальность той части доклада Л.А., в которой характеризовалось «экономическое состояние Польши в связи с международной обстановкой», где были «выявлены причины, толкавшие польскую агрессию на Восток» [13, л. 36]. Доклад, который, по мнению профессора В.И. Лебедева, принадлежал «к од-

ной из лучших работ наших аспирантов» [13, л. 45], был удостоен оценки «отлично». Он подводил итоги научно-исследовательской работы Л.А. в аспирантуре и должен был стать основой для подготовки кандидатской диссертации. Ещё до окончания аспирантуры Л.А. выезжал в Минск, где заключил договор с руководством Белорусского государственного университета о работе на историческом факультете по окончании аспирантуры [10, с. 169–170].

Перед молодым историком открывались широкие перспективы профессионального роста, однако непростое время внесло свои коррективы. После того как Л.А. оказался в рядах «подозрительных» (причиной стал донос, поводом к составлению которого оказалось случайное соседство портрета Сталина со стендом, посвящённым опрочинине Ивана Грозного на подготовленной Л.А. выставке материалов по истории СССР) [10, с. 169], руководство БГУ отказалось выполнять условия договора [10, с. 170], хотя научный руководитель Л.А. профессор С.В. Бахрушин в итоговой характеристике его работы в аспирантуре, составленной 25 июня 1937 года, исключительно высоко оценил профессиональные и нравственные качества своего ученика как учёного (отметив «вдумчивое отношение к изучаемому вопросу и оригинальность мысли») и преподавателя [2, л. 4].

С большим трудом Л.А. удалось найти работу в Сталинградском педагогическом институте, где не было условий для продолжения исследовательской работы. Спустя год, в 1938 году, Л.А. удалось перебраться в соседний Саратов, на исторический факультет университета, где в это время работали знакомые Л.А. по московской аспирантуре историки, в том числе высланная из Москвы академик А.М. Панкратова.

Л.А. занял видное место среди преподавателей молодого саратовского истфака, а в следующем 1939 году в Саратове вышла в свет его первая публикация: в 8-м номере журнала Саратовского обкома ВКП(б) «Сталинец» была опубликована статья «Как украинский народ боролся против панской Польши?» [4, с. 75–81]. Появление статьи было связано с драматическими событиями осени 1939 года, в этом же номере журнала перепечатывалась речь В.М. Молотова о вступлении Красной Армии на земли Западной Украины и Западной Белоруссии.

Однако статья Л.А., основное внимание которой было обращено на крестьянско-казацкие восстания конца XVI – первой половины XVII века против владычества польских магнатов и шляхты на Украине и освободительную войну под предводительством Богдана Хмельницкого, была основана на прочном фундаменте многочисленных источников и содержит взвешенные, всесторонне обоснованные оценки, с которыми, на мой взгляд, трудно не согласиться и сегодня.

В Саратовском университете Л.А. возобновил работу над кандидатской диссертацией, тема которой была сформулирована в письме декана истфака СГУ в Государственный архив феодально-крепостной эпохи от 23 ноября 1939 года следующим образом – «Русско-польские отношения во второй половине XVI века» [14, л. 1].

С началом Великой Отечественной войны условия научно-педагогической деятельности вузовских преподавателей резко изменились. Вспоминая «голодный и холодный, затемнённый, изрытый щелями-укрытиями, тревожный и настороженный прифронтовой Саратов», Л.А. отмечал, что «преподаватели и студенты недоедали и недосыпали, меньше занимались наукой и учёбой, а больше выполняли различного рода оборонные и хозяйственные задания – дежурили в истребительных отрядах, на объектах МПВО и госпиталях, вели погрузочно-разгрузочные работы, направлялись на заводы, выезжали на сельскохозяйственные работы и т.д.... Наверное, всё-таки не за научные заслуги мне потом (в 1946 году. – А.Г.) была вручена медаль «За доблестный труд» [10, с. 188–189].

Тем не менее, и в годы войны Л.А. по мере возможностей продолжал заниматься научной работой, готовил научно-популярные очерки и статьи, принимал участие в научных разработках учёных эвакуированного в 1942 году в Саратов Ленинградского университета (в 1943 году им была подготовлена глава коллективной работы учёных ЛГУ и СГУ «Восстания городов и партизанская война против иностранной интервенции в начале XVII века» [5, л. 1–30]). Славистическая тематика продолжала занимать центральное место в круге его научных интересов.

В Совете Ленинградского университета Л.А. защитил в апреле 1944 года кандидатскую диссертацию, тема которой была связана с его более ранними исследованиями, но приобрела новый ракурс в

связи с трудностями поиска источников и литературы и особых задач советской исторической науки, поставленных военным временем. Диссертация называлась «Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI века». Её наиболее оригинальные части были связаны с осмыслением истории русско-польских отношений этого времени, в частности, места и роли Балтийского вопроса в них. Эти вопросы нашли отражение в опубликованной историком в 1956 году статье «Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-е годы XVI века» [7, с. 149–181].

Особое место в творческом наследии Л.А. занимает написанная ещё в 1940 и опубликованная в 1954 году статья «К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572–1576 гг.)» [6, с. 176–217]. Её неизменно выделял сам Л.А., оценивая сделанное им в исторической науке [8, с. 128; 10, с. 193]. Построенная на богатом материале источников и исследований, она по-настоящему открыла этот увлекательный сюжет для русского читателя, оставаясь единственным специальным исследованием на этот счёт в отечественной литературе и сегодня. В статье даётся ёмкая характеристика внутреннего состояния Польши после смерти последнего представителя династии Ягеллонов – Сигизмунда II Августа, освещаются ход борьбы политических группировок в предвыборный период, события обоих бескоролевий (первое – с момента смерти Сигизмунда II до избрания Генриха Валуа 21 февраля 1573 года; второе – со времени бегства Генриха Валуа из Польши во Францию до избрания на престол дочери Сигизмунда I Старого, вышедшей 1 мая 1576 года замуж за князя Трансильвании Стефана Батория) и самый ход выборов, рассматриваются замыслы и действия группировок польских магнатов и шляхты, литовских аристократов, католической церкви, предприятия русского правительства и др. Значительное место в статье занимает освещение переговоров Ивана Грозного с императором Священной Римской империи Максимилианом II о возможном разделе Речи Посполитой между Россией и империей. Л.А. раскрывает причины неудачи этого проекта, который утратил смысл после утверждения на польском престоле Стефана Батория в 1586 году.

Хранящиеся в ГАСО материалы фонда Л.А. Дербова свидетельствуют о том, что у него имелось немало творческих планов продол-

жения изучения истории русско-польских отношений. Достаточно перечислить названия дел, содержащих подготовительные материалы для изучения таких тем, как русско-польские отношения при Василии III, роль Сигизмунда III в развитии польско-русских отношений, восточные планы Батория (1582–1586), посольство Льва Сапеги (1600–1601), кандидатура Фёдора Ивановича на польский престол в 1587 году.

Однако после 1956 года Л.А. не публиковал новых исследований по этой тематике (не считая написанных им в 1960–1970-е годы для «Детской энциклопедии» разделов по истории второго ополчения и борьбы с польской интервенцией в 1612 году). О причинах этого решения можно только догадываться. Складывается впечатление, что оно было вынужденным. По всей вероятности, своё слово сказали в первую очередь два обстоятельства. С одной стороны, существенным моментом в 1950-е годы была малодоступность архивных материалов и новейшей иностранной литературы для историка, работавшего в Саратове. С другой стороны, изучение русско-польских отношений в послевоенные годы оказалось в сфере особого внимания политического руководства нашей страны, и занимавшиеся их историей исследователи постоянно сталкивались с многочисленными ограничениями и запретами.

Однако сделанного Л.А. в этой области исторической науки достаточно для того, чтобы оценить его работы как весомый вклад в отечественную славистику своего времени.

О начальных страницах своей творческой биографии, связанных с историко-славистическими исследованиями, Л.А. с особой теплотой писал на страницах воспоминаний, подводя итоги жизненного пути («Работа под руководством таких высокоавторитетных учёных, как С.В. Бахрушин и Н.Л. Рубинштейн оставила неизгладимые следы на всю жизнь» [9, л. 20]).

Оценивая вклад Л.А. в отечественную славистику, нельзя не вспомнить и о том, что выполненные им историко-славистические исследования нашли продолжение в работах его учеников и коллег по кафедре отечественной истории СГУ – Г.Д. Бурдея и И.В. Галактионова, основные итоги которых Л.А. подвёл в специальном историографическом обзоре трудов саратовских историков в области славяноведения [9, с. 128–130].

Список использованных источников и литературы:

1. *Аксёнова Е.П.* Саратовский университет в истории славяноведения (Первые годы деятельности историко-филологического факультета) // Славянский альманах. 2009. М., 2010. С. 205–213.
2. *Бахрушин С.В.* Отзыв о работе аспиранта Л.А. Дербова // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р–3731. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
3. *Галямичев А.Н.* Начальные страницы истории славяноведения в Саратовском университете // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: Научный альманах. Ижевск, 2017. С. 40–47.
4. *Дербов Л.А.* Как украинский народ боролся против панской Польши? (Историческая справка) // Сталинец. Журнал Саратовского обкома ВКП(б). 1939. № 8. С. 75–81.
5. *Дербов Л.А.* Восстания городов и партизанская война против иностранной интервенции в начале XVII века (1943). Рукопись // ГАСО. Ф. Р–3731. Оп. 3. Д. 7. 30 л.
6. *Дербов Л.А.* К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572–1576 гг.) // Учён. зап. Сарат. ун-та. 1954. Т. 39. С. 176–217.
7. *Дербов Л.А.* Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-е годы XVI века // Учён. зап. Сарат. ун-та. 1956. Т. 47. С. 149–181.
8. *Дербов Л.А.* Проблемы славяноведения и балканистики в трудах саратовских историков // Историографический сборник. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 122–137.
9. *Дербов Л.А.* Некоторые комментарии к официальной анкете и автобиографии («информация к размышлению») // ГАСО. Ф. Р–3731. Оп. 1. Д. 21. 28 л.
10. *Дербов Л.А.* Страницы воспоминаний. Саратов, 2009. 226 с.
11. Личный листок по учёту кадров Л.А. Дербова от 5 марта 1984 г. // ГАСО. Ф. Р–3731. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–6.
12. *Мезин С.А.* Ровесник университета (К 80-летию Л.А. Дербова) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1991. С. 7–27.
13. Обсуждение доклада аспиранта Л.А. Дербова. Стенограмма заседания кафедры истории СССР МГУ от 4.01.1937 г. // ГАСО. Ф. Р–3731. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–62.
14. Письмо декана истфака СГУ в Государственный архив феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ) от 23.11.1939 г. // ГАСО. Ф. Р–3731. Оп. 3. Д. 183. 1 л.
15. *Троицкий Н.А.* К 70-летию Л.А. Дербова // Историографический сборник. Саратов, 1980. Вып. 8. С. 202–216.

Л.А. ДЕРБОВ О Н.И. НОВИКОВЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Статья посвящена анализу книги Л.А. Дербова «Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова» (1974). Поставлена задача соотнести рассмотрение советским историком мировоззрения просветителя с новейшими взглядами на этот предмет. Выявлены не только положения, которые остаются актуальными при изучении деятельности Новикова, но и выводы, подвергшиеся ревизии современными авторами.

Ключевые слова: Л.А. Дербов, Н.И. Новиков, Просвещение, историография, масонство, патриотизм.

T.S. Vlasenko

L.A. DERBOV ABOUT N.I. NOVIKOV: A MODERN VIEW

The article is devoted to the analysis of the book by L.A. Derbov "Social - political and historical views of N.I. Novikov" (1974). The task is to correlate the approach of the Soviet historian to the enlightenment's worldview with the latest views on this subject. The author of the article identified not only the provisions that remain relevant when studying the academic activity of Novikov, but also the conclusions that have been revised by modern researchers.

Key words: L.A. Derbov, N.I. Novikov, Enlightenment, historiography, freemasonry, patriotism.

Деятельность русского просветителя Николая Ивановича Новикова всегда вызывала интерес у исследователей. Существует множество работ, посвященных различным аспектам деятельности и мировоззрения Новикова: журналистике, книгоиздательству, масонству и др. Сложность их изучения заключается в том, что Николай Иванович Новиков – неординарная личность, его взгляды многогранны, а подчас и противоречивы. К исследованиям, в которых наиболее полно раскрывается целый ряд проблем творчества просветителя, можно отнести монографию Леонарда Адамовича Дербова «Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова» (Саратов, 1974). В свое время книга вызвала положительные отклики научной общественности [1] и была защищена автором в качестве докторской дис-

сертации. С тех пор прошло более полувека, многое изменилось в российском обществе, существенные перемены произошли в отечественной исторической науке. Выдержал ли испытание временем труд Л.А. Дербова?

Книга посвящена анализу общественно-политических и исторических воззрений Н.И. Новикова, который позиционируется как выдающийся русский просветитель второй половины XVIII века. В своей характеристике просветительства советский историк исходил из его определения В.И. Лениным как антикрепостнической идеологии, направленной на защиту интересов крестьянства, а также на защиту «просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России» [2, с. 32–33]. Дербов пояснял, что эти черты в полной мере относятся к зрелому русскому просветительству XIX века, а в мировоззрении Новикова они получили свое неполное, «раннее» выражение. Сегодня историки пользуются более широким определением Просвещения XVIII века, не акцентируя, как правило, его социальный («буржуазно-революционный») аспект [3], однако вопросы крепостного права, просвещения (в широком смысле), свободы, европеизации по-прежнему считаются центральными при изучении русской общественной мысли XVIII века. Несомненным достоинством работы Л.А. Дербова является то, что он не подбирает цитаты, подтверждающие высказывания «классиков», а привлекает для анализа максимально обширный фонд новиковских изданий, переписки, воспоминаний современников и других материалов, в том числе и тех, которые можно признать «неудобными» для авторской концепции Новикова-просветителя.

В своей характеристике исторических условий, в которых развивались общественно-политические взгляды и практическая деятельность Новикова, Дербов исходил из представлений, утвердившихся в советской историографии: во второй половине XVIII века в России постепенно начал складываться капиталистический уклад при господстве крепостнической системы. Этот взгляд пережил советскую историографию (например, в работах Л.В. Милова), но разделяется сегодня не всеми историками.

Политику «просвещенного абсолютизма» Екатерины II Л.А. Дербов характеризовал как вынужденные уступки буржуазному развитию

(сегодня сказали бы «вызовам времени») в сочетании с показным внешним «либерализмом». Эта политика оценивается как «реакционная» [2, с. 178]. В книге неоднократно говорится о «дворянской диктатуре» и «потемкинском режиме», установившемся после подавления восстания Пугачева. Современные историки (О.А. Омельченко, А.Б. Каменский и др.) позитивно оценивают реформаторскую деятельность Екатерины II, видят в просвещенном абсолютизме попытку власти следовать идеологии Просвещения без насильственного слома сложившегося социально-политического строя. Несомненно, современная историография значительно «подобрела» к Екатерине II и уже не склонна подчеркивать в деятельности императрицы «изворотливость, хитрость, лицемерие и жестокость», как это делал историк 1970-х годов.

В начале своего исследования Л.А. Дербов давал общую характеристику мировоззрения Н.И. Новикова, рассматривал отношение своего героя к масонству. Творческую биографию Новикова автор делил на три этапа: от начала литературной деятельности до середины 1770-х гг.; со второй половины 1770-х гг. до ареста и заключения в крепость (1792); с момента освобождения из крепости (1796) до конца жизни (1818). На первом этапе главным в деятельности просветителя была журналистика; на втором этапе – книгоиздательство. Приход в масонство автор не считал поворотным моментом жизни Новикова. Внимательно изучив различные взгляды и точки зрения, Дербов обосновал довольно взвешенное видение творческой биографии своего героя.

Называя своего героя выдающимся просветителем, Л.А. Дербов отмечал «сложность, противоречивость, и непоследовательность его просветительского мировоззрения, отягощенного религиозно-масонским влиянием» [2, с. 97]. Дербов не стремился, подобно Г.П. Макагоненко, «очистить» Новикова от масонства. Не разделял он и позицию Ю.М. Лотмана, полагавшего, что изучать мировоззрение Новикова нужно как цельную систему взглядов, как своеобразный вариант просвещенного дворянского либерализма [4, с. 281]. Дербов полагал, что такой подход «ведет либо к недооценке просветительства, либо к ненужной для историка-марксиста реабилитации масонства» [2, с. 133]. Однако именно этот подход возобладал в постсоветский пе-

риод, и, как верно предчувствовал Дербов, произошла своеобразная «реабилитация» масонства как культурно-исторического явления.

Л.А. Дербов дал в своей книге развернутую характеристику масонской идеологии как широкого нравственно-религиозного течения, не лишённого некоторых привлекательных черт, но в основе своей антирационального и мистического, антипросветительского, уповающего на загробную жизнь, аполитичного, антиреволюционного. Для историка-марксиста этого было достаточно, чтобы объявить масонство XVIII века «консервативным и объективно реакционным течением» [2, с. 146]. В этой связи перед Дербовым стояла сложная задача: объяснить, почему просветитель Новиков в то же время был «видным масоном». По словам историка, масонское учение какими-то своими сторонами было близко Новикову, соответствовало его собственным воззрениям. Это были те самые «туманные идеалы добра и справедливости, нравственного очищения и самоусовершенствования», о которых лишь вскользь упоминает автор при характеристике масонства. Для Новикова они были очень привлекательными. При этом Дербов убедительно показывает, что Новиков был далек от крайностей масонской мистики. Однако религиозность и непротивленческие настроения снижали, по мнению историка, социальную остроту просветительства Новикова.

Выстраивая свою концепцию, Дербов представлял Новикова как предтечу или даже одного из зачинателей освободительного движения в России, которое мыслилось прежде всего как движение революционное. Анализ общественно-политических взглядов давал для этого определенные основания. Автор писал о том, что в своих публицистических сочинениях Новиков боролся против сословного неравенства и сословных предрассудков, высказывал несомненные симпатии к представителям угнетенного «третьего сословия» и крепостного крестьянства. Однако едва ли справедливо заключение, что просветитель выступал против «сословности», за «бессословное государство» [2, с. 176]. Скорее идеалом Новикова была «братская» гармония между сословиями, каждое из которых должно исполнять свою общественно-полезную миссию.

Новиков выступал последовательным обличителем помещичьего произвола и безмерного угнетения крепостных крестьян. В связи

с этим в книге представлен широкий спектр суждений по крестьянскому вопросу, звучавших в русском обществе второй половины XVIII века. Картина получилась убедительной за одним исключением: Екатерина II представлена здесь как глава «лагеря защитников крепостного права». Дербов убедительно показывал, как Новиков со всей силой своего таланта и темперамента критиковал крайности крепостных порядков с морально-гуманистических позиций. Указывал он и на то, что положительная программа Новикова по крестьянскому вопросу, по сути, сводилась к моральным увещаниям помещиков; просветитель не видел реальной альтернативы крепостному строю. Поэтому открытым остается вопрос, на который автор монографии давал положительный ответ: можно ли называть позицию Новикова по крестьянскому вопросу антикрепостнической?

Сегодня на этот вопрос, скорее всего, можно ответить отрицательно. Дербов, хоть и писал, что Новиков нигде и никогда не говорил об уничтожении крепостной зависимости, но утверждал, что все его сочинения подводили к мысли об этом. Такая позиция не является бесспорной. Все обстояло сложнее. С одной стороны, Новиков считал крепостное право источником многих злоупотреблений и бед, с другой стороны, в его журналах можно найти множество примеров оправдания крепостного состояния и сословного неравенства. Так, в журнале «Детское чтение» [5, с. 183] был напечатан рассказ под названием «Недовольный своим состоянием». Смысл его сводился к тому, что каждому человеку своя ноша положена, и что никогда крестьянин не сможет справиться с ношей помещика или государя.

Политические взгляды Н.И. Новикова, как показывает автор книги, были умеренными. Они не простирались далее веры в добродетельного просвещенного монарха. При этом просветитель никогда не останавливался перед обличением «самовластия», беззакония, насилия и жестокости со стороны власти. Подчас его критика метила в конкретные пороки екатерининского управления. Высоко ценил Новиков право самостоятельно и независимо высказывать свое мнение, отличающееся от официальной точки зрения. Современные авторы вслед за Ю.М. Лотманом подчеркивают также стремление Новикова к независимой от государства практической деятельности, что сближало его с масонами.

Одной из самых сильных сторон мировоззрения Новикова Дербов считал любовь к отечеству, народу, его истории и культуре. Историк пришел к мысли о том, что именно горячий патриотизм просветителя заставил его задуматься о несовместимости крепостного рабства с любовью к родине.

Отмечая непоследовательность и противоречивость взглядов Новикова по многим вопросам общественного устройства, автор нигде не отступает от своего главного вывода: Новиков «был талантливым писателем-публицистом, выдающимся просветителем, замечательным деятелем освободительного движения в России. Просветитель всегда брал в нем верх» [2, с. 167]. Современные исследователи трактуют масонство как философско-религиозное движение, соединявшее просветительскую светскую культуру с религиозным внецерковным мышлением [6], «как один из множества инструментов социализации, “изобретенных” той эпохой, как специфический тип социальных контактов, который содействовал распространению в обществе идеалов и ценностей Просвещения» [7, с. 199], что позволяет исследователям свести воедино просветительство и масонство Новикова, не сталкивая их между собой. По мнению С.Е. Киясова, «усилия масонов-просветителей, сгруппировавшихся вокруг Н.И. Новикова... были призваны содействовать приобщению патриархальной, православной страны к либеральным ценностям европейской цивилизации» [8, с. 154]. Однако нельзя не заметить особой симпатии Новикова к православной русской старине, отразившейся в его исторических трудах.

Одной из важнейших сторон просветительской деятельности Н.И. Новикова, по мнению Дербова, были его занятия отечественной историей. Проделанный саратовским историком анализ исторических взглядов и публикаций просветителя сохраняет свое научное значение. Обратившийся недавно к этому сюжету М.Б. Свердлов пишет, что «вероятно, только Дербов обстоятельно изучил работы Новикова как историка» [9, с. 201]. Современный исследователь отметил, что саратовский историк «недостаточно учитывал историографический контекст идей Новикова», в связи с чем шире демонстрирует связи просветителя с Г.Ф. Миллером, Ф.А. Эминым, М.М. Щербатовым, Екатериной II, Н.Н. Бантыш-Каменским и др. Попутно Свердлов делает некоторые замечания, расходящиеся с установками Дербова: об из-

вестном совпадении деятельности Новикова с усилиями Екатерины II в начальный период ее царствования по осуществлению теории и практики «просвещенного абсолютизма» в гармонизации существующих общественно-правовых отношений [9, с. 221], о том, что Новиков был осужден императрицей именно как масон, а не как просветитель.

Проанализировав работу Леонарда Адамовича Дербова «Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова» в свете новейших исследований по смежной тематике, мы приходим к выводу, что данная книга – это кладезь полезной информации. К сожалению, не все идеи автора выдержали испытание временем. Прежде всего, поставлено под сомнение концептуальное положение о принадлежности Новикова к освободительному антикрепостническому движению. Оспорена трактовка Дербовым роли масонства в мировоззрении и практической деятельности Новикова. Однако большая часть наблюдений, касающихся взглядов просветителя на общество, политику и историю и сегодня остаются актуальными, ибо они покоятся на тщательном анализе широкого круга источников. К этому следует добавить, что книга написана прекрасным русским языком. Всё это позволяет надеяться, что она будет востребована новыми поколениями историков.

Список использованных источников и литературы:

1. *Шапиро А.Л.* Рец. на кн.: Дербов Л.А. Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Изд-во Саратовского ун-та, 1974 // История СССР. 1976. № 6. С. 190–191.
2. *Дербов Л.А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Саратов, 1974.
3. *Карп С.Я.* Что такое Просвещение? // Всемирная история: В 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 100–103.
4. *Лотман Ю.М.* «Сочувственник» А.Н. Радищева А.М. Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1963. Вып. 139. С. 281–297.
5. Детское чтение для сердца и разума. М., 1785. Ч. 3, № 38.
6. *Фаджонато Р.* Розенкрейцерский кружок Новикова: предложение нового этического идеала и образа жизни // Новиков и русское масонство. М., 1996. С. 38–51.

7. *Плавинская Н.Ю.* Франкмасонство // Всемирная история: В 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 188–199.

8. *Киясов С.Е.* Московские масоны-розенкрейцеры XVIII столетия: просветители, мистики, конспираторы // Историческое прошлое и образы истории: Материалы международной научной конференции в честь 95-летия гуманитарного образования в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского / под ред. Л.Н. Черновой. Саратов, 2013. С. 148–154.

9. *Свердлов М.Б.* Н.И. Новиков как историк России древней и новой // Санкт-Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 201–226.

В.А. Соломонов

**ДУХОВНОЕ И СВЕТСКОЕ НАЧАЛА В ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(на примере жизни и деятельности профессора православного
богословия Саратовского университета А.Ф. Преображенского)**

Публикация отражает основные вехи жизни и научно-педагогической деятельности профессора православного богословия Императорского Николаевского Саратовского университета А.Ф. Преображенского. Раскрывает его научно-исследовательские приоритеты и общественно-политические взгляды.

Ключевые слова: А.Ф. Преображенский, Саратов, Русская Православная Церковь, наука и религия, кафедра православного богословия, Саратовский университет.

V.A. Solomonov

**SPIRITUAL AND SECULAR PRINCIPLES
IN THE HISTORY RUSSIAN UNIVERSITY EDUCATION
(on the example of the life and work of Professor Orthodox
theology of the Saratov University of A.F. Preobrazhensky)**

The article reflects the main milestones of life, scientific and pedagogical activity of A.F. Preobrazhensky, professor of Orthodox theology of the Imperial Nikolaevsky Saratov University. The scientific priorities and socio-political views of Preobrazhensky are investigated.

Key words: A.F. Preobrazhensky, Saratov, Russian Orthodox Church, science and religion, department of Orthodox theology at Saratov University.

Перед современным российским обществом с особой остротой стоит вопрос о дальнейших путях развития системы образования, в том числе и высшего. В условиях постоянного увеличения потока информации и возрастания объёма знаний на первый план выходит задача построения учебного процесса таким образом, чтобы студенты получали не мозаичные сведения из различных областей науки, а комплексное знание, сформированное в единую картину мира, или мировоззрение.

Важнейшую роль в мировоззрении современного человека призваны играть понятия духовности и нравственности. В обществе постепенно растет понимание того, что основным фактором дальнейшей эволюции человека будет его духовный, внутренний ресурс, а не прогресс экономических, политических или правовых систем. Кризис российского государства конца XX века показал значимость духовных ценностей и ориентиров для успешного социального и культурного развития общества.

В связи с этим, по мнению ряда учёных, особенно актуальной является идея введения в систему образования элементов духовного, религиозного просвещения. Этот вопрос широко обсуждается среди деятелей науки, образования и церкви, вызывая порой острые дискуссии [см.: 1; 2; 3; 4].

«На данном историческом этапе, – замечает по этому поводу доктор физико-математических наук профессор Л.А. Грибов, – проблема обучения состоит в том, что нам крайне не хватает образованных людей, изначально владеющих тремя видами культуры: естественнонаучной, гуманитарной и религиозной. Мы должны быть гражданами своей страны, а для этого нужно знать её историю, которая в свою очередь подразумевает и знание основ религии. В современный период только через веру можно найти в себе силы преодолеть все трудности. <...> Научные знания базируются на повторяющихся явлениях закономерности, но при этом не содержат нравственных критериев, не дают ответа на вопрос, что есть добро и зло. Вопрос нравственности и морали стоит перед всем миром с начала его создания, и на многие из них каждый для себя отвечает сам, в зависимости от того, во что верит. Без общей культуры и религиозных знаний невозможно стать всесторонне образованным человеком. Обучение в классическом университете должно объединять естественнонаучные знания и гуманитарные» [5].

В связи с широко обсуждаемой идеей внедрения богословских дисциплин в систему высшего светского образования, прежде всего университетского, справедливо встаёт вопрос о степени совместимости научного знания и религиозной веры. По мнению многих учёных и церковных деятелей, между наукой и религией нет и не может быть серьёзных противоречий, прежде всего потому, что они обращены к

различным сферам человеческого бытия, и, исходя из этого, могли бы дополнять друг друга [см.: 6; 7].

Более того, у религии и науки есть общие цели. Известный православный публицист, профессор Свято-Тихоновского богословского института, диакон Андрей Кураев считает, что «...когда общество становится антицерковным, оно не может долго удерживаться на позициях просто светской научной мысли и культуры, оно достаточно быстро ниспадает на уровень суеверий, оккультизма и язычества. <...> Именно здесь и находится главное основание для того, чтобы между наукой и церковью был заключён некий новый конкордат. <...> Сегодня союз религии и науки – это не союз разума и веры, сердца и рациональности. Это союз двух форм рациональности, потому что православное богословие – это есть модус присутствия рационального начала в иррациональной сфере религии» [7, с. 311]. Многие учёные сегодня признают бесспорный приоритет духовной, религиозной нравственности в научных исследованиях [2, с. 47].

В последнее время иерархи Русской Православной Церкви всё активнее высказываются за расширение сотрудничества государства и церкви в сфере образования, подчёркивая, что это не противоречит светскому характеру школы, и отвечает жизненно важным потребностям российского общества, так как культура России основана на православных традициях и христианских основах, и каждый культурный человек обязан знать её истоки. При этом особо указывается на то, что православное образование должно быть не обязательным для всех, но доступным.

К настоящему моменту богословие как учебный курс получило распространение в нескольких государственных вузах России, где появились факультеты теологии. Однако, несмотря на это, в настоящее время не существует чёткой разработанной концепции сотрудничества между церковью и системой высшего образования, не определены формы и границы их взаимодействия. Да и среди преподавателей и студентов российских вузов существуют определённые сомнения в необходимости сближения церкви и высшей школы [см.: 8].

В связи с этим весьма важным и актуальным является изучение того исторического опыта взаимоотношений между высшей школой, прежде всего университетами, и церковью, который существовал в до-

революционной России. До 1917 года, несмотря на светский характер российских университетов, православное богословие являлось одной из обязательных университетских дисциплин. В свете современных поисков путей взаимодействия церкви и высшей школы особенно полезным и интересным является рассмотрение того, каким образом осуществлялось религиозное обучение в прошлом, каковы были цели, методы и значение духовного просвещения, тем более что многие острые вопросы, стоявшие в отношениях между университетами и церковью в середине XVIII – начале XX века, во многом актуальны в нынешнее время.

Большую значимость в этом плане представляет изучение жизни и деятельности одного из первых профессоров Саратовского Императорского Николаевского университета, протоиерея Алексея Феоктистовича Преображенского. Его работа на кафедре православного богословия и участие в научно-учебной и культурно-просветительской деятельности университета представляет собой яркий пример плодотворного и позитивного взаимодействия церкви и высшей школы.

* * *

Согласно «Закону об учреждении Университета в городе Саратове» новая высшая школа была открыта в составе одного факультета – медицинского. Сверх кафедр, необходимых на данном факультете, по закону полагалось иметь ещё и кафедру православного богословия [10, л. 2–3]. По университетскому Уставу 1884 года, который распространялся и на Саратовский университет, наличие этой кафедры являлось обязательным для всех университетов России. К началу первого 1909/1910 учебного года кафедра оказалась незамещённой, но ненадолго. Уже с 1 июня 1910 года указом обер-прокурора святейшего синода на неё был назначен профессор православного богословия Казанской духовной академии Алексей Феоктистович Преображенский, который вплоть до революционных событий 1917 года являлся единственным и бессменным руководителем кафедры православного богословия Саратовского университета. К сожалению, мы мало знаем о жизни и деятельности Алексея Феоктистовича, но и то немногое, что известно, характеризует его как человека в высшей степени интересного и достойного.

Алексей Феоктистович Преображенский родился 14 (26) августа 1875 года в Ярославской губернии в семье потомственных священнослужителей Ярославской губернии¹.

Образование получил в Ярославской духовной семинарии и затем продолжил его в Казанской духовной академии, которую окончил в 1898 году со степенью кандидата богословия. В ней Алексей Феоктистович и начал свою исследовательскую, а потом и преподавательскую деятельность. В 1898–1899 годах он состоял в академии профессорским стипендиатом при кафедре общей церковной истории. Первое полугодие из предоставленного для научных занятий времени он целиком посвятил штудированию литературы в Петербургской публичной библиотеке и работе с Документальным фондом Синодального архива, а второе – разысканию интересовавшего его фактического материала в архивохранилищах Константинополя и Афин.

По возвращении из заграничной командировки приказом обер-прокурора Священного Синода от 15 октября 1899 года Алексей Феоктистович был назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Орловскую духовную семинарию, в которой временно преподавал также и древнюю гражданскую историю. С 10 июля 1902 года, согласно избранию Совета Казанской духовной академии, 27-летний богослов возвратился в родную академию, где заняв место и. д. доцента по кафедре гомилетики и истории проповедничества [10, л. 2–3].

В 1906–1907 учебном году для научных занятий при Русском археологическом институте А.Ф. Преображенский вторично был коман-

¹ Отец – священник Феоктист Алексеевич Преображенский (1847/1848 – после 1898), выпускник Ярославской Духовной семинарии (1870), учитель Никольского двухклассного училища Угличского уезда (1.09.1870 – 1.08.1872), учитель русского языка Угличского уездного училища (1.08.1872 – 18.12.1875), преподаватель Угличского Духовного училища (18.12.1875 – 6.04.1877), священник (с 6.04.1877) и заштатный священник (на 1898) Церкви во имя Пророка Илии в Угличе. Мать – Мария Аполлосовна, урожд. Субботина (1848/1849 – ранее 1898), дочь протоиерея, настоятеля Спасо-Преображенского собора в Угличе.

Введением в научный оборот ранее неизвестных биографических сведений о родителях А.Ф. Преображенского автор настоящей публикации всецело обязан ведущему научному редактору Православной энциклопедии Андрею Петровичу Пятнову, которому выражает свою благодарность.

дирован в Стамбул. Эту свою поездку он посвятил исключительно работе над завершением своего диссертационного исследования на тему «Григорий V, патриарх Константинопольский. Обзор его жизни и деятельности», после публичной защиты которого был удостоен учёной степени магистра богословия. В том же году Алексей Феоктистович был утверждён в звании доцента, а с 19 ноября 1909 года – экстраординарного профессора Казанской духовной академии по кафедре гомилетики и истории проповедничества.

Задолго до публичной защиты упомянутой диссертации отдельные её части были опубликованы в периодической печати. Так в 1904 году в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» вышли две статьи А.Ф. Преображенского, посвящённые личности и деятельности константинопольского патриарха Григория V [см.: 11; 12]. По этим выдержкам можно составить вполне определённое представление о содержании и характере всей диссертации в целом, а также о взглядах и убеждениях её автора.

В своей работе А.Ф. Преображенский подробно и всесторонне рассмотрел различные аспекты деятельности Григория V, занимавшего константинопольскую патриаршую кафедру трижды: в 1797–1798, 1806–1808 и 1819–1821 годах. Особое внимание автор уделил «народно-просветительной, церковно-общественной и гражданско-политической» деятельности патриарха. В этой работе Алексей Феоктистович проявил себя как добросовестный исследователь, глубокий мыслитель, отличный знаток не только греческой истории и культуры, но и европейской истории, литературы и философской мысли. Широкая панорама общественно-политической ситуации в Греции на рубеже XVIII–XIX веков представлена им в контексте общеевропейской истории. Автор справедливо отмечал, что пробуждение греческого освободительного движения, с одной стороны, произошло под влиянием революционных событий во Франции, а с другой – было связано с глубоким кризисом Османской империи [11, с. 173].

А.Ф. Преображенский большое значение придавал роли личности в истории. В своём исследовании он представил интересные, яркие и ёмкие характеристики политических и общественных деятелей той эпохи, при этом в оценке их деятельности чётко прослеживаются убеждения самого учёного. Например, говоря о герое греческого наци-

онального освободительного движения Риге Феррее (Велестинском), А.Ф. Преображенский отмечал его огромную роль и заслугу в деле освобождения греческого народа от турецкого владычества. Однако учёный не поддерживал тот путь, который выбрал Рига для свержения «ига неверных», а именно, путь общенационального вооружённого восстания, путь революции. Он упрекал Ригу в том, что он «...первый нарушил мирный ход греческого возрождения, составлявший предмет дорогой мечты для многих трезвых политиков...» [12, с. 176–177]. Алексей Феоктистович являлся последовательным противником всех форм борьбы, связанных с насилием, особенно, если в борьбу вовлечены широкие народные массы, выступая за путь «дипломатического искусства» в решении политических, межнациональных, социальных и иных противоречий. В связи с этим становится понятным то сочувствие, которое выражал учёный главному герою своего исследования патриарху Григорию V, оказавшемуся в ситуации нелёгкого выбора. С одной стороны, патриарх поддерживал развивавшееся народное движение за освобождение от турецкого гнёта; он считал его справедливым и неизбежным. Но с другой стороны, ему были чужды те вооружённые методы борьбы, к которым всё более склоняли народ лидеры освободительного движения. Григорий V также понимал, что «...от него, а не от кого другого, потребуют самых жестоких и репрессивных мер для подавления эллинского движения. <...> Он знал, что ему придётся идти против своих святых убеждений, вступить в сделку и компромиссы со своей совестью, "религию мира" обращать в орудие казни...» [11, с. 183–184].

А.Ф. Преображенский положительно оценивал позицию Григория V, заключающуюся в его неприятии каких-либо вооружённых форм борьбы. Осуждая любую революцию как способ борьбы, учёный крайне резко отзывался об идеалах Французской революции, вдохновлявших греческих патриотов, и называл их «опьяняющими бреднями» [11, с. 183–184]. Это характеризует А.Ф. Преображенского как сторонника весьма консервативных взглядов, что не удивительно, учитывая его социальное происхождение и положение.

Особое внимание в своей диссертации А.Ф. Преображенский уделил развитию образования и науки в Греции на рубеже XVIII–XIX веков и той роли, которую сыграла греческая православная церковь в

этом процессе. Он отмечал, что именно с развитием просвещения было связано пробуждение греческого национального самосознания и начало освободительного движения: «Начинавший пробуждаться народ с стихийной, неудержимой силой тянулся прежде всего к свету, к учению, в котором инстинктивно видел первую ступень к освобождению и сознательному национальному существованию» [12, с. 600]. Греческая церковь с одобрением относилась к ширившемуся с каждым днём просветительскому движению и всеми силами способствовала развитию как светского, так и церковного образования. Особая заслуга в этом принадлежала патриарху Григорию V, который считал, что «...просветительные задачи наиболее всего сродни и близки церковной общине...» [12, с. 606].

С большим уважением относился патриарх к науке. Он считал, что наука «...учит нас различать добро и зло, советуя к одному стремиться, другого избегать, благодаря ей изменяются к лучшему нравы общества, она указывает, как следует жить, чтобы быть полезным в своей жизни и деятельности, она сообщает внутренний мир душе, она даёт истинное знание, ведёт к благочестию через усвоение божественных и священных мыслей и делает человека, по возможности, подобным самому Богу» [12, с. 608]. Вместе с тем, А.Ф. Преображенский замечал, что, являясь покровителем образования и науки, Григорий V никогда не был сторонником «чистого знания, знания из-за него самого». Он считал, что наука и образование должны давать человеку не только определённые знания и навыки, но, прежде всего, прививать ему некие нравственные понятия. «Высоко ценя просвещение ума и сердца, он никогда не терял из виду жизненно-воспитательную задачу образования, видя в науке не одну только теоретически отвлечённую доктрину, а именно "мудрость жизни", которою богаты были христианские отшельники и подвижники. <...> Каждую книгу, каждую дисциплину научную он ценил по её нравственным последствиям в жизни» [12, с. 624]. Исходя из этого, патриархом Григорием V был разработан «священный циркуляр относительно эллиномузеев», в котором определялось основное направление и содержание школьного обучения. В нём патриарх предохранял от «...излишнего и одностороннего увлечения лжеименной и суемудрой европейской философией и математикой, которые <...> вредят чистоте ве-

ры и нередко воспитывают в учениках пренебрежительно-индифферентное отношение к обрядовым формам и установлениям святой православной церкви...», а также призывал отцов и учителей церкви строго наблюдать за тем, чтобы «...изучение и преподавание <...> не сопровождалось ущербом для веры и находилось в строгом послушании и подчинении евангелию, догмата веры и общепреданному христианскому благочестию...» [12, с. 620–622].

Оценивая этот документ, А.Ф. Преображенский, не соглашался с теми, кто считал его примером ретроградства и гонения на просвещение, а, напротив, называл его «...венцом всех просветительных мероприятий патриарха Григория, показывающим, что в своих заботах о преуспевании школьного дела он никогда не терял из внимания внутренней основы преподавания, смотря на это дело глубоко и серьёзно и измеряя школьный прогресс не количеством открываемых школ, а его «духом и силой» [12, с. 631]. А.Ф. Преображенский разделял убеждённость Григория V в том, что церковь должна играть существенную роль в просвещении народа, содействовать развитию образования, оказывать влияние на его направление и содержание. Вслед за патриархом он считал, что приоритетными задачами любого образования являются духовное просвещение и нравственное воспитание человека, выработка в нём чёткого и целостного мировоззрения, основу которого должны составлять идеалы православия. Эти принципы учёный последовательно отстаивал и позже, когда вплотную занялся самостоятельной педагогической деятельностью.

В дальнейшем учёная карьера и личная судьба А.Ф. Преображенского – человека удивительно многопланового, основательно образованного и эрудированного не только в вопросах теологии, но и в области гражданской истории, литературы и философии, целиком и полностью была связана с Саратовом, куда он переехал, будучи назначенным с 1 июня 1910 года профессором православного богословия Императорского Николаевского университета. Вскоре после утверждения в новой должности он был рукоположен в сан диакона (19 июня 1909 года), а 20 июня – в сан священника с возложением набедренника, а 18 марта 1912 года возведён в сан протоиерея [10, л. 3 об.; 13, л. 173]. Кроме того, 17 февраля 1911 года Саратовская духовная консистория уведомила ректора университета профессора В.И. Разумов-

ского о том, что «о[тец] Преображенский, впредь до сооружения зданий Императорского Николаевского Саратовского Университета с домовою церковью – приписан, сверх штата, к Саратовскому Кафедральному Собору» [10, л. 3 об.–5 об.]. С 22 декабря 1911 года распоряжением Преосвященнейшего Досифея, епископа Вольского, Алексей Феоктистович на правах постоянного члена был введён в состав педагогических и распорядительных собраний Правления Саратовской духовной семинарии; с 14 августа 1912 года преподавал Закон Божий в Саратовской 1-й мужской гимназии, а с 15 августа 1913 года то же самое – в учительском институте и исполнял обязанности настоятеля церкви (с 8 августа 1914 года) Саратовского Мариинского института благородных девиц. Он дважды выезжал за границу: в 1912 года для участия в международном конгрессе по истории религий в г. Лейдене, а в 1914 году на Афон и в Константинополь для занятий в монастырских библиотеках [10, л. 5 об. – 6 об.; 14, л. 174].

Неординарная личность А.Ф. Преображенского проявилась уже в его первой вступительной лекции – «Место и значение богословия в организме университетского образования» [см.: 15, с. 5–24], прочитанной студентам Саратовского университета в присутствии всех членов профессорской корпорации 10 сентября 1910 года. В ней учёный богослов выразил своё понимание смысла и цели университетского образования вообще и изучения богословских наук в частности.

Цель своего публичного выступления профессор А.Ф. Преображенский видел в том «...чтобы утвердить права на существование и значение богословия в университетах...» и ответить на вопрос: «...почему образование без него не может считаться полным и правильным?». Своевременность постановки такого вопроса была очевидна, ибо в обществе к этому времени широко распространилось мнение о том, что «...богословское развитие совершенно излишне для абитуриентов высших светских учебных школ, что оно не требуется и не оправдывается никакими насущными нуждами университетского образования, что оно может оказаться не только бесполезным (по очевидной несовместимости откровения и науки, веры и знания), но и положительно вредным, как тормоз свободы мышления и развития» [15, с. 5].

Утверждая необходимость и важность изучения богословия в университетах, А.Ф. Преображенский исходил прежде всего из общего

понимания сути и цели университетского образования. Он справедливо отмечал, что университет является рассадником высшего научного образования, «...который, в отличие от других специальных высших учебных заведений, преследующих специальные профессиональные цели, обнимает в себе преподавание всех наук, всю совокупность наличного и доступного человеку знания, <...> стремится, насколько возможно, дать общую солидную научную подготовку по всем главнейшим отраслям человеческих знаний. <...> Университет должен достойным образом представить собою всю науку или все науки и непременно в их высшем синтезе» [15, с. 7]. Учёный подчеркивал, что стремление к целостности и точности знаний является насущной потребностью всех истинно образованных, мыслящих и культурных людей. Под «цельным знанием» он понимал мировоззрение человека, его «миросозерцание», его отношение к вопросам, выходящим «за черту полуживотного существования», то есть о добре и зле, о долге, об истине, о смысле жизни и т. д. «Итак, собственным выражением подлинного образования, – заключал профессор, – служит разумная выработка цельного мировоззрения, а для этого недостаточно быть только сведущим деятелем на известном поприще жизни, а нужно ещё связать и претворить данные научных познаний в живое единство ясных представлений о мире и человеке, которые бы потом и могли осветить человеку ценность и цель его личности. Нуждаясь в специалистах, общество не менее нуждается в людях, всесторонне и широко образованных, с твёрдыми убеждениями и правилами, с определенными идеалами, с цельным взглядом на жизнь и всё существующее» [15, с. 10].

Именно такими представлялись А.Ф. Преображенскому образ и предназначение интеллигенции, лучшие представители которой выходили из стен университета, который, по меткому замечанию учёного, давал своим воспитанникам не только полное гармоничное образование, но и надёжные средства к самообразованию и выработке цельного мировоззрения.

Профессор А.Ф. Преображенский был глубоко убеждён, что христианская религия должна играть решающую роль в формировании у человека нравственных ориентиров. На пути своих духовных поисков человек неизбежно соприкасается с религиозным учением, так как

выработка мировоззрения так или иначе сводится к решению «...всё того же старого Пилатовского вопроса: что есть истина и где её искать, – вопроса, который звучит на всю историю человечества и, как показывает та же история, не находит ответа иначе, как в связи и союзе с религиозною верою, <...> ибо мыслимо ли, возможно ли на этом пути искания обойти Того, Кто называл Себя и был Истиною, Путём и Жизнью и перед духовной высотой Которого немеет само неверие...» [15, с. 12].

По мнению учёного лишь христианство как наиболее сложное, многостороннее и глубокое из всех религиозных учений может помочь человеку найти ответы на главные вопросы бытия, дать ему утешение и духовные силы. «Никакое другое мировоззрение не способно в такой степени, как христианство, стать живым центром психического мира, около которого группировалось бы всё его содержание, и объединять его идеи, чувства и стремления в цельный организм, называемый личностью. Всё догматическое и нравственное содержание христианства чудным образом соткано из того великого и вечного, что невольно вызывает живые тревоги разумного духа и невольно заставляет человека помнить о том, что он – человек, что не напрасно дана ему живая душа, что ему определена в мире высшая цель и особое назначение» [15, с. 15]. Утверждая значимость христианских ценностей в формировании личности человека и его духовных ориентиров, А.Ф. Преображенский тем самым обосновывал необходимость изучения богословских дисциплин в университете.

Развивая эту мысль, профессор указывал на то, что именно студенческие годы являются временем становления человеческой личности, когда молодые люди определяют свои идеалы и убеждения, ставят перед собой жизненные цели и задачи. Он считал необходимым помочь юношам в поисках ответов на главные жизненные вопросы и выработке правильных ценностных установок. Эта помощь, по мнению А.Ф. Преображенского, была тем более необходимой и важной, что на пути своих духовных исканий молодые люди неизбежно «...сталкиваются с вопросами религиозной мысли и жизни, этими коренными загадками разумного духа, причём смелый размах мысли, которому претят рутинность и неподвижность, широта свободного чувства, вера в

свои неиспытанные силы приводят зачастую к самым радикальным решениям» [15, с. 11].

Здесь стоит вспомнить, что писалось это во время революционного брожения умов, или, как назвал его А.Ф. Преображенский, «время необычайной умственной смуты», когда интеллигенция, разочарованная в традиционных ценностях, искала спасения и обновления в либеральных и ультрареволюционных идеях, декадентской философии и экзотических религиозных учениях. Молодёжь в силу присущего её возрасту максимализма была особенно склонной к восприятию этих социальных и интеллектуальных течений. Изучение православного богословия в университете, по мнению А.Ф. Преображенского, должно было оградить молодёжь от увлечения различного рода радикальными теориями и направить её духовное развитие в традиционном для России православном русле.

Профессор А.Ф. Преображенский не считал необходимым навязывать молодому поколению православное мировоззрение, так как всякое насильственное насаждение религиозных принципов в духовную жизнь молодых людей могло лишь отвернуть их от веры. Но при этом он справедливо полагал, что человеку, воспитанному в православной стране и собирающемуся служить ей, необходимо знать основы христианской культуры. И даже если человек не принимает религиозной веры как основы своего мировоззрения, он должен разбираться в её главных положениях, хотя бы для того, чтобы грамотно и убедительно обосновывать своё неверие. А.Ф. Преображенский писал: «...нельзя прежде всего честно и отчётливо не определить своих отношений к христианской религии, христианскому мировоззрению, без чего она лишается всякого логического права на стремление к замене его каким-либо другим мировоззрением.<...> Совершенно противоестественно и в высшей степени удивительно также, когда люди, воспитанные или выросшие в известных готовых взглядах или преданиях, не чувствуют потребности ясно определить к ним свои отношения» [15, с. 14–15].

Отвечая на распространенное среди образованной части общества мнение о несовместимости научного знания и религиозной веры, профессор утверждал, что религия и наука не противоречат друг другу, а, напротив, дополняют друг друга, способствуют выработке

«ясного и действительно-целостного научно-философского миропонимания». Свою речь он заканчивал призывом к единению христианства и науки: «Пусть же под знаменем университета окрыляет нас и пылкий дух научного познания и спасительная истина Откровения.<...> Тогда перед нами раскроется Божий мир во всём своём изумительном великолепии и ясным станет для нас путь жизни – жизни трудовой, самоотверженной, угодной Богу, достойной людей» [15, с. 23–24].

Согласно университетскому Уставу 1884 года курс православного богословия являлся обязательным предметом для студентов греко-российского исповедания всех факультетов. Из всех существовавших тогда в университете предметов богословие было единственной дисциплиной, за прослушивание которой со студентов не взималась плата.

В связи с этим на заседании Совета университета 4 сентября 1910 года ректором университета В.И. Разумовским было внесено предложение «в видах справедливости» по примеру других университетов, как, например, Казанского, выдавать профессору православного богословия «...по ходатайству Совета, с особого на каждый раз разрешения Министерства Народного Просвещения, единовременное вознаграждение по 300 рублей за каждое полугодие из остатков от содержания личного состава Университета...» [16, с. 128–129].

Совет университета одобрил предложение ректора. Помимо этого А.Ф. Преображенский получал жалованье в размере 3000 рублей в год [10, л. 1 об.]. Оно не отличалось от жалованья других профессоров и подтверждало справедливость утверждения В.Д. Зёрнова о том, что гонорар саратовских учёных был невелик [17, с. 83–84, 212].

Курс православного богословия студенты прослушивали в первый год своего обучения в университете. На его изучение отводилось два часа в неделю в осеннее полугодие для студентов I семестра и два недельных часа в весеннее полугодие для студентов II семестра [18, с. 1–2]. Лишь в 1910–1911 академическом году наряду со студентами I и II семестров курс православного богословия проходили и студенты III и IV семестров, то есть второго года обучения. При этом на изучение данной дисциплины отводилось три часа в неделю [18,

с. 1–2]. Это было связано с тем, что в предыдущем 1909–1910 учебном году богословие не преподавалось из-за отсутствия профессора православного богословия. Каких-либо практических занятий по этому курсу не предусматривалось, а по окончании его был установлен экзамен.

Исходя из данных «Обозрения преподавания...», можно судить, что курс православного богословия в Саратовском университете был интересным и охватывал широкий круг вопросов, касающихся происхождения религии, истории мировых религий, отношения религии с наукой и искусством [19, с. 1–2]. Основное внимание, конечно, уделялось христианской вере: рассматривалась её история, изучались первоисточники христианства, его главные догматы и традиции. Целью курса было доказательство «...исключительного положения христианской религии во всемирной истории религий, её божественного происхождения...» [20, с. 1–2].

Большое место отводилось научному оправданию христианства. Со временем в содержание курса были включены вопросы об атеизме и его причинах, о различных теориях, ставящих под сомнение учение и самобытность христианства, а основные истины христианской религии стали преподаваться в «сопоставлении с учением Гарнака и новейшего социализма о сущности христианства» [18, с. 1–3].

Очевидно, эти изменения были вызваны велением времени, которое сам Алексей Феоктистович называл «духовно-изломанным». Молодое поколение с азартом увлекалось радикальными политическими и научными идеями, а христианство, к сожалению, теряло свой авторитет.

В апреле 1911 году профессор А.Ф. Преображенский подал в Совет университета представление, в котором предлагал расширить содержание предмета православного богословия: «В виду обнаруживаемого некоторыми из студентов I-го курса интереса к широкому изучению богословия и не раз высказывавшего мне ими лично желания ознакомиться возможно детальнее с научно-богословской критикой новейших отрицательных суждений о лице и деле Христовых, находящих себе широкое распространение и среди русского интеллигентского общества, я находил бы со своей стороны весьма полезным и нужным прочитать в будущем учебном году студентам III-го и

IV-го семестров (т. е. нынешним первокурсникам по переходе их на второй курс), в дополнение к уже предложенному им курсу «Основного богословия» (защита общих основ религии) ещё «Евангельскую историю Иисуса Христа (в апологическом изложении) – в качестве необязательного бесплатного...» [21, л. 42].

Совет университета поддержал это предложение, и уже в 1912–1913 учебном году студентам был предложен курс евангельской истории Иисуса Христа (в апологетическом изложении). Его содержание включало в себя знакомство с новейшими теориями по истории христианства и их критический анализ, рассмотрение жизни, деятельности и учения Иисуса Христа, осмысление идеи спасения людей как главного «богочеловеческого дела Христа» [см.: 18, с. 2–3].

Первоначально на него отводилось два часа в неделю, а с 1914 года – один час. Дополнительный курс оказался востребованным студентами и читался профессором А.Ф. Преображенским в течение нескольких лет. Как указывалось в отчётах о деятельности кафедры православного богословия, желающих прослушать курс евангельской истории Иисуса Христа исчислялось от 18 до 20 человек. Это составляло небольшую часть от общего числа студентов-второкурсников.

Гораздо большее число студентов относилось к предмету православного богословия не вполне серьезно. На заседании Совета университета 9 сентября 1911 года А.Ф. Преображенский отмечал, что, несмотря на значительное продление сроков сдачи экзамена по богословию, около 70 учащихся так и не приступили к нему, а из тех, кто проходил испытание, многие отправлены на переэкзаменовку [22, с. 22].

Помимо преподавания православного богословия Алексею Феокистовичу нередко приходилось выступать в роли гуманитария, так как историко-филологический факультет в Саратовском университете был открыт лишь в 1917 году. По поручению университетского Совета на юбилейных торжествах и публичных собраниях он представлял религиозно-философское и литературно-художественное наследие таких, например, гениев русской науки и литературы, как: М.В. Ломоносов, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов и др., что свидетельствует о глубоком образовании, широких интересах и эрудиции А.Ф. Преображенского.

В своих выступлениях он неизменно касался темы отношения творческих личностей и деятелей науки к религии, и на примере их жизни и убеждений доказывал, что истинная наука и искусство вполне гармонично соотносятся с религиозной верой [см.: 23; 24; 25]. Он говорил, что «...пренебрежение ради науки религиозными вопросами есть страшная и самая печальная односторонность, заставляющая человека нести тяжёлое бремя жизни подобно рабу, исполняющему волю своего господина и не понимающему значения своего труда, – обесценивающая жизнь, обращающая её в страшную загадку, тяжёлое бремя, невыносимую подчас пытку, проклятье судьбы!» [23, с. 10].

А.Ф. Преображенский призывал своих слушателей – студентов и профессоров университета – подобно великим учёным превратить науку из простого профессионального ремесла в «...исполнение человеком своего высокого назначения, путь к духовному облагорожению и нравственному самосозиданию личности, к искоренению суеверий и предрассудков...» [24, с. 20].

Особенно отчётливо эта грань личности учёного проявилась в годы военного лихолетья. Его глубоко прочувствованное Слово в момент начала Первой мировой войны [см.: 26] и Речи при открытии и освящении лазаретов для раненых воинов [см.: 27; 28] проникали в души и сознание православных прихожан, побуждая их к решительным действиям во благо спасения Отечества и своих близких. Сам же А.Ф. Преображенский выступил 9 марта 1915 года с инициативой: «завести помянник (диптих) для занесения в него имён усопших, павших жертвами долга, бывших студентов Императорского Николаевского Университета, совершать по ним ежегодно общую панихиду накануне годовичного Университетского праздника, то есть 5 декабря» [29, с. 37]. Университетское начальство охотно претворило эту идею в жизнь. В настоящее время указанный помянник как бесценная реликвия хранится в отделе редких книг НБ СГУ.

Разразившуюся братоубийственную войну, с первых дней её объявления, Алексей Феофистович рассматривал как «всемирную катастрофу», «человеческое безумие», когда «все силы научной мысли и человеческой изобретательности были брошены на служение богу крови и мести» [30, с. 2]. По его разумению, она явилась ярким и жестоким уроком того, что «...никакие успехи науки и техники сами

по себе не спасают ещё от ужасов насилия, разрушения и бессмысленной злобной дикости, что цивилизация и прогресс не есть самодовлеющая сила, а лишь орудие, которым одинаково широко и мощно может пользоваться и пользуется не только добро, но и зло» [31, с. 237].

С особой силой зазвучала мысль, которую А.Ф. Преображенский неоднократно высказывал в своих выступлениях, о том, что истинные наука, философия, искусство должны иметь под собой нравственную основу, строиться на принципах добра и гуманизма. Он верил, что возрождение христианских ценностей способно остановить войну и спасти мир: «Среди разрушающего мира идей одна остается вечная, не меркнущая идея, – идея спасения Христом человечества, и обойти эту евангельскую идею, отказаться от христианских лозунгов жизни, после всего, что пережито и переживается теперь человечеством, в предстоящей переоценке жизни, казалось бы, решительно невозможно. Только оно одно – Евангелие Христа, – может возродить и спасти человечество...» [30, с. 4].

Как большинство русских людей, А.Ф. Преображенский верил в победу русского оружия, так как считал войну со стороны России и её союзников справедливой, и призывал своих учеников и прихожан сделать всё возможное во благо Отечества и своих близких.

За свою подвижническую и многостороннюю научно-педагогическую и общественную деятельность Алексей Феоктистович в разные годы был награждён орденами Святого Станислава 3 степени (1908), Святой Анны 3 степени (1915) и наперсным крестом (1913).

О частной жизни профессора, о его человеческих качествах и характере сохранилось очень мало сведений. Об этих гранях его личности мы можем судить разве что по мимолетным упоминаниям в дошедших до нас источниках личного происхождения.

Не будучи скованным религиозными догмами, несмотря на свой священнический сан, и, более того, в тесном дружеском окружении (со слов близко знавшей его С.В. Разумовской – дочери первого ректора Саратовского университета) сознаваясь, что «попом он сделался случайно» [32], Алексей Феоктистович в любой профессорской семье всегда оказывался добрым и желанным гостем. Под его чёрной рясой, с которой он нигде не расставался, скрывалась натура удивительно мяг-

кого, жизнелюбивого и даже озорного человека, нет-нет да и прорывавшаяся наружу, оставляя после себя приятные и тёплые воспоминания. У него были прекрасные отношения со всеми коллегами по университету, а с некоторыми из них он близко дружил. Их роднило не только общее дело, но и общность мировоззрений, ибо среди профессоров Саратовского университета, было немало глубоко и искренно верующих людей, таких, например, как: В.И. Разумовский, В.Д. Зёрнов, Н.М. Какушкин, И.Н. Быстренин и др. [см.: 17, с. 74; 33, с. 44–46; 34,]. Одинаково легко и непринуждённо он общался как с учёными мужами, так и с их домочадцами – жёнами, детьми и даже прислугой, о чём свидетельствует письмо профессора В.Д. Зёрнова жене Е.В. Зёрновой от 10 июня 1912 года.

Описывая забавный случай, произошедший накануне с Преображенским на прогулке, Зёрнов писал: «Вчера без четверти пять отправились с батей по трамваю на Трофимовский разъезд. Попили чаю сначала у Вормсов, а потом у Разумовских и отправились на гору гулять. На самом верху горы большая ровная площадка, ребята пристали, чтобы бегать с ними в горелки. Бегали все: и Вас[илий] Ив[анович Разумовский], и Вормс, и батя, и я. Батя запутался в рясе и упал – ноги кверху, но благополучно. А В.В. Вормс, хоть и не упал, а что-то ногу вытянул с отвычки бегать.

Несмотря на эти две неудачи, погуляли очень недурно. Сверху вид чудесный на горы и степь и даже видна Волга и Покровская слобода, до которой вёрст 15, если не больше. Ходили потом на карусель и гимнастику – там дачевладелец для дачников устроил, а потом, поужинавши у Разумовских, отправились с батей домой. Вся молодежь нас провожала до трама. Батя в Казань не уходит, туда назначили другого. Он, впрочем, не огорчён и вчера дурил и по обыкновению плёл разные глупости, но весело и добродушно» [35, с. 113].

После октябрьских событий 1917 года так же, как во всём общественном устройстве страны, произошёл серьёзный надлом и в судьбе А.Ф. Преображенского. С принятием декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви недвусмысленно давалось всем понять, что «в стенах Университета недопустимо нахождение предметов религиозного культа» [36, л. 88 об.], а тем паче существование в нём кафедр православного богословия.

Лишившись основного места службы и оставшись с женой и тремя детьми на руках² без каких-либо средств к существованию, Алексей Феоктистович при поддержке своих бывших коллег попытался было устроиться в родном университете библиотекарем. Подтверждением тому служит запись в протоколе заседания Правления Саратовского университета от 17 марта 1919 года. Поддерживая представленную кандидатуру, отмечалось в ней, «библиотечная комиссия <...> главным образом руководствовалась тем, что из всех просителей (в количестве 9 человек. – В.С.) только один А.Ф. Преображенский заявил, что он согласен временно (на период военной службы старшего помощника библиотекаря М.С. Лучинкина. – В.С.) исполнять эту обязанность, тогда как все другие просители желают иметь постоянное место службы в библиотеке» [36, л. 5].

Но, несмотря на доброжелательное отношение к претенденту на вакантную должность со стороны руководства университета, осуществить планируемое назначение не удалось. Непреодолимым препятствием в этом вопросе явилось исходившее из центра «распоряжение о том, что священники не могут допускаться для занятия каких бы то ни было должностей во все без исключения школы» [36, л. 5 об.].

Спустя год после этих печальных событий ректор университета профессор В.Д. Зёрнов известил членов Совета о преждевременной смерти на 45 году жизни от сыпного тифа бывшего профессора Саратовского университета по кафедре православного богословия А.Ф. Преображенского и предложил почтить его память вставанием, что и было сделано. В своём заседании от 28 апреля 1920 года. Совет университета постановил: «Поместить портрет А.Ф. Преображенского в “Ученых Записках Саратовского Университета” с биографическим очерком и характеристикой его работ; просить профессора И.А. Чуевского составить краткий некролог усопшего; выразить от имени Совета соболезнование его вдове, передать которое просить ректора В.Д. Зёрнова и профессора Н.М. Какушкина» [37, л. 123 об.].

Непродолжительная, но удивительно плодотворная и многосторонняя жизнь А.Ф. Преображенского, его активная наставническая, педа-

² А.Ф. Преображенский был женат на Екатерине Сергеевне, урождённой Бахваловой (19.11.1880 – ?) и имел в этом браке троих детей: сына Сергея (13.06.1909 – ?) и двух дочерей – Марию (27.07.1905 – ?) и Елизавету (1.10.1914 – ?).

гогическая и научная деятельность является достойным примером честного служения своему делу и людям, принесения в жизнь идеалов добра, нравственности и ответственности. Главной задачей религиозного просвещения он считал восприятие студентами христианских духовных и нравственных ценностей, на основе которых в дальнейшем должна строиться их научная и профессиональная деятельность, их мировоззрение. Служению этой цели была без остатка посвящена и его собственная жизнь.

Список использованных источников и литературы:

1. *Борискин В.М.* Многообразие духовности: о преподавании религии и атеизма в вузах // Вестник Мордовского университета. 1991. № 3. С. 22–25.
2. *Дубинин А.* Научный поиск и христианские ценности // Вестник высшей школы. 1991. № 7. С. 44–50.
3. *Роках А. Г.* Интеллигенция и религия // Саратовский университет (газета). 1997. Октябрь. № 9.
4. *Гинзбург В.* Ещё раз о религии и науке // Саратовский университет (газета). 1998. Ноябрь. № 12. и др.
5. *Любашина Л.* Это невероятно?! Но очевидно // Саратовский университет (газета). 2000. Октябрь. № 13.
6. *Роках А.Г.* Отклик на статью академика Гинзбурга В. // Саратовский университет (газета). 1998. Ноябрь. № 12.
7. *Кураев А.* Конфликт или союз случаен в отношениях веры и науки? // Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело. Ростов-на-Дону, 2001. С. 292–316.
8. *Фёдорова С.* Нужно ли в вузах богословие? // Саратовский университет (газета). 2003. 6 марта.
9. Закон об учреждении Университета в городе Саратове // Известия императорского Николаевского университета (ИИНУ). 1910. Т. I. Официальный отд. С. 9–12.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 876.
11. *Преображенский А.Ф.* Общее церковно-политическое состояние греческого востока ко времени вступления Григория V на константинопольскую патриархию // Православный собеседник. 1904. Т. II. С. 166–189.
12. *Преображенский А.Ф.* Церковно-народное просвещение греков при Григории V, патриархе константинопольском // Православный собеседник. 1904. Т. II. С. 598–631, 798–815, 1132–1146.
13. Саратовский листок (газета). 1910, 7 июля и 24 окт.
14. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 273.

15. *Преображенский А.Ф.* Место и значение богословия в организме университетского образования // ИИНУ. 1911. Т. II, вып. 1. Научный отд. С. 5–24.
16. Протокол заседания Совета Императорского Николаевского Саратовского Университета от 4 сентября 1910 года // ИИНУ. 1911. Т. II, вып. 3–4. Университетская летопись. С. 111–130.
17. *Соломонов В.А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917) / под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999.
18. Обзорение преподавания по медицинскому факультету Императорского Николаевского Университета на 1912–1913 академический год // ИИНУ. 1912. Т. III, вып. 3. Университетская летопись. С. 1–22.
19. Обзорение преподавания по медицинскому факультету Императорского Николаевского Университета на 1910–1911 академический год // ИИНУ. 1911. Т. II, вып. 1. 4. Университетская летопись. С. 1–2.
20. Обзорение преподавания по медицинскому факультету Императорского Николаевского Университета на 1912–1913 академический год // ИИНУ. 1912. Т. III, вып. 3. Университетская летопись С. 1–22.
21. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 158.
22. Протокол заседания Совета Императорского Николаевского Университета от 9-го сентября 1911 года // ИИНУ. 1912. Т. III, вып. 3. Университетская летопись. С. 1–24.
23. *Преображенский А.Ф.* Речь перед панихидой по Н.И. Пирогову в день столетнего юбилея со дня его рождения (1810–1910 гг.) // ИИНУ. 1911. Т. II, вып. 3–4. Научный отд. С. 1–10.
24. *Преображенский А.Ф.* Духовный облик М.В. Ломоносова и некоторые основные черты его мирозерцания // Ломоносовский день в Императорском Николаевском Университете. Саратов, 1911. С. 17–27.
- 25 *Преображенский А.Ф.* Слово перед панихидой по М.Ю. Лермонтову, в столетнюю годовщину со дня его рождения // ИИНУ. 1914. Т. V, вып. 3. Научный отд. С. 193–198.
26. *Преображенский А.Ф.* Слово пред молебном о даровании победы русскому оружию и пред началом лекций в Императорском Николаевском Университете (31 августа 1914 года) // ИИНУ. 1914. Т. 5, вып. 3. Научный отд. С. 185–188.
27. *Преображенский А.Ф.* Речь на молебне пред освящением земского лазарета для раненых в помещении Императорского Николаевского Университета // ИИНУ. 1914. Т. 5, вып. 3. Научный отд. С. 189–192.
28. *Преображенский А.Ф.* Речь на молебствии перед освящением лазарета Российского Общества Красного Креста при Саратовском 1-м реальном училище 26 октября 1914 года // ИИНУ. 1914. Т. 5, вып. 3. Научный отд. С. 199–206.
29. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1915 г. // ИИНУ. 1916. Т. VII, вып. 2. Университетская летопись. 1–122.

30. *Преображенский А.Ф.* Слово на молебне перед началом лекций в Императорском Николаевском Университете // ИИНУ. 1916. Т. VII, вып. 2. Научный отд. С. 1–4.

31. *Преображенский А.Ф.* Речь перед напутственным молебном отъезжающему на войну выпуску молодых врачей Императорского Николаевского Университета (26-го ноября 1914 года) // ИИНУ. 1915. Т. V, вып. 4. Научный отд. С. 235–239.

32. Фонограмма беседы с С.В. Разумовской // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова [Саратов] (Коллекция В.А. Соломонова).

33. *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента / публ., вст. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова; под ред. А.Е. Иванова. М., 2005.

34. *Разумовский В.И.* Отрывки из дневника // Коллекция В.А. Соломонова.

35. «Как грустно и тяжело без вас...». Из переписки В.Д. Зёрнова с женой 1905–1921 годов / публ., вступ. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова. Саратов, 2013.

36. ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 61.

37. ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 121.

В.В. Левченко

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ «ОДЕССКОГО» ПЕРИОДА УЧЕНОГО-ИСТОРИКА А.В. ФЛОРОВСКОГО

Статья посвящена «одесскому» периоду биографии историка А.В. Флоровского. На основе современной историографии, а также ранее неизвестных исторических источников, раскрываются новые страницы жизни и деятельности ученого. В статье структурируются современные исследования, посвященные его биографии, выделяются дискуссионные моменты.

Ключевые слова: А.В. Флоровский, Одесса, «одесский» период, биография, исторические источники, генерации.

V.V. Levchenko

NEW PAGES OF THE BIOGRAPHY OF THE «ODESSA» PERIOD OF THE SCIENTIST-HISTORIAN A.V. FLOROVSKY

The article is devoted to the Odessa period of the biography of the historian A.V. Florovsky. Based on modern historiography, as well as previously unknown historical sources, the new pages of his life and work are revealed. The article structures modern research on his biography, highlights discussion points.

Key words: A.V. Florovsky, Odessa, «Odessa» period, biography, historical sources, generation.

В 2019 году исполнилось 135 лет со дня рождения ученого-историка профессора Новороссийского (Одесса) и Карлова (Прага) университетов Антония Васильевича Флоровского (1884–1968). Его жизнь и судьба отражают сложный и трагический период истории России первой половины XX века. Несмотря на все житейские трудности этого времени, А.В. Флоровский сохранял человеческое достоинство и интеллектуальную независимость ученого, проявлявшиеся как в повседневной жизни и научном творчестве, так и в поведении внутри академического сообщества.

Жизнь А.В. Флоровского условно можно разделить на два этапа. Первый этап – «отечественный» (1884–1922), во время которого произошло становление ученого, защита магистерской диссертации, при-

своение первого ученого звания, публикации первых научных трудов, вхождение в академическое сообщество. Второй этап – «эмигрантский» (1922–1968), на который приходится более чем 40-летняя плодотворная научная деятельность: защита докторской диссертации, издание монографий и научных статей, выступления с докладами на научных форумах, получение признания в зарубежном научном сообществе.

Исследование жизни и творчества А.В. Флоровского также можно условно разделить на два этапа, каждый из которых имеет определенные характерные черты. На первом этапе (конец 1960-х – конец 1980-х годов) изучению биографии ученого было уделено слабое внимание. Первыми биографами историка стали его современники. В СССР [1] и за рубежом [2] были опубликованы по одной статье в формате некролога. В них была дана поверхностная оценка отдельных работ ученого, сделаны первые попытки обобщения его научного наследия. В 1990-е годы начался второй этап изучения биографии А.В. Флоровского. Изменившаяся общественно-политическая ситуация и новые научные тенденции на территории бывшего СССР обусловили появление новых подходов к изучению определенных аспектов жизни историка. На этом этапе активные попытки синтетического постижения биографии и творчества ученого осуществили представители российской [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11] и украинской [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20] исторической науки, которые презентовали публикации в различных научных форматах. Таким образом, на сегодня сложился солидный массив разноплановых научных исследований, реконструирующих разные аспекты жизни ученого.

Наличие значительного пласта научной литературы привело не только к решению определенных вопросов биоисториографического характера, но и появлению историографических коллизий. Например, киевский историк А.С. Мирончук, несмотря на наличие мощного украинского историографического потенциала в изучении биоисториографии А.В. Флоровского, высказывает безосновательное умозаключение: «Справедливости ради вынуждены констатировать, что фигура и научный потенциал А.В. Флоровского находится в большей степени в поле зрения российских исследователей... Отечественные исследователи обращаются к биографии и творческому наследию А.В. Флоров-

ского главным образом в контексте изучения эмиграционных и депортационных процессов в среде научной элиты Южной Украины и исследования украиноведческих компонентов в их научно-исторических исследованиях». При этом делает ссылку только на две статьи, в которых имя ученого упоминается косвенно [21, с. 250–251].

Анализируя историографический материал, посвященный личности А.В. Флоровского, констатируем, что его биография обрисована лишь в незначительной степени, а комплексного, многоцветного портрета ученого до сих пор еще не написано. В связи с этим в основу данной статьи легла идея осветить «одесский» период жизни А.В. Флоровского с акцентированием внимания на ранее неизвестных фрагментах жизни ученого и уточнением многих сюжетов его биографии на основе использования ранее не введенных в научный оборот исторических источников из российских и украинских архивохранилищ.

Судьба связала жизнь А.В. Флоровского с Одессой задолго до 1894 года, когда он вместе с семьей переехал из Елисаветграда в «южную» столицу. Дело в том, что крестными родителями (восприемниками) А.В. Флоровского 16 декабря 1884 года, через 15 дней после его рождения, стали известные представители одесского интеллектуального сообщества – А.Н. Кудрявцев и М.Ф. Попруженко [22, л. 147]. Крестным отцом стал друг семьи Флоровских и коллега М.Г. Попруженко (брата К.Г. Флоровской (Попруженко) и дяди А.В. Флоровского) Александр Николаевич Кудрявцев (1840–1888) – профессор богословия Императорского Новороссийского университета, протоиерей, настоятель Александро-Невской университетской церкви, который пользовался в Одессе большой популярностью как проповедник [23, с. 99–100]. Крестной матерью стала бабушка А.В. Флоровского по материнской линии, жена протоиерея Сретенской церкви Г.И. Попруженко – М.Ф. Попруженко (Самборская).

После переезда А.В. Флоровского в Одессу его биографическая канва отмечена следующими событиями. Летом 1903 года он окончил одесскую 4 мужскую гимназию, расположенную на улице Пушкинской, в которой он обучался на протяжении девяти лет, вместо положенных восьми и пробыл в восьмом выпускном классе один год. Средний бал аттестата зрелости, подписанного 7 июня 1903 г., равнялся 4,66. На испытаниях, проходивших в период с 30 апреля по 6 июня, он получил

среднюю оценку 4,87 балла (семь экзаменов сдал на пять, один – на четыре) [24, л. 12–13].

В 1903–1908 годах А.В. Флоровский учился на историко-филологическом факультете Императорского Новороссийского университета. Получение высшего образования для него растянулось вместо общепринятых четырех лет на пять. Это было связано с его участием на первом курсе в трех из четырех (кроме 18 октября) студенческих сходках, проходивших 11, 17 и 20 ноября 1903 года. Всего в сходках приняли участие 421 студент, из которых 41 человек представляли историко-филологический факультет. В этих сходках первокурсник А.В. Флоровский принимал участие вместе со многими студентами, которые в дальнейшем в разной степени проявили свои знания на поприще социогуманитарных наук. Среди них были студент 4 курса С.Л. Авалиани (11 и 17 ноября), студент 3 курса П.М. Бицилли (17 ноября), студенты 1 курса И.М. Малинин (11 ноября) и К.Б. Бархин (11 и 17 ноября) [25, л. 83–90 об.]. Не исключено, что именно на студенческой сходке 17 ноября 1903 года могло произойти знакомство А.В. Флоровского и П.М. Бицилли, в будущем двух маститых историков.

В марте 1908 года как студент славяно-русской группы исторического отделения историко-филологического факультета А.В. Флоровский получил зачетное свидетельство, в котором все отметки были «весьма удовлетворительными» [26, л. 1]. Отлично сданные испытания позволили ему получить диплом первой степени. Он был оставлен на кафедре русской истории с 1 января 1909 года для подготовки к профессорскому званию под руководством профессора И.А. Линниченко, давшего 30 мая 1908 года положительную рекомендацию его научным занятиям [27, л. 3 об., 15–16]. Одновременно с пребыванием в аспирантуре А.В. Флоровский преподавал в Одесском коммерческом училище (1907–1911).

С 31 октября 1911 года, после сдачи магистерских экзаменов, А.В. Флоровский начал преподавать на историко-филологическом факультете в качестве приват-доцента. После публичной защиты 14 февраля 1916 года в Московском университете магистерской диссертации на тему «Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг.» 17 января 1917 года он был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора кафедры русской истории [27, л. 5 об. – 6 об.].

В общем, на протяжении семи лет он работал в семи заведениях высшей школы Одессы. Кроме университета также преподавал на Высших женских курсах (1915–1920), в Политехническом институте (Одесский политехнический институт, 1918–1920), Гуманитарно-общественном институте (1920–1921), Археологическом институте (1921–1922), Институте народного хозяйства (1921–1922) и Институте народного образования (1921–1922) [19, с. 431]. Среди перечисленных вузов отдельного внимания заслуживает история Одесского политехнического института, открытого в сентябре 1918 года по инициативе прогрессивных представителей одесского интеллектуального сообщества на частные пожертвования. За всю историю высшей школы Одессы Политехнический институт был единственным вузом, в учебных планах которого на протяжении 1918–1921 годов не было дисциплин идеологического содержания. С первых дней существования присущая всем имперским вузам дисциплина «Богословие» не была введена в учебные планы. С установлением советской власти только в 1921 году в учебные планы была введена дисциплина «Исторический материализм». С сентября 1918 года в преподавательский состав Политехнического института входило два историка с историко-филологического факультета Новороссийского университета – нештатные профессора П.М. Бицилли (всеобщая история) и А.В. Флоровский. Последний на экономическом факультете в осеннем семестре читал курс лекций по русской истории (4 часа в неделю) [28, л. 6, 22–22 об.; 29, л. 5–6; 30, л. 78; 31, л. 52], а не экономической истории России [18, с. 425]. В 1920 году экономический факультет Политехнического института был реорганизован, и А.В. Флоровский прекратил педагогическую деятельность в этом вузе.

Одним из векторов научной деятельности историка было участие в работе научных обществ: Одесском славянском благотворительном обществе (1911–1920), Одесском библиографическом обществе (1912–1920), Историко-филологическом обществе при Новороссийском университете (1912–1920), Одесском обществе истории и древностей (1911–1922). В последнем обществе в 1918–1922 годах А.В. Флоровский занимал должность секретаря и в сложной общественно-политической и экономической ситуации пытался сохранять и продолжать традиции его деятельности [32, с. 59].

С установлением в Одессе советской власти А.В. Флоровский продолжал принимать активное участие в работе многих научных учреждений. В 1921–1922 годах он работал в Одесской публичной библиотеке, где в период с марта по ноябрь 1921 года занимал должность директора [33, с. 392]. В 1920–1922 годах работал в Одесском областном управлении архивным делом (заведующий – Ю.Г. Оксман) и Одесской центральной комиссии по концентрации и разработке историко-революционных материалов (председатель – Ю.Г. Оксман) при этом же управлении. По основной должности в Областном управлении архивным делом А.В. Флоровский был помощником заведующего управлением, но в период с 25 августа по 10 декабря 1920 года он исполнял обязанности заведующего управлением и председателя комиссии [34, л. 6, 11.]. Его деятельное участие в организации архивной системы в Одесской области было не случайным явлением. Проводя научные исследования исключительно на основе архивных материалов, А.В. Флоровский блестяще представлял и ценил их значение. Поэтому 16 мая 1917 года подал в сформированный 18 марта 1917 года в Петрограде Союз российских архивных деятелей заявление о принятии его в члены этой организации: «Чсть имею просить Совет Союза российских архивных деятелей принять меня в число членов союза. Вместе с тем прошу выслать на мое имя Устав Союза» [35, л. 113]. 8 июня 1917 года А.В. Флоровский был избран действительным членом Союза российских архивных деятелей [36, л. 29].

С образованием в марте 1920 года в Одессе Областного управления архивным делом А.В. Флоровский вошел в группу ученых, которая проводила работу по организации архивной системы в Одесской области. Главными функциями управления являлись концентрация архивных документов на территории Одесщины, контроль над ведомственными архивами, обеспечение учета и хранения документов, организация их использования и публикаций [37]. Главные аспекты работы А.В. Флоровского в архивных учреждениях были связаны с выявлением, обследованием и передачей ведомственных архивов в структуру Областного управления архивным делом [38, л. 2, 6.]. Проведение данных процедур приводило к постоянным разъездам ученого по многим адресам города и соответственно к его частому отсутствию на рабочем месте в помещении управления. Вследствие этого

констатируем, что высказанное с негативным оттенком упоминание С.Я. Борового о А.В. Флоровском как о сотруднике архивных учреждений, который весьма редко появлялся на службе [39, с. 98], является предубеждением на основании незнания всех исторических фактов. Итак, личная роль А.В. Флоровского в деятельности двух вышеупомянутых архивных учреждений остается не изученной и заслуживает отдельного комплексного исследования.

Сферами научных интересов А.В. Флоровского в «одесский» период жизни вопросы социально-экономической истории и истории права Российской империи в XVIII–XIX веках. С началом научной деятельности он изучал историю крепостного права в Российской империи, в том числе в южных губерниях, со времен Екатерины II в процессе его отмены и крестьянский вопрос в 1860–1870-х годах. Несмотря на противоречивость некоторых положений, его работы, благодаря значительной документальной базе, сохраняют ценность. На рубеже 1910–1920-х годов историк вел научную работу, используя исключительно материалы одесских архивов и библиотек. Он нашел и опубликовал неизвестные в научном сообществе документы по истории южного края – «Собрание высочайших грамот и указов...». Одним из неизученных фрагментов «одесского» периода жизни А.В. Флоровского, в контексте его научного наследия, является игнорирование его биоисториографами четырех работ: «Из бумаг М.М. Кириакова» [40], «Памяти Льва Степановича Мацеевича (17-го ноября 1915 года)» [41], «Научные труды В.И. Семевского» [42] и «Каким летописным текстом пользовался Герберштейн?» [43]. Первая из них является публикацией документов, которые имеют большое значение для изучения истории южных земель Российской империи на рубеже XVIII–XIX веков. Три последних работы имеют историографический характер и заслуживают введения в научный оборот.

19 сентября 1922 года «одесский» период в жизни А.В. Флоровского, который можно охарактеризовать временем становления ученого, трагично оборвался. Он был выслан из страны согласно декрету ВУЦИК «Об административной высылке за границу» от 1 августа 1922 года [44; 45]. С эмиграцией в жизни ученого начался новый этап, который явился временем расцвета его интеллектуального творчества.

Тщательное изучение биографии А.В. Флоровского на основе ранее неизвестных документов дает основание скорректировать ее канву в студенческие годы ученого. В этот период на общем фоне революционных волнений он стремился принимать активное участие в общественно-политической жизни. Социальная среда, из которой происходил ученый (духовенство), во многом обусловила его мировоззрение. Ему была присуща идея о приоритете народных, особенно крестьянских интересов над государственными, что и отразилось во многом на его научной деятельности. Ученый был одной из значимых фигур среди представителей российского интеллектуального сообщества первой половины XX века. Научная деятельность А.В. Флоровского была одной из ярких страниц развития российской исторической науки. Как ученик А.И. Линниченко он принадлежал к киевской исторической школе и в «одесский» период научной деятельности был непосредственно причастен к становлению одного из ее направлений – изучению историко-правовых аспектов российской истории. Он разработал большой объем источниковедческого материала по истории южных земель Российской империи XVIII–XIX веков. Многие труды А.В. Флоровского еще не стали объектом комплексного историографического осмысления.

Список использованных источников и литературы:

1. *Зайончковский П.А.* Антоний Васильевич Флоровский [Некролог] // История СССР. 1969. № 2. С. 251.
2. *Zástěrová B.* A.V. Florovskij 1885–1968 // Byzantinoslavica. Т. 30. 1969. S. 139–140.
3. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 179–182, 234–244.
4. *Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994. Кн. 1. С. 95–100.
5. *Лалтвева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 55–63.
6. *Аксенова Е.П.* Жрец «Клио» (К научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. Вып. 1. С. 32–47.
7. *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87.

8. *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия.* М., 2013. С. 131–138.
9. *Лалтвева Т.Н.* Научная репатриация профессора А.В. Флоровского // *Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции.* СПб., 2013. С. 358–362.
10. *Ковалев М.В.* А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // *Новая и новейшая история.* 2017. № 6. С. 123–140.
11. *Лалтвева Т.Н.* Главные потрясения XX века в индивидуальном восприятии и судьбе А.В. Флоровского // *Славяноведение.* 2017. № 4. С. 52–63.
12. *Попова Т.М.* Флоровський Антоній Васильович // *Професори Одеського (Новоросійського) університету.* Т. 4. Одеса, 2000. С. 294–299.
13. *Волченко В.В.* Професор Новоросійського університету А.В. Флоровський: віхи біографії (за матеріалами Державного архіву Одеської області) // *Записки історичного факультету.* Одеса, 2002. Вип. 12. С. 543–546.
14. *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В. Флоровский // *Дерибасовская – Ришельевская: литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах.* Одесса, 2003. № 15. С. 9–24.
15. Листи Антонія Флоровського до В.Т. Галяса // *Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження) / упор. В.М. Хмарський.* Одеса, 2006.
16. *Попова Т.Н.* Заметки об изучении интеллектуальной истории А.В. Флоровского // *Причорноморський регіон у контексті європейської політики.* Одеса-Ополе-Вроцлав, 2008. С. 119–128.
17. *Попова Т.Н.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В. Флоровского: К 125-летию со дня рождения // *Проблемы славяноведения.* Вып. 11. Брянск, 2009. С. 147–164.
18. *Калінку В.В.* Флоровський Антоній Васильович // *Одеські історики. Енциклопедичне видання.* Т. 1 (початок XIX – середина XX ст.). Одеса, 2009. С. 424–427.
19. *Левченко В.В.* Флоровський Антоній Васильович // *Дослідники історії Південної України: біобібліографічний довідник / упоряд. Ігор Лиман.* Київ, 2016. Т. 2. С. 431–434.
20. *Попова Т.Н.* Антоний Васильевич Флоровский: европеец поневоле // *Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика.* Одесса, 2017. С. 254–275.
21. *Мирончук А.* «Як учений – я завжди був, є і буду прихильником живої і активної дослідницької та видавничої роботи». А.В. Флоровський у славістичному житті російської наукової еміграції 1920–1930-х років // *Наукові праці Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського (Слов'янські обрії): збірник наукових праць / редкол.: О. Онищенко (голова) [та ін.].* Київ, 2019. Вип. 53 (10). С. 250–269.

22. Государственный архив Кировоградской области. Ф. 345. Оп. 1. Д. 27.
23. *Левченко В.В., Левченко Г.С.* Александро-Невская церковь Новороссийского университета: история, персоналии, документы. Изд. 2-е, перевод. на рус. яз., испр. и дополн. Одесса, 2016.
24. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 5. Д. 13754.
25. ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 686.
26. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2262.
27. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1714.
28. ГАОО. Ф. Р-126. Оп. 1. Д. 11.
29. ГАОО. Ф. Р-126. Оп. 1. Д. 15.
30. ГАОО. Ф. Р-126. Оп. 1. Д. 16.
31. ГАОО. Ф. Р-126. Оп. 1. Д. 107.
32. *Охотников С.Б.* Археология в Одессе. Одесса, 2010.
33. Одеська державна наукова бібліотека імені М. Горького. 1829–1999: Бібліографічний покажчик. Одеса, 2004.
34. ГАОО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 12.
35. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 49.
36. ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 48.
37. *Левченко В.В.* Роль одеських вчених-істориків у становленні архівної справи в Україні (перша третина ХХ ст.) // Архів. Історія. Сучасність. Вип. 2. Одеса, 2016. С. 162–169.
38. ГАОО. Ф. Р-5128. Оп. 1. Д. 5.
39. *Боровой С.* Воспоминания. М.; Иерусалим, 1993.
40. *Флоровский А.В.* Из бумаг М.М. Кириакова. Одесса, 1915. – 18 с.
41. *Флоровский А.В.* Памяти Льва Степановича Мацевича (17-го ноября 1915 года). Одесса, 1916. – 16 с.
42. *Флоровский А.В.* Научные труды В.И. Семейского // Голос минувшего. 1916. № 10. С. LXVI–LXXIII.
43. *Флоровский А.В.* Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Отделение гуманитарно-общественных наук. 1922. Т. 2. С. 69–80.
44. *Левченко В.В.* Одесские учёные – пассажиры «философского парохода» // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 1 (27). С. 111–119.
45. *Левченко В.В.* История «Философского парохода» из Одессы: события, факты, люди // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 2 (38). С. 94–106.

А.М. ПАНКРАТОВА КАК ИСТОРИОГРАФ

В статье анализируются историографические работы видного историка-марксиста, академика А.М. Панкратовой (1897–1957), стиль и содержание которых повлияли на изучение истории советской исторической науки. Показаны изменения взглядов историка на ключевые вопросы советской историографии, прежде всего роль Покровского, под воздействием партийных установок. Отмечаются усилия ученого на посту редактора журнала «Вопросы истории» по активизации творческого поиска советских историков.

Ключевые слова: историческая наука, А.М. Панкратова, М.Н. Покровский, марксизм-ленинизм, партия, журнал.

V.N. Danilov

A.M. PANKRATOVA as a HISTORIOGRAPHER

The article analyzes the historiographical works of the prominent Marxist historian, academician A.M. Pankratova (1897–1957), the style and content of which influenced the study of the history of Soviet historical science. The author shows the changes in the historian's views on the key issues of Soviet historiography, primarily the role of Pokrovsky, under the influence of party attitudes. The efforts of the scientist as editor of the journal "Questions of history" to intensify the creative search of Soviet historians are noted.

Key words: historical science, A.M. Pankratova, M.N. Pokrovsky, Marxism-Leninism, party, magazine.

Академик Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) хорошо известна как историк российского рабочего класса и профсоюзного движения, автор и редактор советского учебника-долгожителя по отечественной истории, а также как организатор исторической науки и общественный деятель, но мало кто обращается к её работам историографического характера. Между тем, именно Панкратову, а не её учителя – М.Н. Покровского, в большей мере можно считать основоположником жанра советской историографии в том виде, в каком он имел место быть в советский период. Не трудно заметить, что Покровский по большей части ставил задачи перед историками-марксистами, со всей

непримиримостью критиковал взгляды ученых «старой школы» и «антибольшевизм» Троцкого, но не предложил сколько-либо связанной характеристики историографического процесса послеоктябрьского периода. По стилю и языку его историографические выступления были настолько индивидуальны и отличны от исторических нарративов, ставших доминировать с середины 1930-х годов, что вряд ли они могли служить в качестве образцов для работ по истории советской исторической науки.

В отличие от другой видной ученицы Покровского – М.В. Нечкиной, которая отметилась историографической публикацией сразу же после окончания историко-филологического факультета Казанского университета в 1922 году [1], А.М. Панкратова достаточно поздно, только в 1932 году, опубликовала свою первую специальную работу историографического характера, будучи уже известным историком¹. Помещенная в один из номеров ежемесячного массового журнала общества историков-марксистов «Борьба классов», статья была посвящена историческому наследию М.Н. Покровского [2, с. 20–35]. Разумеется, Панкратова была не первым советским историком, кто обратился к этой теме. Еще при жизни о Покровском как историке писали М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн, А.В. Шестаков, Д. Кин и др. Анализ творчества тогда уже покойного лидера советских историков-марксистов, сделанный А.М. Панкратовой, представлялся более основательным и содержал многие оригинальные положения. Сама статья была выдержана в академическом духе, а в основе её лежала автобиография самого Покровского, которая фиксировала этапы жизни и научной деятельности, условия становления его как большевистского историка. В ней говорилось о влиянии на формирование взглядов историка Ленина и Сталина (хотя относительно последнего это был тогда явно ритуальный жест, лишенный какой-либо конкретики), о заслугах Покровского перед советской историографией (естественно, без указания на некорректные методы борьбы с историками «старой школы»)

¹ Вряд ли можно считать в полной мере историографическими статьи 1929–1931 годов о проблемах исследования истории пролетариата. В них присутствует критика работ либеральных и меньшевистских историков рабочего класса, прагматичных по содержанию, и изложение марксистских принципов изучения истории пролетариата.

и о той критике его общей схемы русской истории, которая развернулась в последние годы жизни ученого. При этом А.М. Панкратова подчеркивала, что Покровский никогда не был ученым-догматиком и сам решительно боролся со всякой догмой, «поэтому он постоянно рвал всякие рутинные представления, впадая иногда в крайности и преувеличения» [2, с. 35]. По мнению Панкратовой, М.Н. Покровский как историк многогранен и сложен, а его наследство должно быть использовано для развития марксистско-ленинской исторической науки в СССР.

Этой статьей о Покровском А.М. Панкратова как бы принимала эстафету от своего научного руководителя по Институту красной профессуры в оценивании проходимого советской историографией пути развития². Обозначившиеся здесь стилистические различия не имели, как представляется, существенного значения, поскольку новая генерация советских историков внедряла в историческую науку не только другие концептуальные подходы, но и новый ее язык, созвучный с языком партийных документов и изобилующий цитатами из работ ушедших и живых классиков марксизма-ленинизма. А защищая Покровского от тех, как она писала, кто «иронически относится к той “легкости”, с какой М.Н. Покровский “сегодня отказывается от того, что защищал вчера”» [2, с. 35], Анна Михайловна, не ведая сама того, как бы предсказывала ту метаморфозу, какая произойдет с ней самой.

Пожалуй, единственное, что объединяло в содержательном плане учителя и его ученицу, так это классовый подход ко всему, что касалось оценки исторических событий и интерпретации исторического материала. Ему она следовала с завидной последовательностью, нередко в самой крайней форме, не обращая внимания на то, как это будет воспринято большей частью аудитории или признанными научными авторитетами. На VII Международном конгрессе исторических наук в Варшаве (1933) А.М. Панкратова, после того как один из присутствовавших на секции по преподаванию истории поставил «наивно» вопрос: что же нам говорить детям, школьникам, если «в Варша-

² Примечательно, что данная работа не была включена А.М. Панкратовой в список ее работ, составленный в январе 1957 года. (См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 212. Л. 20–37). Вероятно, на это повлияло то обстоятельство, что имя М.Н. Покровского пока еще не было публично реабилитировано.

ве одна правда, а в Берлине – другая», заявила, что «настоящая правда есть только правда классовой борьбы, правда пролетариата». Приводя этот эпизод работы конгресса, Н.М. Лукин в своем обзоре писал: «Это была своего рода бомба, которая разорвалась в этой секции... Но, буржуазные конгрессисты, конечно, возражали Панкратовой, что нельзя стравливать сердца детей классовой борьбой, нельзя воспитывать душу ребенка в духе ненависти. Разумеется, они не столковались» [3, с. 125]. На известном совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 года, где она подверглась плотной критике, как со стороны марксистских ортодоксов, так и сторонников державно-патриотической линии, за некий «норманизм» в её учебнике по истории СССР и «антирусскость» «Истории Казахской ССР», созданной при её участии, А.М. Панкратова, тем не менее, твердо стояла на том, что «самая лучшая позиция – это марксистско-ленинская позиция, требующая объективного и всестороннего анализа и классового подхода» [4, с. 50]. Хотя более удобной, если бы она действительно была склонна к научной конъюнктуре, в чем её иногда обвиняют, являлась позиция, занятая тогда другим известным историком этого же поколения – И.И. Минцем, предложившим придерживаться «золотой середины» (не искать в дореволюционной истории только негативные черты, но подчеркивать и положительные стороны), что более соответствовало и официальной позиции власти.

Основополагающий тезис М.Н. Покровского о том, что «история есть самая политическая из всех наук», А.М. Панкратова с успехом реализовала накануне больших перемен в советской историографии, опубликовав в 1934 году сразу две аналогичные по содержанию статьи, претендовавшие на обобщение всего историографического опыта после 1917 года. В этих статьях по сути дела была определена структура освещения истории советской историографии, которой с известными вариациями следовали вплоть до конца 1980-х годов: теоретические заслуги Ленина и Сталина, роль Покровского, ситуация с марксистскими кадрами историков, борьба их с буржуазной историографией внутри и вне страны, разоблачение взглядов Троцкого, других партийных оппозиционеров и «мелкобуржуазных попутчиков», празднование исторических юбилеев, проведение дискуссий по важным

проблемам отечественной истории, движение в целом по овладению ленинской концепцией исторического процесса [5; 6].

А.М. Панкратова особо подчеркнула значение так называемого ленинского этапа в отечественной исторической науке, вопрос о котором поставил еще М.Н. Покровский. В дальнейшем советские историки, приняв это определение, будут лишь спорить о хронологических рамках ленинского этапа. К примеру, Н.Л. Рубинштейн считал, что он захватывает период конца XIX – начала XX века [7, с. 317], а М.Е. Найденов в этой связи говорил о том, что, «если Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало ленинскому этапу в исторической науке, то вторую половину 20-х годов... следует считать временем, когда произошло оформление ленинского этапа в более узком, так сказать, профессионально-историческом смысле» [8, с. 37]. Не только концептуальные положения, но и некоторые оценки и даже фразы из этих статей А.М. Панкратовой будут фигурировать затем в обобщающих историографических трудах и «доживут» до 1980-х годов. Так, характеристика статьи профессора С.А. Голубцова 1922 года о Ключевском как «манифеста буржуазной исторической науки» была буквально дословно воспроизведена в учебнике по советской историографии 1982 года [9, с. 73].

Вопрос об этапах в истории советской исторической науки в указанных выше публикациях А.М. Панкратова затронет лишь вскользь, в развернутом виде она представит этот сюжет уже в годы Великой Отечественной войны. Насколько вопрос о периодизации окажется важным для советских историков свидетельствует специальная дискуссия, проведенная на страницах журнала «История СССР» в начале 1960-х годов [10, с. 60–74] и историографическая конференция в Смоленске в 1975 года [11, с. 11–29; 12, с. 29–42]. По мнению советских историков, научное значение проблемы состоит якобы в том, «что она помогает решить центральную задачу историографии – раскрыть внутренние закономерности поступательного развития науки в последовательной смене ее главных, качественно отличных друг от друга и в то же время взаимосвязанных периодов и этапов» [13, с. 42]. Такое понимание вопроса возникло не без влияния работ Панкратовой.

Вслед за Н.Л. Рубинштейном, который в своей книге «Русская историография» (1941) впервые в результате обобщения развития до-

революционной отечественной исторической науки попытался выделить ее основные этапы, А.М. Панкратова в статьях 1942 года [14, с. 31–48; 15, с. 3–40], будучи уже в ранге члена-корреспондента АН СССР, обозревая путь советской историографии за четверть века, дает её периодизацию, которая также закрепится затем в историографической литературе. Первым периодом Панкратова назвала время 1917–1924 годов, когда на всех участках господствовали традиции буржуазной науки и вульгарно-материалистические подходы, но зарождается новая советская наука и идет борьба внутри неё с «троцкистско-бухаринскими извращениями». Второй период (1925 – середина 1930-х годов) она связывала с консолидацией советских историков-марксистов, утверждением ленинской методологии на фоне перехода партии в решительное наступление против последнего капиталистического класса – кулачества, когда борьба на историческом фронте обострилась. Историк писала: «Если первый период пересматривал и создавал новый материал для советской исторической науки, то второй этап давал для его изучения и освоения прочную научно-политическую и методологическую марксистско-ленинскую базу» [15, с. 13]. Третий период А.М. Панкратова относила ко второй половине 1930-х годов и далее, а импульс ему был дан постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15(16) мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Этот период, по ее мнению, отмечен рядом синтетических работ, прежде всего, созданием учебников по всем историческим дисциплинам, началом марксистских исследований по широкому фронту.

Хотя А.М. Панкратова в данном случае не указывала на критерии периодизации, она, как можно заметить, так или иначе привязывалась к общей периодизации истории советского общества, определенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Как известно, в современной историографической литературе не видят принципиальных различий между первой и второй половиной 1920-х гг., но выделяют рубеж конца 1920-х – начала 1930-х гг., характеризующийся установлением полного партийно-государственного контроля и монометодологизацией исторической науки [16, с. 365]. Безусловно, и эта историографическая периодизация также созвучна с общей периодизацией истории страны, но в ее современном понимании, поскольку конец 1920 – на-

чало 1930-х годов ныне часто определяется как время установления тоталитарного режима со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и для обществоведения.

Еще одна новация присутствовала в этих историографических работах А.М. Панкратовой: попытка представить многонациональный характер советской историографии, развивающейся в тесном единстве российской исторической науки и исторической науки в национальных республиках. Отсюда немалое внимание ею уделялось показу основных и знаковых явлений в историографии после 1917 года на Украине, в Белоруссии и Закавказье. И если в 1934 году она акцентировала внимание здесь только на борьбу настоящих историков-марксистов с «буржуазно-националистической школой» Грушевского и «контрреволюционной группой» Яворского на Украине, разоблачение «нацдемовских теориек» в Белоруссии [5, с. 20–21], то в 1942 году Панкратова с явным удовлетворением писала: «Большого развития и расцвета достигла советская историческая наука в республиках Закавказья – Грузии, Армении и Азербайджане... Таким же показателем роста общей культуры и науки в советских республиках стало создание Украинской и Белорусской академий наук... Достаточно указать, что, например, в УССР после преодоления национал-демократического направления «школы» Грушевского, после разоблачения вредителя Яворского и его окружения, развернулась продуктивная работа» [15, с. 31–32].

Но взгляды А.М. Панкратовой на развитие советской историографии не были неизменными на протяжении всей её жизни. По большей части это было связано с внешними обстоятельствами, точнее сказать – изменениями партийного курса. Воспитанная в духе безусловного приоритета большевистской партийности, превыше всего она ставила интересы партии, будь то личная жизнь или научная деятельность. Отсутствие иных документально подтвержденных свидетельств на этот счет, делает объяснение ряда её шагов, прямо противоречивших тому, что заявлялось прежде, другими мотивами – корыстными интересами или следованию какому-то непонятному «методу статусной защиты», как это утверждает А.В. Савельев [17, с. 11], мягко говоря, ненаучными предположениями.

Первый раз А.М. Панкратова поменяла свою оценку относительно предшествующего этапа в истории советской историографии после выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 года, в котором указывалось, что среди историков «укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку», распространение которых связывалось с «так называемой исторической школой Покровского» [18, с. 10]. Эти слова партийного документа были восприняты Панкратовой не только как сигнал к личному отмежеванию от своего учителя и наставника, но и к спасению, как она понимала это, положения советской исторической науки в ситуации «обострения классовой борьбы». Тем более что за этим последовали кампания хлесткой критики исторической концепции Покровского и репрессии историков-марксистов, коллег Анны Михайловны, а сама она в 1936 году исключалась из партии. Её статья «Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского»³ открывала сборник «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1939), ставшего, как и вторая его часть «Против антимарксистской концепции Покровского» (М.; Л., 1940), апогеем кампании. В статье Панкратова подтверждает все «определения», данные Покровскому в постановлении ЦК ВКП(б). Более того, многие её положения были созвучны содержанию статей К. Радека и Н. Бухарина [19, 20], появившиеся в январе 1936 года, в которых те прямо отлучали Покровского от марксизма. А все, что было сделано в последние годы в критическом плане по отношению к наследию Покровского, историк считала необходимым и полезным, поскольку теперь «созданы небывалые условия для небывалого подъема исторической науки в нашей социалистической стране» [21, с. 16].

Стремясь отметить что-то положительное в деятельности Покровского, и тем самым не дать зачеркнуть все позитивное с точки зрения марксиста, что было сделано советскими историками в 1920-е годы, Панкратова писала о том, что тот искренне хотел помочь делу социалистического строительства, но груз прошлого и зависимость от троцкистско-бухаринской оппозиции не позволили это сделать, за-

³ Перед этим в Саратове, где А.М. Панкратова работала профессором университета, в местной газете «Коммунист» вышла её заметка под названием «Покровский и его школа».

держав тем самым творческие успехи исторической науки в СССР. Как и в журнальных статьях 1932 года, говоря о потенциале идейной эволюции Покровского, она использует метафору «пылесоса». Если в первом случае отмечалось, что «...М.Н. Покровский усердно работал пылесосом в отношении “непроветренных углов” своего мировоззрения, сделав самокритику основным методом своего роста» [2, с. 35], то в статье сборника она имеет обратный смысл: «М.Н. Покровскому надо было решительно покончить с остатками враждебных ленинизму идейно-политических взглядов. Он слабо работал “пылесосом” и недостаточно “проветривал” все уголки своего мировоззрения» [21, с. 36]. Подобная метаморфоза, как справедливо замечает Л.А. Сидорова, вполне согласуется с логикой поведения Панкратовой: партия вынесла решение, долг партийца – его выполнять [22, с. 689]. Тем более, что преодоление этих, по мнению партийных идеологов, «вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР» [18, с. 11]. При этом надо иметь в виду, что А.М. Панкратова стояла не самых крайних позициях по отношению к своему учителю, о чем свидетельствовала рецензия на сборник еще одного ученика Покровского – Н.Л. Рубинштейна (не путать с Н.Л. Рубинштейном, автором «Русской историографии»), который считал недостаточной критику концепции Покровского, выражал недовольство статьей Панкратовой, допуская большое количество оговорок в отношении его «школы» [23, с. 165–180].

Если в статье о Покровском А.М. Панкратова в большей мере говорила о неблагополучии в советской историографии, то в следующей – «Сталин и исторический фронт», опубликованной в 1940 году в журнале «Историк-марксист», она уже заявляла о том, что «советская историческая наука переживает несомненный подъем», поскольку идет работа над созданием фундаментальных трудов и учебников, готовятся монографии и диссертации, оживилась научная работа в вузах и академических учреждениях, в том числе в союзных республиках. Статья была написана к 60-летию И.В. Сталина и не могла не содержать гипербол относительно ценности исторических взглядов вождя, но, вместе с тем, в ней констатировался вполне оче-

видный факт, что «ни одна отрасль науки в СССР не получила столько руководящих указаний и директив..., сколько их имела историческая наука» [24, с. 14]⁴. В целом эта статья мало чем отличалась от других её историографических публикаций 1930–1940-х годов, но в то же время в ней не было той околонуучной трескотни, как в выступлениях Б.Д. Грекова и А.Л. Сидорова во время 70-летнего сталинского юбилея. А.М. Панкратова не слишком погрешила и против истины, отметив как весьма значимые (не соглашаться можно лишь с позитивной оценкой их всех) для исторической науки в СССР события, связанные с именем Сталина: дискредитация Троцкого, преследование историков «старой школы», письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» от октября 1931 года, реформа исторического образования, выход учебника «История ВКП(б). Краткий курс».

Негативная оценка Покровского переключалась затем в самую большую историографическую работу А.М. Панкратовой, в которой подводились итоги истории советской исторической науки за 25 лет, опубликованной сначала в «Историческом журнале», а потом в расширенном виде в специальном сборнике. Также в ней заявлялось, что «сильнейшим тормозом для дальнейшего развития исторической науки являлись антинаучные взгляды "школы" Покровского» [14, с. 32]. Однако с удовлетворением перечисляла достижения последних лет бывших «буржуазных историков», а теперь уважаемых советских ученых – Е.В. Тарле, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушина, А.И. Яковлева. В частности, Панкратова похвалила книгу последнего «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», первым критиком которой вскоре станет она сама. Многие, о чем историк писала в этих работах, разумеется, с учетом коррективов, внесенных в 1950–1960 годах, мы найдем затем в IV томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (1966) и учебнике под редакцией академика И.И. Минца (1982).

После смерти И.В. Сталина новое советское руководство попыталось дистанцироваться от злоупотреблений сталинской политики и «культы личности», начался процесс реабилитации жертв массовых

⁴ Историк в это время опубликовала еще две аналогичные статьи – «Сталин и историческая наука» в журналах «Под знаменем марксизма» (1940, № 2) и «Исторический журнал» (1940, № 3).

политических репрессий, в том числе и некоторых историков. Изменения в политической атмосфере страны не могли быть не замечены А.М. Панкратовой, тем более что с 1952 года она являлась членом ЦК КПСС, а с 1954 года – членом Президиума Верховного Совета СССР. Редактируемый ею журнал «Вопросы истории» стал делать первые шаги по освобождению от догм в исследовании исторических проблем, что было видно по публикуемым в отдельных номерах редакционным статьям. Одной из примечательных в этом отношении была статья «За глубокое и всестороннее исследование истории советского общества», опубликованная в десятом номере журнала за 1954 год, в которой говорилось, что «историю советского общества нельзя представлять себе, как ровный и прямой, легкий путь, как сплошное победоносное шествие. Историки обязаны показывать исторические события такими, какими они были в действительности, а не лакировать, не приукрашивать их» [25, с. 5]. Одна из причин слабости многих исторических работ по советской истории, по мнению редакции журнала, заключается «в догматическом подходе к исследованию, при котором глубокая, творческая разработка проблемы подменяется повторением общеизвестных положений, оторванными от конкретно-исторической действительности схемами, цитатами» [25, с. 6]. В другой такого рода статье, имевшей заголовок «Об изучении истории исторической науки» (1956, № 1), её авторы признавали, что нередко в работах советских историков по историографии классовая обусловленность тех или иных исторических концепций и воззрений трактуется упрощенно, игнорируются действительные научные достижения «буржуазных историков», история русской историографии излагается в отрыве от зарубежной или, наоборот, развитие зарубежной историографии освещается без учета развития исторической науки в России. Кроме общих призывов к повышению уровня историографических работ, здесь имелись и некоторые, весьма робкие, конкретные замечания о неправильности оценок в отношении отдельных историков, работавших в советское время, в частности Д.М. Петрушевского. Но особенно бросалось в глаза заявление о необходимости более объективного подхода к научному наследию М.Н. Покровского, вопросу болезненному для А.М. Панкратовой. «Нельзя забывать, что наряду с серьезными ошибками в работах М.Н. Покровского содержались и ценные

элементы, – указывалось в статье. – Чтобы правильно определить место М.Н. Покровского в советской историографии, нужно исследовать его труды, учитывая уровень исторической науки того времени» [26, с. 11]. Опубликованные впоследствии работы советских историков (С.М. Дубровский, М.Е. Найденов, Л.В. Черепнин, О.Д. Соколов) о Покровском в целом исходили в своих концептуальных построениях из данного тезиса.

Более решительным, свидетельствующим о некоем системном взгляде в соответствии с новыми веяниями на прошлый этап развития советской историографии, было выступление А.М. Панкратовой на XX съезде КПСС 20 февраля 1956 года, где она заявила о процветавшем в прошлом в советской исторической науке догматизме и начетничестве, вредном влиянии «культы личности», нездоровой атмосфере в среде историков, что приводило к субъективной оценке отдельных деятелей науки. Все это необходимо, как она считала, быстро преодолеть в интересах творческого развития исторической науки и в целом обществоведения в СССР [27, с. 61–62]. Большинство практических предложений, прозвучавших в этом выступлении (написание учебников по истории советского общества и нового пособия по истории партии, взамен «Краткого курса», издание полного собрания сочинений В.И. Ленина, создание отдельного академического института по отечественной истории), будут реализованы уже после смерти академика-историка. Решению же других, касавшихся более правдивого освещения отечественной истории, А.М. Панкратова попыталась содействовать своей организаторской деятельностью на посту редактора журнала «Вопросы истории».

Следуя провозглашенному журналом сразу же после съезда курсу «на свободный обмен мнениями, творческие дискуссии и серьезные научные исследования» [28, с. 12], Панкратова подтверждала свое стремление к действительному развитию исторической науки, а не просто приспособлению к новациям сверху. Такая редакционная политика была негативно оценена идеологическими инстанциями, привела к обструкции в известном постановлении ЦК КПСС «О журнале "Вопросы истории"» от 9 марта 1957 года. Признание же самой А.М. Панкратовой «ошибок», якобы совершенных редколлегией журнала, по мнению Л.А. Сидоровой, в условиях, когда исход борьбы за

политическое обновление советского общества был еще крайне неопределенным и линия XX съезда еще не получила своего развития, свидетельствовало о том, что её позиция, отражая имевшиеся противоречия, не могла быть твердой и последовательной [22, с. 689]. По сути дела на этом и закончилась противоречивая, но яркая, карьера историка, поскольку судьба отведет ей еще чуть более двух месяцев жизни.

Историографическая проблематика, безусловно, не занимала приоритетного места во всей научной деятельности А.М. Панкратовой, заметной она являлась только в середине её творческого пути, с 1932 по 1942 год. Именно в историографических трудах, как никаких других, Панкратовой приходилось идти на компромиссы в своей работе, ставя превыше всего интересы партии и «играя по определенным правилам», которые диктовало время, что однако не исключало искреннего стремления её к научному поиску. И в этом отразились многие характерные черты первого поколения советских историков-профессионалов, понять, а не осудить, которые, задача современных исследователей.

Список использованных источников и литературы:

1. *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922.
2. *Панкратова А. М.Н.* Покровский – большевистский историк // Борьба классов. 1932. № 4. С. 20–35.
3. *Лукин Н.* VII Международный исторический конгресс в Варшаве // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 118–129.
4. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. С. 47–77.
5. *Панкратова А.М.* Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 1–27.
6. *Панкратова А.М.* Новые проблемы исторической науки в СССР // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 4. С. 3–26.
7. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
8. *Найденов М.Е.* О ленинском этапе в исторической науке // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 23–37.
9. Историография истории СССР (эпоха социализма) / под ред. И.И. Минца. М., 1982.

10. *Нечкина М.В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // *История СССР*. 1962. № 2. С. 57–78.
11. *Нарочницкий А.Л.* О преподавании историографии в высшей школе // *Вопросы историографии в высшей школе*. Смоленск, 1975. С. 11–29.
12. *Городецкий Е.Н.* Современное состояние историографии как специальной отрасли исторического знания // *Вопросы историографии в высшей школе*. Смоленск, 1975. С. 29–41.
13. *Игнатенко Т.А.* Проблемы научной периодизации отечественной историографии в советской исторической науке // *История и историки*. Исторический ежегодник 1981. М., 1985.
14. *Панкратова А.М.* Историческая наука в СССР за 25 лет (1917–1942) // *Исторический журнал*. 1942. № 1. С. 31–48.
15. *Панкратова А.М.* Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // *Двадцать пять лет советской исторической науки*. М., 1942. С. 3–40.
16. *Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров / А.А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А.А. Чернобаева*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
17. *Савельев А.В.* Необычная карьера академика А.М. Панкратовой. М., 2012.
18. *На фронте исторической науки*. В Совнарком Союзе ССР и ЦК ВКП(б). М., 1936.
19. *Радек К.* Значение истории для пролетариата // *Правда*. 1936. 27 января.
20. *Бухарин Н.* Нужна ли нам марксистская историческая наука? // *Известия*. 1936. 27 января.
21. *Панкратова А.М.* Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // *Против исторической концепции М.Н. Покровского*. М.; Л., 1939. С. 5–69.
22. *Сидорова Л.А.* Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) // *Историки России*. Биографии. М., 2001. С. 685–690.
23. *Под знаменем марксизма*. 1939. № 5.
24. *Панкратова А.* Сталин и историческая наука // *Историк-марксист*. 1940. № 1. С. 14–24.
25. *За глубокое и всестороннее исследование истории советского общества* // *Вопросы истории*. 1954. № 9. С. 3–9.
26. *Об изучении истории исторической науки* // *Вопросы истории*. 1956. № 1. С. 3–12.
27. *Речь тов. Панкратовой А.М.* 20 февраля 1956 г. // *XX съезд Коммунистической партии Советского Союза*. Стенографический отчет. М., 1956. С. 618–626.
28. *XX съезд и задачи исследования истории партии* // *Вопросы истории*. 1956. № 3. С. 3–12.

Л.Е. Герасимова

**СОДРУЖЕСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО И САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по воспоминаниям профессора В.В. Пугачёва)**

В статье представлен фрагмент воспоминаний профессора-историка В.В. Пугачёва, в годы Великой Отечественной войны студента Саратовского университета, о сотрудничестве ученых Ленинградского и Саратовского истфаков в эти годы.

Ключевые слова: Е.В. Тарле, В.В. Мавродин, И.В. Синицын, Л.А. Дербов, М.В. Серебряков, Н.Л. Рубинштейн, истфак ЛГУ, истфак СГУ.

L.E. Gerasimova

**COOPERATION OF LENINGRAD AND SARATOV UNIVERSITIES
DURING THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR
(in reminiscences of professor V.V. Pugachov)**

The article presents a fragment of History Professor V.V. Pugachyov's reminiscences about the cooperation of History Departments' scientists of Leningrad and Saratov Universities. At that time he was a student of Saratov University.

Key words: E.V. Tarle, V.V. Mavrodin, I.V. Sinitsyn, L.A. Derbov, M.V. Serebryakov, N.L. Rubinshtein, Leningrad State University's historical faculty, Saratov State University's historical faculty,

Устные воспоминания профессора Владимира Владимировича Пугачёва (1923–1998) были записаны в 1995–1996 годах по заданию Историко-просветительного, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» (Москва) и Фонда Генриха Белля (Кельн) стипендиатом Фонда Наталией Герасимовой на кассетный магнитофон и составили 40 часов звучания. Запись, переведенная впоследствии на CD, хранится в архиве «Мемориала», копия – в архиве В.В. Пугачёва. В настоящее время группа саратовцев, хорошо знавших Пугачёва, готовит книжное издание мемуаров. Фрагмент воспоминаний стал материалом предлагаемой статьи.

В.В. Пугачёв (далее в тексте – В.В.) напоминает, что сотрудничество саратовских и петроградских (ленинградских) ученых началось с первых лет существования классического университета Саратова. Первыми профессорами историко-филологического факультета Саратовского университета были ученые Петроградского университета: В.А. Бутенко, В.М. Жирмунский, П.Г. Любомиров, Н.К. Пиксанов, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, С.Н. Чернов, С.В. Юшков.

Гуманитарная наука сохранялась, хотя и с потерями, и в годы «преобразования» истфака: попытке превратить его в «политотдел» сопротивлялись настоящие ученые.

В войну в Саратов был эвакуирован Ленинградский университет. Он находился здесь с марта 1942 по июнь 1944 года. Последние студенты и сотрудники выехали 13 января 1945 года.

В.В. Пугачёв вспоминает и жизненные реалии (III корпус СГУ, сверхдемократичные условия защиты докторских диссертаций при керосиновых лампах, замерзающие чернила), но это частные, фоновые детали. Суть – напряженная научная мысль, идеи, их столкновения, прогностическая сила исторических гипотез и жизненные драмы их создателей. Благодарность учителям и уважение к тем, с кем и тогда и потом был не согласен, историческая честность и понимание трагизма «контекста личности с обстановкой» (выражение В.А. Алексеева) – основной тон воспоминаний. Читатель найдет в них замечательные портреты выдающихся историков (более полно, завершено эти портреты даны в книге «Историки, избравшие путь Галилея» [1]), воспроизведение захватывающих научных дебатов и ощущение воздуха времени, настроений молодежи. Очень интересны «пробросы» в будущее научных идей и иллюзий.

В.В. вспоминает, как в 1942 году каждую субботу на объединенном заседании двух истфаков слушали доклады и проводили прения. Наибольший интерес вызывали доклады Николая Леонидовича Рубинштейна и Осипа Львовича Вайнштейна. Рубинштейн ставил вопрос о роли центральной власти, патриарха и городов в освобождении от поляков в Смутное время, показывал, что города северо-востока Руси объединились в борьбе с интервентами, превратились в самостоятельную силу и освободили Русь. Рубинштейн явно проецировал размышления о роли общественности в войне с Гитлером на

XVII век: век XX помог понять его по-новому. По докладу были бурные споры. Еще более жаркие споры, обвинения в антимарксизме вспоминает В.В. в связи с докладом О.Л. Вайнштейна о ближайших и отдаленных истоках гитлеризма (Гегель, Гобино, Людендорф, Ницше). «Умышленно или неумышленно, – говорит В.В., – докладчик рисовал картину, напоминающую постановку Н. Акимовым "Дракона" Е. Шварца, где одновременно изображались и Гитлер, и Сталин». Но мемуарист честно признается, что не только в тот год, но и в 1967 году, встретившись с Вайнштейном в Одессе, не решился задать ему вопрос о подтексте.

Ярко переданы в воспоминаниях В.В. взрывные выступления М.В. Серебрякова, его вошедшие в историю факультета реплики по демагогическим докладам: «Вы на факты, а не на Энгельса ссылайтесь!» Большим событием был доклад Михаила Васильевича «О роли личности». «Формально это был ортодоксальный марксистский доклад, но вся суть доклада (я и сейчас не могу понять, как его даже выпустили и как Серебрякову голову не оторвали после этого) – что не надо преувеличивать роль личности. Все, что потом будет в постановлении "О культе личности" в 1953 году, Серебряков высказал в 44-м». Серебряков понимал опасность темы. «Утверждая, что нельзя сказать, что один Ленин создал партию, он спрашивал: "А где были Сталин, Калинин, другие наши вожди?". Но, по сути, докладчик поднимал вопрос и о сталинском культе».

Ярким примером саратовско-ленинградского сотрудничества была работа В.В. Мавродина, не только читавшего лекции на обоих институтах, но и заведовавшего кафедрой истории СССР и в ЛГУ, и в СГУ. Именно в Саратове он написал книгу об образовании Древнерусского государства, при этом большую помощь в собирании материала оказала ему директор Научной библиотеки СГУ В.А. Артисевич.

Судьба В.В. Мавродина глубоко волновала Пугачёва. Мавродин прошел путь от «комсомольского работника до очень серьезного ученого». Он рассказывал В.В. о том, что «видел, как в коллективизацию пороли крестьян (страшное зрелище)». В.В. вспоминает свои разговоры с Мавродиным на острые темы и в студенческие и в последующие годы, перебрасывает повествование в послевоенное будущее, когда В.В. Мавродину пришлось пережить пресловутое «ленинград-

ское дело», исключение из партии в 1949 году, снятие с работы, восстановление и в партии, и на работе после смерти Сталина, и не перестает удивляться: «И наука настоящая – она оставалась наукой в самые, ну если это назвать переломными моментами, когда появлялись те или иные указания ЦК, их очень было много, но удивительно не то, что наука вообще была, а то, что оставалась настоящей наукой».

«С осени 42-го года, – вспоминает В.В., – прекратились совместные заседания: было так холодно, что замерзали чернила в III корпусе. Занятия перенесли в общежитие, а семинары ленинградско-саратовские распались». Дебаты разгорались на защитах диссертаций, которые шли по многу часов.

В.В. подробно описывает защиты Владимира Яковлевича Розена, Ивана Васильевича Сеницына, Леонарда Адамовича Дербова, Владимира Давидовича Резника (Днепрора).

Розен, бывший бундовец, много претерпевший и до и после защиты, посвятил диссертацию утопическому социализму. Диссертация была хорошая, по мнению мемуариста, но «прения на голову выше». В спорах о Герцене и Чернышевском, об оценках их Марксом и Лениным приняли участие М.В. Серебряков, профессор В.Н. Шульгин, ректор ЛГУ А.А. Вознесенский и другие. Защита шла с часу дня до десяти вечера.

Особенной была защита кандидатской диссертации Ивана Васильевича Сеницына. Ученик Павла Сергеевича Рыкова, арестованного в 1937-м, Иван Васильевич был известен широко как крупный археолог, но степени не имел, имел звание доцента. Защищал он диссертацию 30 декабря 1943 года в одной из комнат гостиницы «Россия». (В гостинице «Россия» жили ленинградские ученые. Там же из-за холода в зданиях университета проходили и собрания ученых, и заседания диссертационного совета.) И оппонентам, и совету было ясно, что уровень работ Сеницына выше кандидатского, защита была формальной по существу, хотя шла очень интересно.

С уважением и пониманием трагизма судьбы ученого в сталинское время говорит В.В. о кандидатской защите Л.А. Дербова, о присущих ей элементах конъюнктуры. Диссертация была о конце Ливонского ордена. В это время, – замечает В.В., – начинался культ Ива-

на Грозного. «Вышел только что фильм Эйзенштейна “Иван Грозный”, и перед началом киносеансов историки выступали с речами о прогрессивности Ивана Грозного. Ну, Черкасов потом в своих записках рассказал, причем как положительное явление (при жизни Сталина еще книга вышла, а в продажу поступила позже – “Записки актера”), что Сталин лично давал указания, как надо ставить фильм, в частности, изображать Ивана Грозного. Это по первой части (потом по второй-то было постановление ЦК). Вот Дербов в таком духе и написал работу. Вайнштейн в своем отзыве оппонента, в частности, сказал: “Но я не могу понять одно – как можно говорить о гуманизме Ивана Грозного?” Но особого это не вызвало осуждения, потому что это была официальная точка зрения».

О конъюнктурности, о боязни ученых, прошедших хорошую школу, знающих, но испортивших свои книги и диссертации, В.В. говорит доказательно, но без чувства превосходства человека, вспоминающего в другое время.

Студент В. Пугачёв усвоил у своих учителей уважение к науке, необходимость опоры на факты, а не на официальные догмы. В 1944 году недолго читал лекции по источниковедению С.Н. Валк, выдающийся представитель источниковедения. «Он сыграл огромную роль – утверждает В.В., – уча студентов постигать не то, что “правильно”, а то, что верно».

Большое место во всех воспоминаниях В.В. занимают образ и идеи Е.В. Тарле. В Саратов Тарле приезжал на юбилей Ленинградского университета. 125-летний юбилей отмечался дважды: в Саратове – в феврале 1944 года и в Ленинграде – в конце года. В Саратове юбилей был пышный. Приехали и те историки, которых здесь ранее не было. Приехал Борис Дмитриевич Греков, крупнейший специалист по Киевской Руси, но доклад его – по восприятию мемуариста – был дежурным юбилейным докладом. «А вот Тарле устроил переполох», – вспоминает В.В. Рассказ о саратовском выступлении Тарле В.В. предваряет фактами из биографии ученого: говорит и об арестах Е.В. Тарле, о его ссылке в Алма-Ату, об отношении к нему Сталина, о слежке за Тарле, о «задушевной» мысли ученого о том, что русская внешняя политика всегда была прогрессивной.

В Саратове состоялись самые острые выступления Е.В. Тарле по истории внешней политики. (На совещании ЦК ВКП(б) в июле 1944 года они так и назывались – саратовские лекции).

Тарле говорил открыто, что и Энгельса формула неверна (имеется в виду статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма XIX в.». – Л.Г.), и – без фамилии Ленина, – что по существу и формула Ленина неверна. Концепция Тарле вызвала бурные споры и в Саратове (профессор Корнатовский на лекции для студентов выразил свое «возмущение антиленинской концепцией Тарле»), и в Москве (А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин). «Победил Тарле», – завершает рассказ В.В. И тут же честно сознается в той давней своей студенческой реакции: «Мне тогда лекция Тарле не понравилась. Я тогда считал, что отход от Ленина привел ко всем бедам сталинской диктатуры и что лягать сейчас Ленина, лягать марксизм вообще – ни к чему хорошему это не приведет. Я был дурак, такой же дурак, как и многие другие».

В.В. не щадит в своих воспоминаниях доносчиков, агентов НКВД (всегда с фактическими доказательствами), но он и не приукрашивает идеологические настроения и студентов, и преподавателей военных лет. Тем дороже его наблюдения над пробуждающимся общественным сознанием. Например, такое: «...мысль работала, и к концу войны мысль работала очень интенсивно. <...> В 43-м среди молодежи начались критические настроения, в том числе и в Саратове. <...> Получалось так: с одной стороны, вот люди типа Серебрякова, Рубинштейна <...> ставили вопросы (я уж не говорю о Гуковском, о нем отдельно буду говорить), которые заставляли мыслить. С другой стороны, появилась и молодежь, которая, увидев войну на самом деле, очень многое воспринимала по-иному».

Помимо собственного опыта в сознание людей, освобождавших оккупированные немцами земли, входили факты из немецкой и русской прессы, издававшейся на оккупированной территории, – факты, лишь через много лет опубликованные в нашей официальной печати (например, материалы Смоленского архива).

В.В. вспоминает, что журналы на английском языке свободно лежали в университетской библиотеке. Газета «Британский союзник» продавалась, была в библиотеке.

Шел сложный процесс развития сознания молодежи. В.В. как историк видит разные составляющие этого процесса. «Наука, культура не могли быть никогда уничтожены, и даже сталинские репрессии были бессильны, – говорит он. – Война показала, что люди все-таки начинают разбираться. Конечно, они все были за Родину. Я не понимаю нынешней реабилитации Власова, власовцев, но то, что у людей появлялись сомнения, – бесспорно».

И саратовские, и ленинградские историки работали в тесном контакте с учеными других гуманитарных специальностей. На саратовском истфаке работали филологи М.С. Альтман (вызванный в марте 1942 году в Москву и там арестованный), А.М. Лукьяненко, А.П. Скафтымов.

«Пребывание Ленинградского университета в Саратове, – заканчивает эту часть воспоминаний В.В., – очень оживило нас – и научно, и общественно. Под влиянием ЛГУ на саратовском истфаке наступила кратковременная оттепель. Она стала началом той весны, что породила студентов-вольнодумцев» (1960-х годов. – Л.Г.). Еще бóльшую роль сыграл, по мнению В.В. Пугачева, филологический факультет. Об ученых этого факультета – следующая часть воспоминаний.

Список использованных источников и литературы:

1. Пугачёв В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: статьи, очерки / под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995.

Ю.Г. Степанов

ИСТОРИК МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И НАУКОЙ (из писем Н.А. Троицкому 1960–1990-х годов)

Выдающийся советский и российский историк Николай Алексеевич Троицкий (1931–2014) оставил после себя обширное эпистолярное наследие. Он переписывался с читателями и коллегами-историками. Его эпистолярное наследие еще не обнародовано и ждет своего издателя и исследователя. В статье представлена вниманию читателей часть эпистолярного наследия саратовского историка, хранящегося в фондах Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Ключевые слова: Наука, история, архив, ученый, власть, цензура, народники, революция, войны, Россия, СССР.

Yu. G. Stepanov

A HISTORIAN BETWEEN IDEOLOGY AND SCIENCE (from the letters of N.A. Troitsky the 1960–1990s.)

The outstanding Soviet and Russian historian Nikolai Alekseevich Troitsky (1931–2014) left behind an extensive epistolary heritage. He corresponded with readers and fellow historians. His epistolary heritage has not yet been made public and is waiting for his publisher and researcher. A part of the epistolary heritage of the Saratov historian, stored in the archive of the museum of N.G. Chernyshevsky is offered to the attention of the readers in the article.

Key words: science, history, archive, scientist, power, censorship, populists, revolution, war, Russia, the USSR.

В 2016 году Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского принял на хранение архив профессора Саратовского университета Н.А. Троицкого (1931–2014)¹. На сегодня изучение документального наследия саратовского историка едва началось. Тем не менее, даже первичный анализ писем Н.А. Троицкому наводит на размышления о своеобразном и

¹ На сегодня поступившие в музей документы историка описаны не в полном объёме, поэтому ссылки даются в целом на архив Н.А. Троицкого в фондах Саратовского Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского (МУНГЧ).

очень непростом положении профессионального историка на излете советской эпохи.

В данной публикации рассмотрены адресованные саратовскому историку письма за 1960–1980-е гг. Этот период выбран неслучайно. После смерти И.В. Сталина и XX съезда КПСС, казалось, навсегда ушли в прошлое репрессии и традиции масштабных коллективных «проработок» историков. Формально в 1960–1980-е годы ученый-историк занимал важное и весьма почетное место в академической науке, в сфере образования и системе сложившихся общественно-политических отношений в целом. Издавались и переиздавалась классические труды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.В. Тарле, публиковались исследования по широкому спектру проблем исторической науки, значительный тираж имели журналы «История СССР», «Вопросы истории», другие специализированные издания, систематически выпускались сборники трудов вузовских историков.

Однако идиллическая картина свободного творческого труда советского историка на благо отечественной науки рассыпается при внимательном изучении корреспонденции Н.А. Троицкого. Прежде всего, бросается в глаза резкий диссонанс между высоким авторитетом исторической науки в обществе и незримым, но очень жестким идеологическим контролем над ней со стороны административно-партийных инстанций.

Архив профессора Троицкого необычен. Долгие годы историк вел регулярную, едва ли не ежедневную переписку со своими друзьями, читателями, поклонниками, оппонентами. За годы творческой жизни он состоял в дружеской переписке с выдающимися отечественными и зарубежными историками и писателями: Ф. Вентури (Италия), Е. Лампертом (Англия), Д. Рейли (США), Н.М. Дружининым, П.А. Зайончковским, Ю.В. Трифоновым, Е.А. Таратутой, Ю.В. Давыдовым и др., а также с потомками героев своих книг: внучкой одного из лидеров I Интернационала и партии «Народная воля» Г.А. Лопатина Еленой Бруновной Лопатиной, внучатой племянницей «нравственного диктатора» «Народной воли» С.Л. Перовской Софьей Глебовной Перовской, дочерьми корифеев российской адвокатуры Н.К. Муравьева (душеприказчика Льва Толстого) и П.Н. Малянтовича (министра юстиции Временного правительства), Татьяной Николаевной Волковой и Галли

Павловной Шелковниковой, внуками знаменитых адвокатов Н.П. Карбчевского (Ниной Анатольевной Винберг) и В.И. Танеева (Еленой Павловной Танеевой) и многими другими.

Впечатляет и география полученных историком писем (от Камчатки до Ужгорода), и пестрый социальный состав его корреспондентов. Авторы посланий Н.А. Троицкому – это не только и не столько его коллеги по цеху, сколько любители истории, «разночинцы» всех возрастов, профессий и социального статуса: музейные работники и учителя, учащиеся и пенсионеры, инженеры и рабочие, шахтеры и моряки, словом, представители самых разных слоев советского, а позже и российского общества.

Обзор эпистолярного наследия саратовского историка наводит на крамольную по нашим временам мысль, что пафосное, на первый взгляд, умозаключение об СССР как «самой читающей стране мира», было, все же не только фигурой речи и пропагандистским штампом. Очевидно, интерес к истории был устойчивым феноменом общественного сознания советского общества на излете двадцатого столетия. Для писем «простых людей» саратовскому историку характерно полное отсутствие казенного патриотизма. Нет сомнений, что «паства» Н.А. Троицкого – люди, искренне увлеченные прошлым своей родины.

Условно всех корреспондентов Николая Алексеевича, не занимающихся историей профессионально, можно разделить на несколько разрядов. Первый и наиболее часто встречающийся тип – это подвижники, энтузиасты, для которых история – не хобби, а страсть, без которой их жизнь была бы пустой. Это те, к кому, по счастью, не относится печальный пушкинский диагноз: «Мы, русские, ленивы и нелюбопытны». Вот яркий и колоритный пассаж из письма такого любителя истории, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным. «Я не историк, а инженер. К истории, к сожалению, прямого отношения не имею, но люблю ее всем сердцем и с большим увлечением собираю литературу по истории русского освободительного движения <...> В общем и не будучи историком я отдаю истории каждую свободную минуту, стараюсь побольше узнать об идеях, взглядах и деятелях этого периода. Делаю я это, подчиняясь чувству восхищения и благоговения перед славными делами и духовной красотой этих людей. Такими людьми нельзя не гордиться» [1].

Важно помнить, что вплоть до выхода в свет в 1988 году монографии посвященной «грозе двенадцатого года» [2], читающей публике Троицкий был известен главным образом как историк русского народничества. Не забудем и то, что его работы, яркие по форме изложения и написанные прекрасным литературным слогом – вовсе не научно-популярная литература, а ученые труды, адресованные в первую очередь специалистам. И тем не менее, судя по частым просьбам помочь в приобретении его очередной монографии, работы саратовского историка были востребованы в обществе. Иногда запросы публики опережали замыслы историка. Так, один из читателей Н.А. Троицкого, прочитав изданную им в 1978 году книгу «“Безумство храбрых” (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882)», интересовался, «каково же было общественное мнение на все эти политические процессы, я имею в виду, русской интеллигенции, людей науки, искусства, литературы, культуры и т. д.» [3]. Ответ на этот вопрос Н.А. Троицкий дал уже в следующем году в работе «Царизм под судом прогрессивной общественности» [4].

Книги Троицкого хорошо знали не только горячие поклонники народников, но и читатели не склонные к сентиментальности, хладнокровные, с критическим настроем и складом ума, как, например, моряк дальнего плавания Евгений Белоусов. Пожурив саратовского историка за «не самое лучшее» оформление «Безумства храбрых», моряк тут же похвалил профессора за содержание его исследования, отметив, что книга «умная и нужная», поскольку «дает достаточно хорошее представление о том, что не мешало бы знать каждому». Скептически оценивая своих современников, Белоусов заключал: «Говорят, у нас самая читающая публика, но, к сожалению, не всегда самая думающая», одновременно выражая надежду, что книга Троицкого «найдет своего читателя» [5].

Пожалуй, наиболее своеобразная и яркая категория почитателей творчества Н.А. Троицкого – это романтики революции, идеалисты, как правило, участники боев за советскую власть.

Двадцать лет состояла в переписке с Н.А. Троицким Капитолина Николаевна Атласова-Юхневич, участница революционного движения и Гражданской войны в Сибири. Потеряв мужа (репрессирован в 1937-ом) и двух сыновей, старший из которых погиб, освобождая Варшаву от

фашистов, она с 1957 года и до самой смерти проживала в Интернате персональных пенсионеров в Москве. Письма К.Н. Атласовой-Юхневич – уникальный пример человеческой стойкости, гуманизма, мужества и веры в свои идеалы. Ее трогательные и в чем-то очень наивные письма к Н.А. Троицкому служат лучшей характеристикой советской интеллигенции эпохи революционной «бури и натиска».

Для К.Н. Атласовой-Юхневич работы Н.А. Троицкого важны не только как исторические сочинения, но, что еще важнее, как обращение к ее революционному прошлому, к идеалам, тщательно сберегаемым до глубокой старости. Капитолине Николаевне народники близки родством идей и душ, умонастроением. «Сердечно благодарю Вас за то, что послали мне свою последнюю работу “Безумство храбрых”», – писала она в Саратов, получив долгожданную бандероль. – Это нельзя читать без волнения, без чувства горячей к Вам благодарности!» [6].

Проще всего было бы назвать К.Н. Атласову-Юхневич фанатиком коммунистической идеи, как поступают многие современные публицисты. Однако это было бы явной ошибкой. Для Юхневич «слово и дело» народников, о которых замечательно ярко и точно писал саратовский историк, это символ того, что советское общество, верное идеалам революции, «идет верным путем». В подтверждение этой мысли приведу цитату из письма Капитолины Николаевны, адресованном Н.А. Троицкому в январе 1979 года. В самом начале письма она извиняется, что задержалась с ответом, поскольку простудилась, ведь «4 суток в комнате было +6° во время морозов». И далее размышляет... о положении дел в мире: «Я перестаю понимать то, что творится на земле, Николай Алексеевич! Сейчас слышу по радио, что из музея во Франции, среди белого дня украдено 9 картин в разделе импрессионистов, в т. ч. картина Монэ, стоящая что-то очень дорого. Связали вахтеров и увезли. До каких же пределов доходит распущенность, пренебрежение элементарными нормами человеческого общения.

И какая же прелесть – программа ленинской партии! Все проникнуто гуманностью! Те усилия, которые должны советские люди сделать для достижения поставленных задач во всех областях жизни, в конечном счете, для блага же людей. Все, все обосновано, все сво-

евременно» [7]. Трудно представить, что испытала эта женщина, дожив до распада СССР и краха коммунистической идеи.

Очевидно, что любителям отечественной истории, переписывавшимся с Н.А. Троицким, было, как правило, свойственно восприятие ученого-историка, как мэтра, своего рода наставника, приобщающего неофитов к увлекательному и таинственному миру истории.

Совсем иная атмосфера, образ действий и мысли царили в профессиональной среде, во взаимоотношениях ученых мужей между собой и в коммуникациях с властными институтами. Каким бы свободолобивым и смелым не был профессиональный историк, он в итоге все равно был вынужден лавировать между ведомственной цензурой и командной надстройкой в сфере политики, образования, академической науки. Это, конечно, относится и к творческой биографии Н.А. Троицкого, тем более что он занимался темами (движение народников, наполеоновские войны), которые на протяжении десятилетий подвергались жесткому идеологическому давлению.

Пожалуй, свободно и уверенно советский историк периода «застоя» мог чувствовать себя лишь в тех сферах, где можно было не рефлексировать на тему марксистско-ленинской методологии. Таких «зон комфорта» было немного, но они все же имелись, например, установление хронологии событий или подлинности того или иного документа. 24 октября 1986 года Б.С. Абалихин, историк Отечественной войны 1812 года, сообщал Н.А. Троицкому: «Как вы и предполагали, “письмо” Наполеона при тщательной проверке оказалось искусно выполненной подделкой: оно написано на русской бумаге образца 1816 года» [8]. К сожалению, о какой именно подделке идет речь, установить пока не удалось.

Значительная часть переписки Н.А. Троицкого с различными лицами посвящена выяснению точных дат, мест или важных нюансов изучаемых событий. Это направление научной деятельности было одним из самых распространенных и обсуждаемых в его письмах к коллегам. Уточняя обстоятельства, хронологию, подробности тех или иных событий, факты из биографий героев исторических трудов, историк находился в своей стихии, получая, думается, максимальное удовлетворение от полноценного научного труда.

Н.А. нередко обращался за консультацией к родственникам, близким или сотрудникам тех исторических деятелей, о которых он писал. В частности, у вдовы академика-диссидента А.Д. Сахарова Елены Боннэр он запрашивал сведения об адвокате И.Н. Сахарове – деде Андрея Дмитриевича. В письме от 29 марта 1991 г. Елена Георгиевна уточнила год рождения И.Н. Сахарова (9 октября 1860 г.), подтвердив догадку саратовского историка, что А.Д. Сахаров, составляя биографическую справку о своих предках, ошибся в дате рождения деда на десять лет [9]. Троицкий, в свою очередь, поблагодарил Е.Г. Боннэр за предоставленные данные в монографии о русской адвокату-ре [10, с. 22].

В конце 1970-х годов Н.А. Троицкий задумывал большую работу о корифее отечественной исторической науки Е.В. Тарле. В поисках дополнительной информации об авторе «Нашествия Наполеона на Россию», саратовский историк установил контакт с Л.Е. Белозерской-Булгаковой, второй женой автора «Мастера и Маргариты», бывшей с 1936 года личным секретарем Е.В. Тарле. Ей он и отправил «Историографический сборник», целиком посвященный знаменитому историку [11, с. 3–57]. Ответ бывшего секретаря академика не заставил себя ждать. В письме от 8 августа 1978 года она, поблагодарила Троицкого за сборник, справедливо заметив, что «давно, давно пора обратиться к трудам и личности этого крупного ученого» [12]. Она уверила Троицкого, что прочтет его статью, окончив «срочную работу». Ждать пришлось почти полгода. В январе 1979 года Л.Е. Белозерская-Булгакова, извинившись за «молчание, затянувшееся надолго», сообщила: «статью об Евгении Викторовиче Тарле прочла, не отрываясь. Мне она понравилась. В ней прекрасно отражены значение и масштаб Е[вгения] В[икторовича] как ученого. Да и чувствуется теплота и заинтересованность в человеке, вполне достаточные, чтобы приступить к написанию биографии Е[вгения] В[икторовича], тем более такому опытному автору, как Вы» [13].

Думается, что личность академика Е.В. Тарле, мэтра отечественной исторической науки, живо интересовала Н.А. Троицкого не только с научной точки зрения, ведь творческая биография Тарле – это еще и образец того, как жить и честно работать в условиях чудовищного давления. Конечно, последние десятилетия истории СССР не-

сравнимы с тем, что творилось в 1930–1950-х годах, однако и в 1960–1980 годы историк был буквально «взнуздан» разного рода партийными и административными инстанциями. Советская цензура вовсе не умерла вместе со Сталиным, она лишь стала менее агрессивной, но оставалась столь же навязчивой. Обстоятельное исследование повседневного быта советского ученого-историка накануне перестройки еще ждет своего исследователя. Здесь же приведу лишь несколько примеров того, сколь непросто было Троицкому и его коллегам оставаться Историками с большой буквы, не разменявшими науку на пустопорожние идеологические экзерсисы.

Прежде всего, отмечу, что в некоторых случаях негласный запрет на публикацию научного труда – непостижим для понимания. Вот пример. К Н.А. Троицкому обратился за научными консультациями и помощью историк Северной Осетии Н.М. Ардасенов, писавший научный труд о своем предке народнике А. Ардасенове [14].

Троицкий охотно согласился помочь. Однако уже готовую к изданию рукопись в печать не пускали, а ее автора провели по все кругам цензурного ада. Ни Н.М. Ардасенов, ни тем более Н.А. Троицкий не могли понять и объяснить запрет книги о народнике, писателе, революционере, отбывшим каторжный срок по приговору царского правительства. Сбитый с толку и расстроенный Н.М. Ардасенов с горечью сообщал: «Если даже работа будет включена в план издания по СО АССР, но она не может быть издана без специального разрешения Госкомиздата РСФСР. [...] Главное – издать работу, труднее, чем написать ее» [15].

Впрочем, и сам Н.А. Троицкий не раз сталкивался с негласным запретом, как в случае с его попытками преодолеть шаблоны в освещении Отечественной войны 1812 года и в целом эпохи наполеоновских войн. Личность Наполеона, его роль в истории, наполеоновская эпоха привлекали внимание Н.А. Троицкого с юности [16, с. 38]. В 1963 году, будучи преподавателем кафедры истории СССР досоветского времени Саратовского университета, он отправил в журнал «Вопросы истории» большую статью (88 стр.) с пересмотром дворянских и советских стереотипов в освещении войны 1812 года. Работа была отвергнута по «идейным соображениям», и ее автор «понял, что тема

“Двенадцатого года”» для него «закрыта» [16, с. 101]. Как оказалось, на четверть века.

Советская творческая интеллигенция, мастерски владевшая навыками эзопова языка, остро чувствовала обман и фальшь, едва прикрытую откровенной демагогией. Свидетельством тому служит реакция ужгородского историка Арсеньева на демагогический выпад А.Ф. Смирнова против Н.А. Троицкого и его единомышленников. Привожу его письмо Н.А. Троицкому, важное для понимания контекста событий, с небольшими сокращениями.

«Уважаемый Н.А. Троицкий. Я вас не знаю, и не уверен, что это письмо найдет Вас. Если получите его, то очень прошу ответить. А дело в следующем. В № 16 «Коммуниста» за 1972 г. напечатана статья «За строгую научность, достоверность и историческую правду». В ней речь идет и о Вашей работе «Народная воля перед царским судом 1880–1891 гг.», Саратов, 1971. На наш взгляд, автор статьи, полемизируя с Вами в отношении характеристики народников («революционных народников») и т.д., делает ошибки и отступает от ленинских положений по этому вопросу. В данном отношении меня интересует Ваша работа (упомянутая выше). Если можете, то вышлите мне ее на любых условиях. И мне хотелось бы знать, как Вы оцениваете упомянутую статью» [17].

Примечательно, что ужгородский историк усомнился в верности истолкования Смирновым ленинских положений. Действительно, советский историк той эпохи ради собственного спокойствия и возможности спокойно работать должен был владеть мастерством интерпретации высказываний классиков марксизма-ленинизма. Даже если прекрасно понимал, что ни Маркс, ни Ленин ничего или почти ничего по теме, которой он занимается, не говорили.

Анализируя положение, сложившееся к середине 1980-х гг. в отечественной науке, следует признать, что карьерный рост «специалиста» по истории, как например, А.Ф. Смирнова, часто определялся и его умением приспособливаться к партийно-научной номенклатуре. Профессор В.Ф. Антонов, коллега и друг Н.А. Троицкого с горечью констатировал: «Снова хвалят за политические доносы, за проституцию нравов и невежество. Однако я не верю, что подобному будет дан ход. Мы и история уже заплатили за этокое в недавнем прошлом» [18].

Увы, Антонов упустил из вида способность истории повторяться, пусть даже и в виде фарса.

В заключение повторяюсь, что серьезный и тщательный анализ положения исторической науки в СССР в канун перестройки – дело будущего, надеюсь, ближайшего. И все же один, очень важный вывод можно сделать. Одной из главных причин кризиса отечественной исторической науки к середине 1980-х годов стала навязчивая попытка официальных руководителей удерживать историков в плену устаревших догм. В конечном итоге, идеологический монстр рухнул, похоронив под своими обломками и псевдомарксистскую идеологию.

Список использованных источников и литературы:

1. МУНГЧ. Архив Н.А. Троицкого. Письмо неизвестного. Б/д.
2. *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988.
3. МУНГЧ. Архив Н.А. Троицкого. Письмо неизвестного. 1978 (?).
4. *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895. М., 1979.
5. МУНГЧ. Архив Н.А. Троицкого. Письмо Е.И. Белоусова Н.А. Троицкому от 9 мая 1980 г.
6. МУНГЧ. Письмо К.Н. Атласовой-Юхневич Н.А Троицкому от 7 апреля 1978 г.
7. МУНГЧ. Письмо К.Н. Атласовой-Юхневич Н.А Троицкому от 16 января 1979 г.
8. МУНГЧ. Письмо Б.С. Абалихина Н.А.Троицкому от 24 ноября 1986 г.
9. МУНГЧ. Письмо Е.Г. Боннэр Н.А. Троицкому от 10 марта 1991 г.
10. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
11. *Троицкий Н.А.* Евгений Викторович Тарле. 1875–1955 // Историографический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6.
12. МУНГЧ. Архив Н.А. Троицкого. Письмо Л.Е. Белозерской-Булгаковой Н.А. Троицкому от 8 августа 1978 г.
13. МУНГЧ. Письмо Л.Е. Белозерской-Булгаковой Н.А. Троицкому от 18 января 1979 г.
14. МУНГЧ. Письмо Н.М. Ардасенова Н.А. Троицкому от 21 августа 1966 г.
15. МУНГЧ. Письмо Н.М. Ардасенова Н.А. Троицкому от 21 ноября 1981 г.
16. *Троицкий Н.А.* Книга о любви. Саратов, 2006.
17. МУНГЧ. Архив Н.А. Троицкого. Письмо Н.В. Арсеньева Н.А. Троицкому. 1972 г.
18. МУНГЧ. Письмо В.Ф. Антонова Н.А. Троицкому. 1971 г.

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I

УДК [94(47|17|+929Петр I]:930(100)

С.А. Мезин

ПЁТР I И ЕГО ЭПОХА ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ

В статье рассмотрены основные этапы мировой историографии петровской темы: XVIII век; первая половина XIX века; вторая половина XIX – начало XX века; 1917 – конец 1980-х годов; конец 1980-х годов – 2019. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей приводит автора к заключению, что многие сюжеты истории петровского времени остаются сегодня дискуссионными: причины реформ, готовность русского общества к преобразованиям, социальная опора самодержавия Петра I, статус российского дворянства, результативность административных реформ, последствия петровской индустриализации страны, значение культурного переворота и др.

Ключевые слова: Пётр I, реформы первой четверти XVIII века, историография, Е.Ф. Шмурло, Н.В. Рязановский, Е.А. Соловьев, Э. Зицер.

S.A. Mezin

PETER I AND HIS ERA THROUGH THE EYES OF HISTORIANS

The article considers the main stages of world historiography of the Peter's themes: XVIII century; the first half of the XIX century; the second half of XIX – early XX century; 1917 – late 1980-ies; the end of 1980-ies – 2019. Analysis of works of domestic and foreign researchers leads the author to the conclusion that many of the stories of the history of Peter's time are today discussion: causes of reform, the readiness of Russian society to change the social base of autocracy of Peter I, the status of the Russian nobility, the performance of administrative reforms, the consequences of Peter's industrialization, the importance of cultural revolution etc.

Key words: Peter I, reforms of the first quarter of the XVIII century, historiography, E.F. Shmurlo, N.V. Ryzanovsky, E.A. Soloviev, E. Zitser.

Историография реформ Петра I поистине необъятна. К оценке петровских преобразований традиционно сводятся едва ли не все основные вопросы исторического бытия России. Петровское время, по замечанию В.О. Ключевского, было своеобразным оселком, на котором оттачивала и проверяла себя русская историческая мысль. «Вопрос о значении реформы Петра в значительной степени есть вопрос о движении нашего исторического сознания» [1, с. 183]. За последние полтора столетия предпринято немало попыток подвести итоги оценкам петровских реформ в русской и мировой общественной мысли и историографии. Серьезное основание этой работе было положено трудами Евгения Францевича Шмурло (1854–1934), который в первом варианте своего исследования рассмотрел литературу о Петре I с начала XVIII до середины XIX века [2]. Его переработанный вариант, посвященный литературе XVIII века [3], до наших дней остается ценным библиографическим и архивным путеводителем по петровским материалам XVIII столетия. Уже в эмиграции Шмурло издал работу «Вольтер и его книга о Петре Великом» (Прага, 1929). К изучению эволюции петровской темы в науке и общественной мысли в разное время обращались Н.Г. Устрялов [4], К.Н. Бестужев-Рюмин [5], Р. Минцлов [6], О.Ф. Миллер [7], А.А. Кизеветтер [8], С.Ф. Платонов [9], Б.И. Сыромятников [10], Б.Б. Кафенгауз [11], С.А. Фейгина [12], М.П. Павлова-Сильванская [13], В.В. Мавродин [14] и др. Датский историк Ханс Баггер (1942–2016) впервые дал обзор мировой историографии петровских реформ с середины XIX века до 1970-х годов. Автор не коснулся «донаучного» периода освещения деятельности Петра I, а различные научные подходы к её изучению рассмотрел по проблемному принципу. Этот сугубо объективистский подход сделал возможным перевод книги «буржуазного» автора на русский язык и её издание в окружении статей и комментариев советских историков [15]. В хронологическом порядке в соответствии с основными эпохами исторической мысли рассмотрены оценки петровских реформ в книге Николая Васильевича Рязановского (1923–2011), которая является удачным опытом целостного изучения эволюции образа Петра I, отразивших изменение научных, культурных и политических ценностей российского общества [16]. Основные наблюдения Рязановского положены в основу статьи шведского автора С. Уредссона, переведенной на русский язык [17]. «Кол-

лекция» мыслей «русских о Петре» с акцентом на их полярность приведена в книге А.А. Кара-Мурзы и Л.В. Полякова [18]. Россыпь разнообразных высказываний приведена здесь вне исторического контекста. Эта историософская «коллекция» в более полном объеме представлена в издании из серии «Русский путь» [19], где образцы «рефлексии» отдельно выстроены в хронологическом и тематическом порядке. Большой период изучения в России личности и деятельности Петра I проанализирован в монографии Е.А. Соловьева в тесной связи с динамикой общественно-политической жизни конца XVIII – начала XX века [20], а также в книге О.Б. Леонтьевой применительно ко второй половине XIX – началу XX века [21]. Очерк историографии петровских реформ последних десятилетий XX века имеется в монографии А.Б. Каменского [22]. Э. Зицер посвятил свою статью постсоветской историографии Петра I, прорецензировав новейшие работы Е.В. Анисимова, Д.О. Серова, П. Бушковича, Л. Хьюз и В.М. Живова [23]. Таким образом, накоплен немалый опыт в изучении петровской темы в мировой историографии. За некоторыми исключениями отечественная и зарубежная литература о Петре I рассматривались отдельно, изолированно друг от друга.

Осознание глубоких внешнеполитических и внутренних перемен было свойственно идеологии и официальной историографии петровского времени. Преобразованную Россию нельзя мерить старыми мерками, считал Пётр I, «понеже времена не суть равны нынешним». Царь сознавал, что с его участием творится история, достойная внимания современников и памяти потомков. Военные победы, ознаменованные триумфами и фейерверками, прославленные церковными проповедями и театральными действиями, становились ежегодными праздниками, а затем и частью официальной истории [см.: 24]. Написание новейшей истории страны рассматривалось как актуальная политическая задача. По указаниям царя, а подчас и с его личным участием составлялись «Марсова книга», сочинения Ф. Поликарпова, Л. Алларта, Г. Гюйссена, Феофана Прокоповича. Большим тиражом на нескольких европейских языках был напечатан историко-политический трактат вице-канцлера П.П. Шафирова «Рассуждение» о причинах

Свейской войны (1717), содержащий общую панегирическую оценку петровских реформ. Редактировал «Рассуждение» сам царь, написавший к нему послесловие. Ярким примером пропаганды реформ и побед царя средствами историографии была «История императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии...» Феофана Прокоповича (ок. 1718). Общественно-политические взгляды и оценки Феофана были настолько близки взглядам Петра, что историки долгое время рассматривали сочиненную историком речь царя перед Полтавской битвой как запись подлинного обращения царя к солдатам [см.: 25]. Сам Пётр выступал в роли историка своего времени [см.: 26]. Он был одним из наиболее активных авторов и главным редактором «Гистории Свейской войны», в которой, как заметил еще Устрялов, «все важное, главное принадлежит Петру». Письма Петра наполнены выразительными оценками текущих событий (о Нарве, которая «4 года нарывала», о «счастливо разгрызенном» «орехе»-Орешке, о «матери Полтавской баталии» – битве при Лесной, и т.д.), которые (чаще всего с легкой руки С.М. Соловьева) давно вошли в отечественную историографию. Оценкам Петра был присущ патернализм: он нередко представлял себя мудрым и умелым учителем, а народ – упрямыми, но вполне способными детьми. Вместе с тем царь не замалчивал неудач и оценивал свои действия с известной долей реализма. Его сподвижники рассматривали петровское царствование как полное обновление страны, которым Россия обязана только гению царя. «Россия есть статуя твоя», – проповедовал Феофан, обращаясь к царю. Для него Пётр – «виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию... прямой сый отечества своего отец» [27, с. 26, 126]. «Всего семя и корень» видел в Петре I Гавриил Бужинский и заявлял, что благодаря Петру Россия «аки в новое бытие возрожденная сотворися» [28, с. 4]. Как некий «метаморфозис» представлял перемены, произошедшие в России П.П. Шафиров, объясняя их «единым... от бога дарованным талантом, охотою, высоким разумом и неусыпными трудами и стараниями» Петра [29, с. 2]. Широко известны слова канцлера Г.И. Головкина при поднесении Петру титула императора: «...только едиными Вашими неусыпными трудами и руководством... мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего

света и тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество политических народов присовокуплены...» [30, с. 445]. По словам И.И. Неплюева, «сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь не делалось, от сего источника черпать будут» [31, с. 112].

Эту панегирическую традицию продолжили русские авторы середины и второй половины XVIII века, дополнив её ярко выраженными патриотическими мотивами. В духе барочной поэзии М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков в своих стихах сравнивали Петра I с Богом. Вслед за ними Г.Р. Державин поэтически вопрошал: «Не Бог ли в нем сходил с небес?» [32, с. 19]. Молодой Н.М. Карамзин с пафосом утверждал: «Одна только ревностная, деятельная воля и беспредельная власть русского царя могла произвести такую внезапную, быструю перемену... Как Спарта без Ликурга, так Россия без Петра не могла бы прославиться» [33, с. 355]. А.Н. Радищев видел главную заслугу царя в том, что тот «дал первое стремление столь обширной громаде (России. – С.М.), которая яко первенственное вещество, была без действия» [34, с. 12]. Однако уже во второй половине XVIII века в рамках высокой культуры стало проявляться критическое отношение к реформатору с точки зрения моральных, социальных и национальных ценностей¹: царю ставились в упрек «повреждение нравов», неверный путь образования, притеснение дворянства, закрепощение крестьян, попрание национальных традиций и т.д. Эта критика впервые прозвучала в сочинениях М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, Е.Р. Дашковой, А.В. Нарышкина, А.Н. Радищева. Екатерина II поддерживала официальный культ Петра I, сложившийся еще при Елизавете Петровне. Она установила памятник императору с многозначительной надписью на пьедестале «Петру Первому Екатерина Вторая». Императрица постоянно сравнивала себя с Петром, и подчас ей казалось, что она превзошла его как государственный деятель [см.: 37; 38].

¹ В среде народных масс звучали крайние отрицательные оценки реформатора, что отразилось в легендах о «подменном царе» и «царе-антихристе», которые, впрочем, не исчерпывали народного отношения к Петру I [см.: 35; 36].

Творец истинной России, просветитель и герой – таким было преобладающее мнение о Петре I образованного русского общества XVIII века, несмотря на первые попытки критики.

Русский царь был героем и для многих европейских авторов века Просвещения [см.: 39; 40; 41]. Ядро «мифа Петра Великого» создал французский академик Б. де Фонтенель: «Все необходимо было делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы *создать новую нацию*... действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов» [42, р. 343]. Отказ от традиций, реформа церкви и «полная свобода совести», покровительство наукам и искусствам – из этих элементов начал складываться образ героя Просвещения. Завершенный вид этот образ приобрел в сочинениях Вольтера. «Один-единственный человек изменил величайшую империю в мире» [43, р. 193], – заявлял Вольтер в «Истории Карла XII» (1730–1731). В «Анекдотах о Петре Великом» (1748) философ особенно подчеркивал случайный, чудесный характер творения Петра, этого русского Прометея, преодолевшего «дух своей нации». В «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759–1763) деятельность царя представлена как яркий образец быстрого приобщения к цивилизации целого народа. «Наконец родился Пётр, и Россия образовалась» [44, р. 510]. Д. Дидро, Г.Б. Мабли, Э.Б. Кондильяк, Ж.Ф. Мармонтель еще видели в Петре I героя, но уже критиковали его с точки зрения европейских представлений о цивилизации [см.: 45, с. 153–164]. Оппонентом Вольтера выступил Ж.-Ж. Руссо, полагавший, что русские еще не созрели для преобразований, и предрекавший скорое падение созданной царем империи [46, с. 183].

Заслугой европейских авторов является раннее обращение к написанию биографии Петра I. Первенство принадлежит немецким (Г. фон Лознштейн, Ю.Г. Рабенер и др.) [см.: 47] и французским (Ж. Руссе де Мисси, Е. Мовийон, П.Ш. Левек и др.) [см.: 48; 49] авторам, к которым затем присоединились англичане (Дж. Моттли, Дж. Бэнкс, А. Гордон и др.) [см.: 50, с. 84–106], швед И.Ф. Страленберг, итальянец А. Катифоро, серб З. Орфелин и др. Наибольшее распространение получили биографии, написанные на французском языке, среди которых первенствовала «История» Вольтера. Русские авторы достигли заметных успехов в историческом изучении пет-

ровской эпохи лишь во второй половине XVIII века². Г.Ф. Миллер и М.М. Щербатов положили начало изданию важнейших архивных документов, в том числе писем царя и исторических сочинений его современников. Настоящим подвигом в собирании и публикации документов петровского времени, в описании фактов биографии Петра I был труд И.И. Голикова «Деяния Петра Великого» (М., 1788–1789. Ч. 1–12), который вместе с «Дополнением к Деяниям» (М., 1790–1797. Т. 1–18) составил 30 «тучных» (по выражению Д. Давыдова) томов [см.: 52]. Автор разделял господствующий в русском обществе панегирический взгляд на преобразователя, однако не придумывал легенд и не скрывал «неудобных» фактов биографии царя. В своем стремлении оправдать и объяснить все деяния своего «ироя» И.И. Голиков брался за обсуждение самых острых вопросов и цитировал оценки, которые русская цензура не пропускала до середины XIX века.

Наряду с изданием источников и элементарным описанием фактической истории петровского времени вторая половина XVIII века отмечена собиранием устных рассказов («анекдотов») о Петре I (их публиковали Я. Штелин, И.И. Голиков, О.П. Беляев). Заслуживает внимания и опыт литературного творчества А.А. Нартова, замаскированный под публикацию рассказов современника о Петре I [53].

Труд Голикова снабдил фактическим материалом отечественную историографию Петра I на полстолетия вперед³, однако с началом XIX века образ «творца» России и новой нации утратил свою привлекательность. Французская революция заслонила петровские реформы в сознание европейского общества и охладила энтузиазм по поводу крутых перемен. В это время в русский язык входит слово «реформа». Первоначально в смысле «военная реформа», но затем и как государственное преобразование [54, с. 114]. Тогда же в александровской России разрабатывались проекты новых реформ. Их автор М.М. Сперанский считал себя продолжателем дела Петра [20, с. 43–44]. Однако в его отрицании «самовластия» как орудия преобразований, в признании «внутренней свободы» как их необходимой предпосылки, в осуждении «крутых превращений» и отстаивании «постепен-

² Попытку П.Н. Крекшина в середине XVIII века заняться написанием биографии Петра I нельзя признать удачной [см.: 51].

³ В 1837–1843 годах К.А. Полевой переиздал труд И.И. Голикова в 15 томах.

ного», естественного «созревания» перемен в противовес заимствованиям готовых форм из Европы уже слышалась мягкая критика Петра I и его методов реформирования [см.: 55]. Оппонентом Сперанского выступил Н.М. Карамзин, который не только осудил преобразовательские планы правительства, но и критически высказался о Петре I. В «Записке о древней и новой России» (1811), написанной с охранительными целями, Карамзин развил идею Щербатова о чрезмерности петровских преобразований и об их отрицательных последствиях для нравственности общества. Опасное нарушение национальных традиций привело к тому, заявлял Карамзин, что «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России» [56, с. 35]. Историк осудил насильственные средства «славного преобразования государственного». Хотя в своем главном труде «Истории государства Российского», значительно повлиявшей на самосознание русского общества, Карамзин не дал систематического изложения истории петровского времени, он убедительно показал, что история России начинается не с Петра I, и не Пётр является творцом государственного величия России, а также напомнил русским о многовековых национальных традициях.

Над образом Петра I не раз задумывался А.С. Пушкин. Молодого близкого к декабристам поэта едва ли увлекал образ царя-преобразователя, но пробудившиеся надежды на просвещенного и деятельного монарха в лице Николая I вызвали появление ряда сочинений, признающих положительную историческую роль Петра: «Стансы» (1826), «Арап Петра Великого» (1827), «Полтава» (1828), «Медный всадник» (1833). Уже в «Полтаве» поэт гениально сформулировал неоднозначность, двойственность сущности Петра – он, как «божия гроза», лик его одновременно и «ужасен» и «прекрасен». Противоречивость результатов деятельности царя раскрыта в «Медном всаднике». В 1835 году Пушкин приступил к работе над «Историей Петра I», которая осталась незаконченной [57]. Глубокое знакомство с источниками петровского времени увеличивало скепсис автора в отношении царя, иные указы которого «кажется, писаны кнутом». Пушкин едва ли не первым назвал Петра I «революционером», имея в виду политику царя в отношении дворянства и духовенства.

Николай I поддерживал официальный культ своего «пращура» [см.: 58, с. 186–196], полагая, что «лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви». Тем не менее, в николаевской России горячо обсуждались историко-философские вопросы, которые вновь актуализировали оценку петровских реформ. Выступление П.Я. Чаадаева, традиционно считавшего Петра творцом современной России, начавшим новую эру и отрекшимся от тупикового прошлого [59, с. 135–137], положило начало спорам славянофилов и западников. Славянофилы идеализировали древнюю Русь и осуждали Петра за насильственный разрыв с национальной традицией. Они обвиняли Петра в отрыве власти от народа и в установлении крепостного права. Иные из них (П.В. Киреевский, отчасти К.С. Аксаков) доходили до личной ненависти и проклятий в адрес первого императора: «Вся Русь, вся жизнь ее доселе Тобою презрена была, И на твоём великом деле Печать проклятия легла» [60, с. 459], другие, как А.С. Хомяков, хотя и с оговорками признавали за реформами Петра положительное значение: «Страшная, но благодетельная гроза» [19, с. 775]. Западники, полагавшие, что Россия и Европа развиваются по одним историческим законам, гораздо выше оценивали роль Петра I в русской истории. Наиболее последовательным поклонником реформатора выступал В.Г. Белинский, писавший: «Для меня Пётр – моя религия, мое откровение во всем, что касается России». Царь, по его словам, «есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России» [61, с. 93].

В своих полемических высказываниях, как славянофилы, так и западники не раз именовали Петра I революционером, например, А.И. Герцен: «Под императорской порфирой в Петре всегда чувствовался революционер» [62, с. 173]. Однако идейные баталии сами по себе мало давали для исторического познания эпохи петровских реформ. Новые попытки написания истории петровского времени предприняли в 1830–1850-е годы Н.А. Полевой, М.Н. Погодин, Н.Г. Устрялов. Два последних были уже профессиональными историками.

Хотя Полевой в четырехтомной «Истории Петра Великого» (1843) поставил вопрос о связи деятельности Петра с его предшественни-

ками на троне, а Погодин в статье «Пётр Великий» (1841) утверждал, что петровские реформы были органическим явлением русской истории⁴, нового научного взгляда им обосновать не удалось. Обоим историкам было в значительной степени присуще мифологическое видение фигуры Петра, в рамках которого были допустимы несовместимые оценки и суждения [20, с. 78, 93]. Основная идея «Истории царствования Петра Великого» Устрялова [64] состояла в том, что с помощью просвещения Пётр превратил Россию из отсталого полуазиатского государства в европейскую державу. Характерный для Устрялова общий взгляд на Петра I как на демиурга новой России был анахронизмом, что не помешало историку продвинуться в деле изучения и публикации источников петровского времени. Верноподданному историку были открыты все архивы, однако публикация тома, посвященного делу царевича Алексея, вызвала некоторые затруднения [см.: 65]. Устрялову не удалось дать завершённой истории царствования Петра I: он довел повествование до 1706 года и осветил дело царевича Алексея, которое, по сути, вывел за рамки официальной «петровской» версии [20, с. 100–114].

Органический взгляд на реформы Петра I как на закономерное явление русской истории выработали либералы-западники, создатели государственной школы (К.Д. Кавелин, позже – Б.Н. Чичерин), к которым был близок крупнейший историк России середины XIX века С.М. Соловьев. Он внес исключительный вклад в изучение эпохи реформ Петра I. Шесть томов (13–18) своей «Истории России с древнейших времен» он посвятил петровскому времени. Ученый работал над ними в 1860-е годы в обстановке гласности и общественного подъема, связанного с подготовкой и проведением реформ Александра II.

Историк обосновал взгляд на реформы как на органическую и закономерную эпоху русской истории, показал их связь с предшествующим и последующим временем, выявил внутреннюю логику и содержание преобразований. Особо ценным было признание внутренней обусловленности реформ, в ходе которых русское общество достигло зрелости: перешло из «возраста чувств» в «возраст мысли», «процве-

⁴ Впоследствии М.П. Погодин принял участие в обсуждении дела царевича Алексея и предпринял попытку составления научной хроники первых семнадцати лет жизни Петра [см.: 63, с. 130–143].

тания, науки и просвещения». Соловьев основывал свои выводы на критическом изучении огромного массива оригинальных архивных источников.

Отдав вначале некоторую дань трактовке петровских реформ как «революции» (в значении насильственного переворота), Соловьев отошел от этой идеи и рассматривал деятельность Петра I как образец последовательных и прогрессивных реформ, что звучало особенно актуально в период вызывавших критику реформ Александра II. Царь Пётр показан историком как герой и выразитель чаяний русского народа. В итоговых «Публичных чтениях о Петре Великом» Соловьев писал: «Необходимость движения на новый путь была признана... народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя: вождь явился» [66, с. 38]. «Низы» не всегда признают правоты «вождя», полагал историк, поэтому реформы приходилось осуществлять силой, преодолевая сопротивление традиционалистов. Согласно Соловьеву, вся эпоха Петра стала «великой народной школой». Сам же Пётр, не получивший в детстве «правильного школьного воспитания», сумел стать «великим народным учителем». Соловьев не ставил под сомнение пользы европеизации России, признавал ведущую роль экономических причин в проведении реформ, а войну трактовал как их неизбежную составную часть⁵.

Широко отмечавшийся в России 200-летний юбилей Петра I способствовал возбуждению общественного интереса к петровской теме и распространению панегирических оценок в статьях и брошюрах, написанных по случаю годовщины [см.: 67]. Вместе с тем общественная обстановка пореформенной России позволила демократически настроенным историкам (Н.И. Костомаров, М.И. Семеvский [68], Г.В. Есипов) осветить «темные углы» деятельности и личности Петра I. Н.И. Костомаров гораздо острее, чем Соловьев, обозначил противоречия между царем и народом и указал на приоритет военных ценностей над просвещенческими в деятельности реформатора. Для русских историков, по сути, не осталось запретных тем и закрытых документов, относящихся к истории петровского времени. В целом вырисовывался далеко не однозначный образ Петра I – труженика и угне-

⁵ Подробнее о концепции петровских реформ у С.М. Соловьева и библиографию вопроса см.: [20, с. 120–157; 16, р. 153–165.].

тателя, народолюбца и деспота, учителя и палача [69]. Н.В. Рязановский отметил нарастание критического начала в историографии петровских реформ второй половины XIX века: «на смену спорадическим и слабо обоснованным нападка на первого императора в эпоху российского Просвещения и энергичной, но узко сектантской критике со стороны славянофилов пришел гораздо более широко распространенный и детальный критицизм... Вновь были поставлены проблемы жестокости, издержек, негативных или, по меньшей мере, сомнительных результатов реформ, совершенных ценой невероятного напряжения сил – но теперь они были более тщательно обоснованы, и к ним присоединились многочисленные новые обвинения» [16, р. 153].

Если С.М. Соловьев, для которого главным было единство исторического процесса, сумел показать реформы Петра I как органическое, национальное явление русской истории, связав их с предшествующей и последующей историей страны, то В.О. Ключевский, рассматривая историю как результат действия множества факторов, выявил экономические, военные, социальные, культурные «пружины» и последствия реформ, воссоздал гораздо более полный и реалистичский психологический портрет преобразователя.

Соглашаясь с идеей о подготовленности реформ предшествующим периодом, историк в отличие от Соловьева писал не столько о кризисе русского общества XVII века, побуждавшем общество к преобразованиям, сколько о созревании самой идеи реформ, «довольно цельной преобразовательной программы», которую и осуществил Пётр. Таким образом, сама идея реформ предшествовала Петру, но методы их осуществления были его изобретением и отразили личные качества царя, отнюдь не восхищавшие Ключевского. По его мнению, царь был долгое время лишен необходимых понятий об обществе и общественных порядках, был далек от элементарной гражданской этики. Порядок реформ определялся нуждами войны: сначала шли военные реформы, а уже затем по необходимости царь задумался о государственном хозяйстве. Притом Ключевский отмечал, что в военной, хозяйственной, финансовой, административной сферах царь преуспел как никто другой из русских государственных деятелей, однако политического, общественного и нравственного порядка русской жизни не изменил. При этом цена реформ оказалась вы-

сокой: «После Петра государство стало сильнее, но народ беднее» [70, с. 439]. Историк не сомневался в пользе европейского просвещения. Пожалуй, главный смысл и оправдание преобразований Петра I Ключевский видел в деятельности по развитию просвещения и наук. Царь был груб и деспотичен, но «вера в чудодейственную силу образования, которой проникнут был Пётр, его благоговейный культ науки насильственно зажег в рабьих умах искру просвещения, постоянно разгоравшуюся в осмысленное стремление к правде, т.е. к свободе». Признавая, что в Петре «впервые блеснула идея народного блага», в конечном счете, Ключевский отказывался дать Петру I однозначную оценку, прибегнув к образу «бурной весенней грозы, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева» [71, с. 203, 204].

Ученики Ключевского развивали идеи своего учителя в разных направлениях. П.Н. Милюков обратился к намеченной Ключевским теме «государственного хозяйства». Основанный на архивном материале опыт изучения финансов в связи с реформами государственного аппарата привел автора к скептическим выводам. Исследуя механизм выработки реформ, историк пришел к заключению, что «личная инициатива Петра сводилась к гораздо более узким рамкам, чем это обыкновенно полагают». Пётр был солдатом и кораблестроителем, но не был социальным реформатором по своему умственному складу и призванию. Его внутренняя политика – это «непрерывная цепь ошибок и недоразумений» и «реформ без реформатора». Финансовые мероприятия царя привели к утроению податных тягостей и к двадцатипроцентной убыли населения. «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы» [72, с. 323, 542–545, 546]⁶. В «Очерках по истории русской культуры» Милюков развил идею о сти-

⁶ Публицистически заостренная монография Милюкова вызвала критические отклики коллег. Н.П. Павлов-Сильванский назвал её «желчным памфлетом». В своей книге «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» (М., 1897) Павлов-Сильванский, изучая литературу реформ, пришел к выводу об активной роли русского общества в реформе Петра, но в то же время отметил и самостоятельную роль реформатора. «Формула» Милюкова «реформа без реформатора» была опровергнута Н.А. Воскресенским в его работе 1940-х гг., которая недавно увидела свет [73]. Вывод о двадцатипроцентной убыли населения также был оспорен М.В. Клочковым [74, с. 265]. Современный анализ работ П.Н. Милюкова по истории петровского времени см.: [75, с. 306–338].

хийном, бессистемном характере реформ, о «пассивном заговоре» общества против царя и об узости его социальной опоры – созданной им самим гвардии. Милюков стремился развенчать тезис Соловьева о Петре как о мудром учителе своего народа. Говоря о непомерной цене реформ и о недостатках реформатора, Милюков все-таки не перечеркивал значения деятельности Петра в целом, ибо не отрицал необходимости европеизации России.

Дальше Милюкова пошел по пути осуждения Петра I другой, более радикальный ученик Ключевского – М.Н. Покровский. Первый русский историк-марксист называл в качестве главного двигателя деятельности Петра I «торговый капитализм». Видя в реформах временный результат «завоевания феодальной России торговым капиталом», Покровский подчеркивал верхушечный характер перемен, коснувшихся лишь царского двора, но совсем не затронувшего крестьянских масс. Государство, по его мнению, в целом сохранило свою военно-феодальную природу. Говоря о «банкротстве» петровской реформы в целом, Покровский «уточнял» вывод Милюкова: несмотря на разорение страны, Россия не стала европейской державой. Смерть реформатора от дурной болезни «была достойным финалом этого пира во время чумы» [76, с. 601, 602]. Принадлежность Милюкова и Покровского к различным по радикальности лагерям русского освободительного движения, несомненно, сказалась на их оценках царя-реформатора.

Еще один ученик Ключевского – М.М. Богословский – в работе, посвященной областной реформе, проанализировал не только изменения в структуре и функционировании органов власти на местах, но и идейную подоплеку административных реформ царя. По мнению историка, в своих законодательных актах Пётр очень ясно выразил свой взгляд на общее благо как на цель государства и на верховную власть как на средство, ведущее к этой цели. Царь последовательно развивал идею регулярного европейского государства, которое направлено на достижение общего блага с помощью отлаженного государственного аппарата и разумных законов, касающихся всех сторон жизни общества: подданный царя «обязан был нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указанное платье и обувь,

предаваться указанным увеселениям, указанным порядком и в указанных местах лечиться, в указанных гробах хорониться и указанным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указанные сроки» [77, с. 12–13, 20]. По сути, Богословский вернулся к идее С.М. Соловьева о Петре как об учителе своего народа. В последние годы своей жизни Богословский принялся за написание полной научной биографии Петра I, построенной по хронологическому принципу [78]. Свою «Петриду» Богословский довел лишь до 1700 года. «Чтобы написать историю Петра Великого, надо самому быть вроде Петра Великого» [цит. по: 79, с. 6], – отмечал он.

В начале XX века отечественная историография достигла заметных результатов в изучении эпохи петровских реформ. В обобщающих исследованиях был высказан широкий спектр оценок реформатора. К этому времени были монографически изучены важнейшие аспекты истории России конца XVII – первой четверти XVIII века: демография, экономика и финансы (П.Н. Милюков, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Туган-Барановский, М.В. Ключков), административные реформы и государственный аппарат (А.Н. Филиппов, П.Н. Мрочек-Дроздовский, М.М. Богословский, В.И. Веретенников), война и военное дело (П.О. Бобровский, Д.Ф. Масловский, А.З. Мышлаевский), флот (Ф.Ф. Веселаго), города (И.И. Дитятин, А.А. Кизеветтер), дворянство (А.В. Романович-Словатинский, Н.П. Павлов-Сильванский), церковь (И.А. Чистович, С.Г. Рункевич, П.В. Верховский), культура (П.П. Пекарский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Герье, П.Н. Милюков, С.В. Рождественский), биографика (А.Г. Брикнер, М.М. Богословский). Была заложена солидная источниковая база для изучения эпохи реформ: начато издание «Писем и бумаг Петра Великого» (Т. 1–7, 1887–1918), увидели свет «Походные журналы» Петра (СПб., 1853–1855), изданы сенатские «Доклады и приговоры» (Т. 1–6, 1880–1901), опубликованы важнейшие свидетельства иностранцев о «преображенной» России (Ф.В. Берхгольц, Ф.Х. Вебер, И.Г. Корб, Д. Перри, И.Г. Фокеродт, Ю. Юль и др.).

Бурные события в Европе конца XVIII – начала XIX века привели к тому, что Пётр I перестал быть центром внимания зарубежных мыслителей и историков. Политическая актуальность петровской темы была искусственно подогрета появлением фальсифицированного «За-

вещания Петра Великого», к созданию которого были причастны польские и французские авторы [80]. Его текст в виде «плана Петра I» появился в книге Ш. Лезюра [81], вышедшей накануне наполеоновского вторжения в Россию, затем уже под названием «Завещания» – в романе Ф. Гайярде [82], а в годы Крымской войны его перевод был опубликован в английских изданиях [50, с. 151–155]. Вольтеровская традиция прославления Петра Великого была продолжена во Франции графом Ф.П. де Сегюром в «Истории России и Петра Великого» [83]. Маркиз А. де Кюстин в своем известном сочинении «Россия в 1839 году» повторил мысли Руссо об искусственном характере петровской цивилизации России. По его словам, «добро, сделанное его варварским гением, оказалось преходящим, тогда как зло – неисправимым» [цит. по: 50, с. 147]. Впрочем, большинство европейских биографов Петра стали отходить от крайних оценок. Так, самая популярная в XIX веке английская биография царя, вышедшая из-под пера Д. Бэрроу [84] и выдержавшая до начала XX века восемь изданий, была написана в благожелательном тоне и делала акцент на пребывании царя в Англии в 1698 году. Немецкие биографии, изданные Г.А. Галемом и В. Бергманом, были простой компиляцией труда Голикова.

В условиях, когда во второй половине XIX века русская историография сделала большой шаг вперед в изучении эпохи петровских реформ, среди зарубежных авторов могли рассчитывать на научное признание лишь те, кто пользовался оригинальными источниками и литературой на русском языке. Среди англоязычных автором таковым отказался Ю. Скайлер, автор двухтомной биографии Петра Великого [85], завоевавшей популярность не только в Америке, но и в Британии. Построенное на русских и шведских документах повествование рисует портрет выдающегося государственного деятеля, в упрек которому ставится лишь то, что он заложил традицию решения внешнеполитических задач в ущерб решению внутренних проблем государства. Европейскую известность получили живо написанные биографии русских царей французского автора польского происхождения К. Валишевского. Его книга [86] основана на русских и европейских источниках, в том числе архивных, но ради занимательности изложения Валишевский не всегда заботился о строгой критике источников и допускал неточности. Своеобразным феноменом было творчество не-

мецко-русского историка А.Г. Брикнера, обратившего главное внимание на европеизацию России и европейский вектор политики Петра I [87].

Революция 1917 года, несомненно, повлияла на развитие исторической мысли и на оценку царя-реформатора. Однако, как заметил Е.В. Анисимов, «Пётр, пожалуй, единственный деятель отечественной истории, который почти безболезненно перешел роковой для многих авторитетов и ценностей старого мира рубеж 1917 года» [88, с. 8–9]. Впрочем, советские авторы лишили царя титула «Великий», а Петербург – Петроград был переименован в Ленинград. В послереволюционной России не обошлось без разногласий и споров, проявилась поразительная разница в понимании реформатора: одни разглядели в Петре «первого большевика», другие с сожалением увидели в революции крушение того государственного и общественного порядка, который заложил Петр, третьи видели в нем лишь жестокого монарха, в принципе не заслуживающего доброго слова.

До конца 1920-х годов продолжали работать историки с дореволюционным исследовательским стажем, сохранившие уважительное отношение к Петру I и традиционные подходы. В своей небольшой книге «Петр Великий. Личность и деятельность» (Л., 1926) С.Ф. Платонов выступил против злобных беллетристических карикатур на Петра, созданных в рассказах А. Толстого и Б. Пильняка. Известный историк считал Петра I образцом самоотверженного служения государству, проникнутым верой в правду и просвещение, воплощением подлинной государственной силы.

В «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, которая стала в 1920-е годы официальным марксистским учебником, о личности Петра I, «прозванного льстивыми историками “великим”», сообщалось лишь то, что он «запер жену в монастырь», собственноручно пытал и велел казнить сына, жестоко усмирять мятежи и «умер от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену» [89, с. 87]. Жесткий антимонархический настрой последователей Покровского сохранялся до середины 1930-х годов, когда в историко-

графии наряду с догматическим марксизмом восторжествовали идеи государственности, патриотизма и культ героев.

С этого времени и до конца советской эпохи господствующим стал взгляд на петровские реформы как на прогрессивное историческое явление, издержки которого были обусловлены обстоятельствами времени. Для обоснования этого тезиса советскими историками были мобилизованы соответствующие «указания» классиков марксизма-ленинизма. Пётр I выступал как олицетворение ускоренной европеизации «варварской Руси», проводившейся, однако, «варварскими методами» [90, с. 301]. Признание Ф. Энгельсом Петра I «действительно великим человеком» [91, с. 20] открывало путь не только к «реабилитации» царя как «дальновидного» государственного деятеля, но и к его идеализации. Однако советские историки игнорировали указания Маркса и Энгельса на завоевательный характер внешней политики Петра I. А работа К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века» [92], основанная на русофобских памфлетах XVIII века, не переводилась на русский язык и цитировалась исключительно «потребительским» образом.

Провозглашенный марксистский подход ориентировал советских историков на изучение экономических и социальных проблем эпохи. При этом во главу угла ставились вопросы о классовом характере явлений. Первостепенное внимание отводилось изучению социальных движений, а также истории национальных окраин. Рассматривая вопросы промышленного развития России в первой четверти XVIII века, историки (П.Г. Любомиров, С.Г. Струмилин, Е.И. Заозерская, А.П. Глаголева, Ф.Я. Полянский, А.М. Панкратова, Н.И. Павленко и др.) на большом фактическом материале показали рост мануфактурного производства. Советскими историками был отвергнут тезис об искусственности мануфактурной промышленности. Вопрос о том, какой характер имела промышленность в петровское время – «феодальный» или «капиталистический», оставался спорным. Большинство исследователей признавали крепостническую основу петровских мануфактур и не видели перехода к капитализму в петровской индустриализации [см.: 93].

Характеризуя экономическую политику Петра I в целом, многие исследователи отмечали её сходство с европейской практикой мер-

кантилизма, но конъюнктурные соображения подчас побуждали историков писать о «самостоятельности» и «независимости» политики царя от европейских экономических идей и образцов [см.: 94]. Оригинальные наблюдения об эволюции и особенностях торгово-промышленной политики Петра I высказал Н.И. Павленко: царь прежде всего заботился о развитии промышленности, оградив её целым рядом протекционистских мер, создав из промышленников «особую прослойку феодального общества». Одновременно государственные меры в отношении купцов (в особенности рост налогов и введение государственной монополии на торговлю ходовыми товарами) привели к массовому разорению купечества [95; см. также: 96].

Социальная политика Петра также вызывала различную трактовку. Точка зрения Б.И. Сыромятникова о классовом дуализме монархии Петра I, о буржуазной и даже «антифеодальной» направленности его политики [97, с. 124, 152.] не нашла поддержки у советских историков. В ходе дискуссии об абсолютизме 1968–1972 годов [98] было признано, что положение К. Маркса о возникновении абсолютизма в результате равновесия между дворянством и буржуазией [99, с. 306] неприложимо к русскому самодержавию первой четверти XVIII века.

Историки-марксисты видели в самодержавии Петра I «диктатуру дворянства» и в то же время признавали, что усилившаяся самостоятельность государственной власти позволяла ей ущемлять эгоистические устремления «господствующего класса» [100].

В целом советские историки давали положительную оценку результатам преобразований государственного аппарата и армии (Л.А. Стешенко, К.А. Софроненко, С.М. Троицкий, Л.Г. Бескровный, М.Д. Рабинович и др.). Признавалась, но не подчеркивалась определенная роль европейских образцов в административных реформах.

Социальные движения петровского времени также были предметом пристального внимания советских историков-марксистов. Существовала тенденция к преданию «классового» характера всем проявлениям недовольства властью. К явлениям социального протеста эксплуатируемых масс исследователи относили стрелецкие бунты 1682 и 1689 годов [101], Астраханское восстание 1705–1706 годов [102], движения на окраинах государства. Крупное восстание на Дону 1707–1708 годов некоторые историки стали рассматривать как крестьянскую

войну [103]. Эти тенденции вызывала возражения со стороны Н.И. Павленко, считавшего, что социальные движения петровского времени в принципе не могли иметь антифеодального характера. Историк подчеркивал узкословную, политическую направленность мятежей эпохи реформ.

Изучение военной истории и внешней политики Петра I, начиная с 1940-х годов, относилось к приоритетным темам советской историографии (работы Б.С. Тельпуховского, Е.И. Порфирьева, П.П. Епифанова, В.П. Лыцова, И.И. Ростунова и др.) Советские историки этого времени (в отличие от Покровского) не сомневались в справедливом, отражающем национальные интересы характере внешней политики Петра I, война, по их мнению, была следствием осознанной исторической необходимости выхода к морю. Однако даже Е.В. Тарле не удалось доказать «отечественный», освободительный характер Северной войны. Работы военных историков нередко отличались схематизмом и прямолинейностью оценок, стремлением описать военные события «в нашу пользу». Среди исследований по истории внешней политики были серьезные труды, отличающиеся глубоким знанием европейского контекста внешней политики и иностранной литературы по теме (Е.В. Тарле, Л.А. Никифоров, С.А. Фейгина, В.Е. Возгрин).

К заслугам советской исторической науки следует отнести продолжение публикации важнейших источников петровской эпохи. В 1943 году в рамках АН СССР была создана группа по изучению эпохи Петра I, главной задачей которой было продолжение издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». Во время идеологических кампаний конца 1940-х годов члены группы, в особенности её руководитель А.И. Андреев и С.А. Фейгина, подвергались серьезным гонениям. Второй выпуск 7 тома «Писем и бумаг» увидел свет в 1946 году, а следующие тома выходили с большим временными перерывами. В результате к началу 1990-х годов издание было доведено до 13 тома, включающего документы до июня 1713 года. Капитальное издание Н.А. Воскресенского «Законодательные акты Петра I» (М.; Л., 1945, т. 1), призванное раскрыть с максимальной полнотой процесс петровского законодательства, оборвалось на первом томе из трех подготовленных исследователем [см.: 104]. Новые материалы по истории промышленности были опубликованы в отдельных выпусках

сборника «Крепостная мануфактура в России» (ч. 1, Л., 1930; ч. 5, Л., 1934). Было издано «Описание уральских и сибирских заводов» В. Геннина (М., 1937). С наибольшей полнотой были представлены в публикациях документы по истории социальных движений [105; 106; 107]. Советским историком Т.С. Майковой было подготовлено академическое издание «Истории Свейской войны», увидевшее свет лишь в 2004 году [108].

Не отрицая успехов советской историографии в изучении отдельных проблем истории петровского времени, следует признать, что рассмотрение этой эпохи через призму формационной теории и жесткий классовый анализ оказались малоэффективными для понимания сущности реформ и деятельности царя-реформатора. Догматический подход нередко приводил к тому, что теоретическая интерпретация преобладала над анализом источников. Стремление увидеть в истории России раннее развитие капитализма и рыночных отношений, подчеркивание остроты и размаха классовой борьбы, утверждения о передовом характере экономической и военной мысли петровского времени часто свидетельствовали о конъюнктурных устремлениях авторов.

К концу советской эпохи внимание историков все чаще стали привлекать проблемы истории культуры петровского времени, долгое время считавшиеся второстепенными. Историки стали приходить к пониманию, что именно в области культуры в широком смысле слова кроются наиболее существенные исторические сдвиги петровского времени. Смена «традиционной» культуры «новой» культурой, культурный переворот, культурный взрыв – эти понятия характеризуют важнейшие изменения, произошедшие в России в первой четверти XVIII века. Механизм культурных изменений исследовали Б.И. Краснобаев, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев. Новые черты в культуре были наиболее последовательно описаны Краснобаевым [109], относительный характер «новизны», глубокую противоречивость новой культуры и механизм культурного влияния был раскрыт Лотманом и Б.А. Успенским [110], а Лихачев, признавая, что при Петре произошла смена всей «знаковой системы» Древней Руси, настаивал на том, что эпоха реформ не была перерывом в развитии русской культуры [19, с. 708–712]. Более глубокому пониманию культурных процессов петровского времени способствовали работы С.П. Луппова [111; 112],

Л.Н. Семеновой [113], А.М. Панченко [114], труды историков искусства (М.А. Алексеева, Б.Ф. Борзин, И.Э. Грабарь, О.С. Евангулова, Т.В. Ильина, Н.В. Калязина, В.В. Кириллов, Г.Н. Комелова, Н.М. Молева, Е.С. Щукина и др.)

Изучение биографии Петра I не относилось к числу приоритетных направлений советской историографии. Вместе с тем Пётр был единственным российским императором «удостоившимся» быть представленным в популярной серии «Жизнь замечательных людей»: в 1948 году вышла популярная книга В.В. Мавродина, а в 1975 – книга Н.И. Павленко, выдержавшая до наших дней 8 изданий. В конце советской эпохи был издан популярный биографический очерк В.И. Буганова «Пётр Великий и его время» (М., 1989). Автор высоко оценивал государственную деятельность Петра, направленную на решение общенациональных задач, но неизменно подчеркивал классовую ограниченность деяний «феодального» монарха. Апологетический характер носила книга Н.Н. Молчанова «Дипломатия Петра I» (М., 1984), по сути, являвшаяся биографией царя.

Ведущим «петроведом» советского времени по праву называют Николая Ивановича Павленко (1916–2016). Начав с изучения промышленности и промышленной политики, он выработал оригинальную концепцию социально-экономического и политического развития России в XVIII веке, а затем написал одну из лучших биографий Петра I и создал запоминающиеся исторические портреты его сподвижников [115; 116; 117]. Историк, продолжая традицию С.М. Соловьева, развил образ великого государственного деятеля, патриота, служившего «общему благу». Царь действовал как жестокий крепостник, но его жестокость была направлена против реальных врагов, а альтернатива крепостной экономике в России начала XVIII века отсутствовала, – полагал Павленко.

За весь советский период вышло два сборника статей, посвященных петровской эпохе. Содержательный, выдержанный в строгих академических традициях сборник «Пётр Великий» (М., 1947) был подвергнут жесткой критике за «преклонение перед Западом» и «буржуазный объективизм» [см.: 118] и не получил планируемого продолжения.

Второй не менее содержательный сборник, появившийся в 1973 году [119], был негласно приурочен к 300-летию юбилею Петра I⁷.

После 1917 года пути отечественной и мировой исторической науки в изучении петровской эпохи заметно разошлись. Зарубежные историки продолжали традиции русской историографии предшествующего времени, но были, как правило, оторваны от возможности использовать новые источники.

В составе русской послереволюционной эмиграции оказалось немало выдающихся историков. В том числе такие признанные знатоки эпохи реформ, как Е.Ф. Шмурло, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер. Они испытали «травму эмиграции», побуждавшую сохранять историческую память о безвозвратно потерянной России. Во многих центрах русской эмиграции в 1925 году отмечалось 200-летие со дня смерти Петра I. С памятными докладами и статьями выступили профессора Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, Е.В. Спекторский, Е.Ю. Перфецкий и др. В программной статье П.Н. Милюкова отразилась эволюция его взглядов на Петра I: от критики и развенчания царя он перешел к признанию его реформ как необходимых и органических, предопределивших европейский путь развития России [121]. Впрочем, единомыслия в оценке петровских реформ среди эмигрантских историков не было: одни видели в нем сильного государственника, другие – революционера. В культурном расколе русского общества, произошедшем в результате реформ, многие видели истоки русской революции XX века. В условиях трудного научного быта и ограниченных издательских возможностей лишь немногие историки (Е.Ф. Шмурло и более молодые – А.В. Флоровский, С.Г. Пушкарев) смогли продолжить фундаментальные научные исследования [см.: 122, с. 295–305].

После второй мировой войны лидирующее место на Западе в изучении истории России заняла американская русистика. Её успехам способствовало как появление в американских университетских центрах русских историков-эмигрантов (М.М. Карпович, Г.В. Вернадский),

⁷ Библиографию советской литературы 1970–1980-х гг., посвященной петровской эпохе см.: [120].

так и особые условия «холодной войны» [см.: 123], когда американское правительство не жалело денег на изучение истории страны-противника. Серьезные исследования по истории петровского времени велись в университетах Беркли (Н.В. Рязановский), Гарварда (М.М. Карпович), а также в Колумбийском (М. Раев, М. Чернявский) и Йельском университетах (П. Бушкович). Крупным знатоком русского XVIII века и петровской эпохи был М. Раев, который рассматривал историю реформ в европейском контексте и полагал, что Петром I были реализованы управленческие идеи и практика германских монархий XVII века. Несоответствие введенных политических форм структуре российского общества породило, по мнению исследователя, стремление перестроить общественные отношения в соответствии с требованиями регулярного полицейского государства [124]. Перу выпускника Йельского университета Р.К. Масси принадлежит одна из наиболее полных биографий Петра I [125; 126]. Этот талантливо написанный на основании широкого круга источников роман-исследование неоднократно издавался в переводе на русский язык.

Среди обобщающих исследований петровской эпохи на английском языке выделяется книга профессора Лондонской школы экономики М.С. Андерсона [127]. Русский царь оценивается историком как непревзойденный по своей физической и умственной энергии государственный деятель, осознающий себя первым слугой государства. А петровские реформы видятся ему как процесс принудительного ускоренного развития, но не революции [см. также: 128; 129]. Пётр, по мнению автора, действовал методом проб и ошибок и лишь в конце жизни приблизился к хорошо спланированным реформам.

Французские авторы создали несколько популярных биографий Петра I (К. Грюнвальд, Р. Порталь, А. Валлоттон, А. Труайя), но с научной точки зрения большой интерес представляют специальные работы, например, посвященные отражению образа императора в европейской общественной мысли [39; 130].

Пожалуй, наиболее полным и сбалансированным трудом, написанным иностранным автором в XX веке о Петре I и его времени, является двухтомник немецкого исследователя Р. Виттрама [131], к сожалению, так и не переведенный на русский язык. Особенно солидно

на основании архивных материалов представлен автором европейский контекст политики царя.

Современный этап отечественной историографии (с конца 1980-х годов до наших дней) характеризуется отказом от монополии марксизма, стремлением к интеграции с мировой исторической наукой, поисками новых подходов и в то же время возвращением к традиционным оценкам классиков русской историографии. Петровская эпоха стала рассматриваться как важнейший этап перехода от Средневековья к Новому времени. К изучению феномена петровских реформ применяются теория модернизации, идеи европеизации и догоняющего развития, историко-антропологический подход. Впрочем, многие историки идут по пути традиционного источниковедения и фактологии, не претендуя на обобщения. Произошло значительное расширение проблемного поля исследований петровской эпохи. Периферийные (во всех смыслах) проблемы вызывают повышенный интерес исследователей. Иностранные коллеги перестали считаться идейными противниками, их труды переводятся на русский язык и становятся доступными массовому читателю.

После единогласно-положительной оценки реформ как прогрессивного исторического явления уже во второй половине 1980-х годов стали раздаваться голоса критиков Петра I, главным образом из среды публицистов, что даже побудило Н.И. Павленко выступить «в защиту Петра Великого» [132]. Впрочем, не заставила себя ждать и критика со стороны профессиональных историков. Ревизию научных основ советского петроведения предпринял Е.В. Анисимов, уже зарекомендовавший себя к тому времени как знаток социально-экономических и политических вопросов петровского и последующего времени [133]. Его научно-популярная книга «Время петровских реформ» (Л., 1989) вышла в самый разгар идеологических споров накануне распада Советского Союза. Автор откликнулся на эти споры, когда после констатации удивительной жизненности полезных петровских нововведений указал на то, что еще более живучими оказались и отрицательные стороны реформ. Пётр, по его мнению, заложил основы тоталитарного государства, незаконной бюрократической машины,

всеобщей милитаризации жизни, имперской внешней политики. Найденная историком формула «прогресс через насилие» побуждала вновь задуматься о цене и нравственном содержании реформ, а звучащее как оксюморон словосочетание «консервативная модернизация» и вовсе ставила под сомнение их результаты. Отмечается в книге и «существенное приостановление тенденций капиталистического развития страны». В монографии «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века» (1997), написанной в академической манере, автор сосредоточился на анализе идеологии и практики административных реформ. Историк стремится проникнуть в сознание реформатора. Отмечая «рваный ритм» реформ, Анисимов не отрицает их осмысленности и целенаправленности. По мнению историка, на первом этапе реформ система управления реорганизовалась в рамках приказной практики, а в послепоплавский период был взят курс на форсированную бюрократизацию в европейском духе. Автор не только анализирует указы, но и пытается показать, как трудно они воплощались в жизнь. Он констатирует, что петровская система управления вопреки воле реформатора не стала воплощением идеи «общего блага» и не привела к торжеству законности.

Новый взгляд на «первостроителей» Российской империи обосновал Д.О. Серов [134; 135; 136] Он не сомневается в пользе рационально-организованной, разветвленной бюрократической системы, сменившей при Петре I архаичную систему управления Московского государства. Однако, обратившись к внутренней, персональной истории российской власти, автор обращает серьезное внимание на конфликты внутри правительственной среды и преступления, в которые оказались вовлечены многие «птенцы гнезда Петрова», характеризует криминальные нравы, царившие в окружении Петра I. По словам американского историка Э. Зицера, выступления Анисимова и Серова представляли «серьезный вызов агиографическому восприятию Петра Великого», характерному для советского периода [23, p. 378].

К нетипичному для советской историографии выводу о том, что действия Петра I «в максимально возможной степени затормозили прогрессивное развитие России и создали условия для его торможения еще в течение полутора столетий», пришел Я.Е. Водарский [137, с. 77]. Главные упреки историка состоят в том, что царь создал крепо-

стническую промышленность, разорил города, усилил крепостное право и таким образом препятствовал развитию капитализма. Однако автор не привел никаких доказательств того, что допетровская Россия «прогрессивно развивалась» в сторону капитализма. Кроме того, Водарский сделал столь существенные оговорки, признав успешными «развитие армии, флота, промышленности и культуры», отметив, что «Пётр обеспечил независимость России и сделал её одной из сильнейших стран Европы», что его окончательный вывод не кажется убедительным.

Общая оценка деятельности Петра I содержится в книге А.Б. Каменского о российских реформах XVIII века [138]. Автор отказывается от таких традиционных понятий, как «феодализм», «абсолютизм», «классы» применительно к петровскому времени, рассматривая его в русле теории модернизации и европеизации. Причины реформ историк видит в системном кризисе и внешних вызовах, которые испытывала Россия в конце XVII века. Характеристика и периодизация реформ у Каменского близка к точке зрения Анисимова: он также подчеркивает внутреннюю противоречивость деятельности реформатора, который сумел преодолеть кризис, но распространил крепостничество на все сословия. В духе популярной идеи альтернативности Каменский утверждает, что в первые пятнадцать лет XVIII века в России существовала возможность отмены крепостного права.

Крупнейшее англоязычное исследование, посвященное петровской эпохе в целом, принадлежит перу британского профессора Линдси Хьюз (1949–2007). В её обобщающей монографии «Россия в эпоху Петра Великого» [139] систематически рассмотрены все основные проблемы истории петровского времени: отношения с внешним миром, «военная машина», органы управления, экономика, общественные отношения, двор, культура и религия, личность реформатора и др. Сокращенная версия книги [140] имеет более выраженный биографический характер, при этом Пётр-политик и Пётр-человек интересуют автора в равной степени, а кроме того уделяется большое внимание восприятию Петра современниками и потомством: совмещаясь, эти образы дают «объемную» картину эпохи реформ и яркий портрет реформатора. Биографическая версия переведена на русский язык

и передает особенности авторской концепции [141]⁸. В основе работ Хьюз лежит оригинальный анализ опубликованных и архивных источников в целом известных отечественным историкам, работы которых английская исследовательница также не игнорирует. Проблема «Россия и Запад» занимает оправданно заметное место в повествовании историка, однако она отнюдь не увлекается пересказом европейских событий, как это нередко случалось с зарубежными авторами. Рядом с последовательным изложением главных сюжетов в жизни страны и Петра в книге столь же последовательно представлена «игровая» сторона биографии царя, который всегда «смешивал в одну кучу дела, игры и розыгрыши». Автор много внимания уделяет символическому значению шутовских действий Всешутейшего собора. В них она видит не только отрицание прежних традиций, обычаев и одежды, но и стремление к усилению собственной власти и желание дать полную волю своему «дикому энтузиазму». Говоря о нововведениях Петра, автор неоднократно ставит вопрос, выполнялись ли его указы, изменяли ли они жизнь основной массы российского населения.

Весьма смелая попытка внести новое слово в необозримую историографию петровской эпохи была предпринята профессором Йельского университета Полом Бушковичем притом, что его книга не является ни новой биографией царя, ни систематическим рассмотрением основных проблем истории петровского времени [142; 143]. Цель автора – «заново написать политическую историю царствования Петра» на основе источников, которые были обойдены вниманием его предшественников. Замечая, что большинство западных и российских историков в изучении политической истории придерживаются традиции государственной школы, в центре внимания которой всегда находился государь и государственные учреждения, Бушкович заявляет о своей принадлежности к «американской школе», ко-

⁸ К сожалению, перевод не подвергался научному редактированию, в связи с чем многие имена и названия в книге искажены до неузнаваемости, не совпадают с общепринятыми в отечественной историографии, а подчас неточности перевода приводят к ошибкам: Софья называется двоюродной сестрой Петра, местоблюститель патриаршего престола превратился в «действующего патриарха», вместо разбитого атаманом Максимовым Булавина в Запорожье бежит сам Максимов, императрица Анна Ивановна превратилась в «дочь» Петра I, канцеляристы в «канцлеров» и т.д.

торая сосредоточилась на изучении политической роли элиты с её семейной и клановой структурой. Как показывает историк, с 1671 года началась непрерывная борьба за власть боярских группировок и фаворитов. Кульминацией этой борьбы стало, по мнению Бушковича, дело царевича Алексея, трагический исход которого заставил Петра I приняться за реформирование правительственного аппарата. В ходе клановой борьбы за власть выяснилась глубокая коррумпированность окружения царя, которую Пётр так и не сумел победить. Конкретные выводы и наблюдения Бушковича, касающиеся методов управления, несомненно, обогатили историографию вопроса. Однако и зарубежные и отечественные рецензенты выразили сомнение, что заявленные автором новая методология, новые источники и новая проблематика привели к кардинальному пересмотру политической истории петровского времени [23, р. 387; 143, с. 524]. Основанные на слухах и сплетнях донесения иностранных дипломатов, которые лежат в основе исследования, очень далеки от того, чтобы давать правдивую картину политической жизни русского двора. При этом автор, как правило, не ставит вопроса об их достоверности. Остается открытым вопрос о том, какое воздействие описанная политическая борьба оказывала на принятие важнейших политических решений. В условиях необычайно возросшей царской власти, не нивелировалось ли реальное значение описанной историком подковерной возни, имевшей подчас трагическую развязку? Заметим, что вывод о широкой оппозиции просвещенной аристократии петровской политике, проявившейся в деле царевича Алексея, был ранее обоснован Я.А. Гординым, а еще раньше к этой мысли подходили Ключевский и Милюков.

Уже известная своими работами по истории России XVIII века профессор Сорбонны Ф.-Д. Лиштенан недавно предложила свою версию научной биографии Петра I, в которой жизнь царя исследуется в широком историческом контексте [144]. Работа охватывает все основные проблемы истории петровского времени и основывается на солидном массиве опубликованных и архивных источников. Давно отмеченное тяготение западных историков к созданию «ярких контрастных картин с резкой светотенью» в полной мере проявилось в труде французской исследовательницы. По её мнению, лучшим символом правления Петра I может служить триумфальное шествие с участи-

ем царя и членов Всешутейшего собора, в котором проявлялись варварская грубость, европейская театральность и провокационное богохульство. Все «болевые точки» эпохи реформ четко очерчены в книге: разрушение национальных традиций, «обуздание» церкви, «беспорядок» во внутренних делах и народное недовольство, раскол нации, «полумеры» в экономике, внешняя политика с позиции силы, конфликт с сыном. Слабым местом России начала XVIII века Лиштенан считает крайнее напряжение общества, спровоцированное торопливостью и отсутствием четких планов и чувства меры у реформатора.

В последние десятилетия исследователями предприняты попытки поставить и по-новому решить многие проблемы истории петровского времени. Хотя тезис об исторической обусловленности преобразований на рубеже XVII–XVIII веков не ставится под сомнение, вопрос об их связи с предшествующим периодом исследователи решают по-разному. Крайнюю точку зрения пытался обосновать А.П. Богданов, полагающий, что «подлинным временем реформ» было правление царя Федора Алексеевича и регентство царевны Софьи, когда Россия якобы достигла экономического и культурного расцвета и военной мощи без деспотизма и жестокости, ставших методами петровского реформаторства [см.: 145]. Однако скрупулезное исследование П.В. Седова «меланхолической преобразовательской деятельности» царя Федора [146], как и работы Л. Хьюз [147; 148] и А.С. Лаврова [149] о царевне Софье со всей очевидностью показали, что эти правители лишь поставили вопрос о необходимости преобразований, за которые с огромной энергией принялся Пётр I.

Исторические юбилеи вновь привлекли внимание историков к основанию и ранней истории Санкт-Петербурга (О.Г. Агеева [150], Е.А. Андреева [151; 152], Е.В. Анисимов [153], Т.А. Базарова [154; 155], Ю.Н. Беспятых [156; 157], П.А. Кротов [158], А.Л. Пунин [159] и др.), к Полтавской битве (В.А. Артамонов [160; 161], П.А. Кротов [162], В.А. Молтусов [163] и др.) и Гангутскому морскому сражению [164] Изданы материалы юбилейных выставок и конференций: «Пётр I и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства» (СПб., 1996); «Основателю Петербурга. Каталог выставки» (СПб., 2003); «Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей» (М., 2009) и др.

С 2009 года в Санкт-Петербурге проводятся Петровские конгрессы, приуроченные ко дню рождения Петра I и объединяющие силы историков, музейных и архивных работников из России, а также из ближнего и дальнего зарубежья. В сборниках материалов конгрессов представлены статьи о «петровских» городах и маршрутах, о музейных и архивных коллекциях, о порожденных петровской эпохой культурных связях России с Голландией, Великобританией, Францией, странами Востока: «Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–11 июня 2010 года» (СПб., 2011); «Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года» (СПб., 2012); «Столицы и провинция. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 8–9 июня 2012 года» (СПб., 2013); «Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года» (СПб., 2014); «Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года» (СПб., 2015); «Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 года» (СПб., 2016); «“PETRO primo CATHARINA secunda”: Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года» (СПб., 2017); «Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж – Реймс, 20–22 апреля 2017 года» (СПб., 2018); «Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года» (СПб., 2018); «Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года» (СПб., 2019). В 2010 году был учрежден Институт Петра Великого – научно просветительское учреждение, целью которого является изучение и пропаганда культурно-исторического наследия петровской эпохи.

Историография проблем военно-дипломатической истории пополнилась работами, в которых анализируются не только триумфальные события, но и неудачные и спорные внешнеполитические акции царя [165; 166; 167; 168]. Книги И.Д. и Д.Ю. Гузевичей претендуют на исчерпывающее изучение Великого посольства Петра I как уникальной дипломатической и культурной акции молодого царя [169; 170], что впрочем, не исключает обращения других авторов к этой теме (А.Г. Гуськов [171], Г.В. Кретинин [172], Э. Кросс [50, с. 13–59]). Своим образным откровением прозвучала книга шведского историка П. Энглунда, представившего поход на Россию Кара XII глазами шведского солдата. Лишь косвенное отношение к зарождавшейся под Полтавой Российской империи имеет парадоксальный вывод автора: «одна из дорог, приведших к сегодняшнему богатству и преуспеванию Швеции, брала начало именно там, на равнине под Полтавой» [173, с. 9]. История русских пленных периода Северной войны изучена С.А. Козловым [174].

Реформы государственного аппарата, их идейная подоплека, влияние на них европейских образцов остаются в центре внимания исследователей. Кроме упомянутых выше работ Е.В. Анисимова, этой теме посвящены монографические исследования шведского историка К. Петерсона, А.Н. Медушевского, Л.Ф. Писарьковой и др. Петерсон [175] обосновывает значительное влияние шведских образцов на становление коллежской системы управления, вызванного, по его мнению, насущными финансовыми нуждами армии. Медушевский [176; 177], напротив, указывает на то, что преобразования государственного управления давно назрели, но старый приказной аппарат оказывал противодействие реформам. Впрочем, и Медушевский не отрицает влияние иностранных образцов на реформы, аналоги которым он находит во многих странах Европы и Азии. Писарькова, высоко оценивая органическое развитие централизованного государственного управления в XVII веке, приходит к выводу, что проведенная по шведским образцам петровская административная реформа не отвечала ни уровню развития общества, ни экономическим возможностям страны, ни традициям российской государственности [178, с. 534]. Д.А. Редин предпринял успешную попытку систематического изложения административной истории уральского региона в эпоху реформ [179].

Важно, что речь идет не просто о содержании реформ, но об их реализации и особенностях на конкретной территории. Роль «комиссий» – временных органов для решения отдельных политических проблем – в администрации петровского времени раскрыта М.В. Бабич [180]. На существенную роль гвардии не только в модернизации военных сил, но и в управлении страной указывает исследование Е.М. Болтуновой [181]. Организация царско-императорского двора на европейский манер и функции придворных ведомств стали предметом обстоятельного исследования О.Г. Агеевой [182]. Ею же рассмотрен процесс становления в начале XVIII века нового дипломатического церемониала [183]. Историю политического сыска вслед за вышедшим в советское время исследованием Н.Б. Голиковой [184] освещает книга Анисимова [185].

В меньшей степени современные исследователи касаются вопросов экономики и социальной истории петровского времени. Авторы обобщающих работ (Л.В. Милов [186], Б.Н. Миронов [187]) близки к некоторым выводам, сформулированным еще дореволюционной историографией: об искусственном характере русской мануфактурной промышленности, о всеобщем закреплении сословий. Купечеству, торговле и финансам посвящены работы Н.В. Козловой [188], Н.Н. Репина [189], В.Н. Захарова [190], А.И. Юхта [191].

Исследования В.М. Живова [192] о церковно-политических взглядах митрополита Стефана Яворского и о чине поставления архиереев в петровское время позволяют уяснить вопрос об оппозиции духовенства церковной политике царя. Социально-политические и исторические воззрения представителей просвещенного духовенства анализируются в работе Н.Н. Бородкиной [193]. Биография известного борца со старообрядчеством нижегородского архиепископа Питирима написана А.В. Морохиным [194].

Активно идет изучение биографики петровского времени. Прежде всего, речь идет о различных аспектах жизнеописания самого царя. На материале отечественных и зарубежных архивов монографически изучено второе большое европейское путешествие царя 1716–1717 годов: его пребывание в Дании [195], Голландии [196], Бельгии [197], Франции [198]. 300-летие визита Петра I в Париж было отмечено

двумя научными конференциями [см.: 199] и выставками в Париже и в Версале [см.: 200].

Российские маршруты неутомимого царя и связанные с ними петровские памятники также стали предметом специальных работ [201]. Важнейшие события петровского времени происходили на окраинах Российского государства, которые, по словам Ключевского «загорались... от пылкой деятельности царя». Поэтому вполне оправдано стремление современных исследователей показать, как присутствие и реформаторская деятельность царя отразилась на жизни русской провинции от Архангельска до Азова, Астрахани, Тулы и Воронежа [202; 203; 204; 205; 206; 207; 208].

Вторым лицом петровской эпохи выступает А.Д. Меншиков, вокруг личности которого современными исследователями ведутся споры, касающиеся происхождения, образования, государственных заслуг и преступлений светлейшего князя [209; 210]. На пути создания научной биографии первого губернатора Петербурга достигнуты несомненные успехи, однако во многих работах дает себя знать тенденция к идеализации этого выдающегося государственного деятеля (см., например, альманах «Меншиковские чтения» (СПб., 2003–2017. Вып. 1–18)).

Благодаря усилиям исследователей историческое пространство петровской эпохи становится все более «населенным»: обрели новые биографии люди из семейного окружения царя [211; 212; 213], его ближайшие сподвижники [214; 215; 216; 217; 218; 219; 220], представители центральной и местной администрации, офицеры, инженеры, художники, иностранцы на русской службе [135; 221; 222]. В этом плане значительной представляется роль ежегодной конференции «Петровское время в лицах», проходящей в Государственном Эрмитаже (Дворец Меншикова) [см.: 223, с. 407–430].

Культура в самом широком понимании остается одним из приоритетных направлений исследования петровской эпохи. Рецензенты подчеркивают значение работы В.М. Живова [224] для понимания сущности культурных процессов того времени, отмечая, что авторское видение этих процессов выходит за рамки традиционных понятий вестернизации и секуляризации [23, р. 388]. Живов прослеживает эволюцию русского литературного языка в культурном контек-

сте эпохи и приходит к выводу о целенаправленной лингвистической реформе, начавшейся с преобразования азбуки и создания нового гражданского алфавита. По мнению автора, европеизация русской культуры оказывается не столько перенесением, сколько переосмыслением европейских моделей, причем в процессе этого переосмысления меняют свое содержание основные категории и структуры европейской мысли» [224, с. 65]. Заимствование и адаптация европейских морально-политических идей стали предметом работы К.Д. Бугрова и М.А. Киселева [225].

Изменения в «знаковой системе» русской культуры, смена её «языка» и символов на уровне быта проанализированы с точки зрения семиотики Ю.М. Лотманом [226]. Философско-антропологический подход к изучению культуры последовательно реализован в книге Л.А. Черной [227], показавшей, как новое понимание сущности человека определило переход от культуры Средневековья к культуре Нового времени, от культуры «души» к культуре «разума».

Исследование С.И. Николаева [228] внесло значительные коррективы в понимание петровской эпохи как «литературного вакуума». Автор установил, что смена культурной ориентации, перемены в авторском самосознании, формирование нового механизма литературных отношений в конечном счете привели к появлению в России литературы Нового времени. Заметным вкладом в изучение книжной культуры и русско-европейских культурных связей стала публикация каталога западноевропейских книг библиотеки Петра I [229; 230; 231].

Широкую огласку получила книга Э. Зицера «Царство Преображения» [232], посвященная описанию и осмыслению деятельности «Всешетейшего и всепьянейшего собора» Петра I. Сам автор рассматривает свой труд как опыт альтернативной истории жизни петровского двора. До некоторой степени продолжая традицию, заложенную Л. Хьюз, Зицер считает деятельность «собора» важной стороной реформ Петра и исследует её с характерным для постмодернизма интересом к аномальным и нетипичным историческим явлениям. Вопреки устоявшемуся мнению игровая практика царя Петра характеризуется автором не в плане его политики секуляризации, а как утверждение новой веры, основанной на царской харизме, в частности, на сакрализации его сексуальной мощи. Выводы автора основываются

на смелых предположениях, на подчинении довольно скудного материала источников авторской идее. Привлекая даже архивные источники, автор упустил из вида одно из наиболее колоритных описаний деяний «Всешутейшего собора» в так называемых «Записках Вильбуа».

Праздничная культура времени реформ представлена в работах Д.Д. Зелова [233] и Е.А. Тюхменевой [234]. Значительный вклад в изучение конкретных проблем истории культуры внесли работы искусствоведов С.А. Андросова [235; 236], С.Б. Горбатенко [237], К.В. Малиновского [238; 239; 240], О.А. Медведковой [241] и др.

Петровская тема сегодня демонстрирует свою неисчерпаемость и актуальность. В чем причины этой вечной актуальности? В том, что многие явления повседневной жизни берут начало в петровских преобразованиях (М.П. Погодин)? В том, что «добро» Петра I «слишком еще осязательно и наглядно; от его «зла» все еще минутами трудно дышится» (Е.Ф. Шмурло)? В необычайной многогранности его деятельности, являющейся привлекательной для многих: для либералов и западников, для технократов и интеллектуалов, для сторонников имперских ценностей (Е.В. Анисимов)? А, может быть, в незавершенности процесса модернизации, инициированного Петром I? Вопрос остается открытым.

Едва ли не все сюжеты истории петровского времени остаются актуальными и дискуссионными: причины и предпосылки реформ (не все историки разделяют идею структурного кризиса XVII века), готовность русского общества к преобразованиям, социальная опора самодержавия Петра I и статус российского дворянства, результативность административных реформ (особенно на местном уровне), последствия петровской индустриализации страны, происходившей на крепостнической основе, и значение культурного переворота, увеличившего разрыв между низкой и высокой культурами. Внешнеполитические успехи царя, выведшего Россию в первый ряд европейских держав, не ставятся под сомнение, но путь империи, на который направил страну Пётр, вызывает различные оценки.

Если «большие мифы» петровской темы современные историки успешно преодолевают, то нерешенной еще остается задача критики

«малых мифов», берущих начало в «устной истории» XVIII века, которую запечатлели Крекшин, Штелин, Голиков, Нартов. В этой области требуется кропотливая источниковедческая работа.

Сохраняет свое значение задача комплексного издания источников петровской эпохи, хотя некоторые успехи на этом пути имеются. К сожалению, не завершена работа по изданию «Писем и бумаг Петра Великого». Еще в XVIII веке историки пытались создать хронику жизни неутомимого монарха. Хроника, начатая на научной основе М.М. Богословским, не нашла пока своего продолжателя.

Открытым остается и вопрос о том, найдется ли в новом поколении историков свой «Пётр Великий», который соберет «рассыпанную храмину» многогранной петровской темы в осмысленный в единстве и непротиворечивый научный труд?

Список использованных источников и литературы

1. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. 4.
2. *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в русской литературе. СПб., 1889.
3. *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.
4. *Устрялов Н.Г.* Историки Петра Великого // История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. XXX–LI.
5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Причины различных взглядов на Петра I в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 6. С. 149–156.
6. *Минцлов Р.* Пётр Великий в иностранной литературе (на франц. яз.). СПб., 1872.
7. *Миллер О.Ф.* Об отношениях русской литературы к Петру Великому // Русская старина, 1873. № 3. С. 406–411.
8. *Кизеветтер А.А.* Реформа русского общества в сознании русского общества // Русское богатство. 1896. № 10. С. 20–46.
9. *Платонов С.Ф.* Взгляды науки и русского общества на Петра Великого // Лекции по русской истории. М., 1993. С. 446–456.
10. *Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. С. 5–82.
11. *Кафенгауз Б.Б.* Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Пётр Великий. Сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 334–389.

12. *Фейгина С.А.* Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // Пётр Великий. Сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 390–423.
13. *Павлова-Сильванская М.П.* Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I (1947–1970) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 362–382.
14. *Мавродин В.В.* Рождение новой России. Л., 1988. С. 195–207.
15. *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований / пер. с дат. и послесловие В.Е. Возгрин; вступит. ст. и общая ред. В.И. Буганова; прим. А.Н. Медушевского. М., 1985.
16. *Riasanovsky N.V.* The image of Peter the Great in Russian history and thought. New York, 1985.
17. *Уредссон С.* Пётр Великий в историографии и литературной традиции // Царь Пётр и король Карл. Два правителя и их народы / пер. с швед. В.Е. Возгрин. М., 1999. С. 244–275.
18. *Поляков Л.В., Кара-Мурза А.А.* Реформатор. Русские о Петре I: опыт аналитической антологии. Иваново, 1994.
19. Пётр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / предисл. Д.К. Бурлаки, Л.В. Полякова, А.А. Кара-Мурзы, послесл. А.А. Кара-Мурзы, коммент. С.Н. Казакова, К.Е. Нетужилова. СПб., 2003.
20. *Соловьев Е.А.* Пётр Первый: Метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX века). М., 2009.
21. *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.
22. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.
23. *Zitser E.A.* Post Soviet Peter: New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 6 no. 2 (Spring). 2005. P. 375–392.
24. *Погосян Е.А.* Пётр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
25. *Мезин С.А.* «История Петра Великого» Феофана Прокоповича // Русская литература. 2000. № 2. С. 158–166.
26. *Свердлов М.Б.* Пётр Великий и историческая наука // Труды государственного Эрмитажа. Т. 43: Петровское время в лицах – 2008: к 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 213–225.
27. *Феофан Прокопович.* Сочинения. М., 1961.
28. *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина. СПб., 1726.
29. *Шафиров П. П.* Разсуждение какие законные причины... СПб., 1717.
30. Полное собрание законов российской империи Собрание I. СПб., 1830. Т. 6.
31. *Неплюев И.И.* Записки (1693–1773). СПб., 1893.

32. *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1868. Т. 1.
33. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М., 1980.
34. *Радищев А.Н.* Избранные произведения. М., 1952.
35. *Чистов К.В.* Русские народные социально-политические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
36. *Успенский Б.А.* *Historia sub specie semioticae* // Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
37. *Rasmussen K.M.* Catherine II and the Image of Peter I // *Slavic Review*. Vol. 37, № 1. P. 51–69.
38. *Мезин С.А.* Екатерина II о Петре I // «PETRO primo CATHARINA secunda»: Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. СПб., 2017. С. 81–92.
39. *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 11–76.
40. *Wilberger C.H.* Peter the Great: an eighteenth-century hero of our times? // *Studies on Voltaire and the eighteenth century*. 1972. Vol. XCVI. P. 9–127.
41. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
42. *Fontenelle.* Oeuvres complètes. Genève, 1968. Т. 1.
43. *Voltaire.* Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz // *Voltaire. Oeuvres complètes*. Oxford, 1996. Т. 4.
44. *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par Michel Mervaud avec la collaboration d'Andrew Brown, Ulla Koelving et Christiane Mervaud // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Vol. 46. Oxford, 1999.
45. *Мезин С.А.* Дидро и цивилизация России. М., 2018.
46. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
47. *Robel G.* Deutsche Biographien Peters des Grossen aus dem 18. Jahrhundert // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Die Zeit der Aufklärung. (West-östliche Spiegelungen)*. Hrsg. von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 2. München, 1987. S. 153–172.
48. *Мезин С.А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. СПб., 2014. С. 442–457.
49. *Мезин С.А.* Пьер-Шарль Левек о Петре I // *Историографический сборник*. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 20–39.
50. *Кросс Э.* Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII–XX вв. СПб., 2013.
51. *Мезин С.А.* Первый биограф Петра Великого Пётр Никифорович Крекшин // Труды государственного Эрмитажа. Т. 43: Петровское время в лицах – 2008: к 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 169–176.

52. *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991.
53. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / подготовка текста рукописи и приложений, вступительная статья П.А. Кротова. СПб., 2001.
54. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 2.
55. *Мезин С.А.* Пётр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. 2011. № 1. С. 115–120.
56. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
57. *Пушкин А.С.* История Петра / сост., коммент. и предисл. В.С. Листова. М., 2000.
58. *Удалов С.В.* Пётр I в государственной идеологии Николаевской России // Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею. Саратов, 2011. С. 186–196.
59. *Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // Статьи и письма. М., 1987.
60. Пётр Великий в Русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ / сост. вступ. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб., 2009.
61. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. М., 1954. Т. 5.
62. *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 7.
63. *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. М., 2003.
64. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1864. Т. 1–4, 6.
65. *Бушкович П.* Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г. Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 80–120.
66. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
67. *Межов В.И.* Юбилей Петра Великого. Библиографический указатель литературы Петровского юбилея 1872 года с приобщением книг и статей о Петре I вообще, явившихся в свет с 1865 по 1876 год включительно. СПб., 1881.
68. *Семевский М.И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII века. Кн. 2: Слово и дело! 1700–1725. СПб., 1885; Кн. 3: Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. СПб., 1884.
69. *Леонтьева О.Б.* «Страшен царь Пётр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10, № 1. 2008. С. 36–47.
70. *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989.
71. *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 9: Материалы разных лет. М., 1990.
72. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.

73. *Воскресенский Н.А.* Пётр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017.
74. *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом. По переписям того времени. СПб., 1911. Т. 1.
75. *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.
76. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. В 4 т. М., 1966. Т. 1.
77. *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727. М., 1902.
78. *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы для биографии. М., 1940–1948. Т. 1–5.
79. *Черная Л.А.* Введение // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.
80. *Мезин С.А.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–27.
81. [Lesur Ch.] Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. Paris, 1812.
82. *Gaillardet F.* Mémoires du chevalier d'Éon, publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille, et d'après les matériaux authentiques déposés aux Archives des affaires étrangères. Paris, 1836. Т. 1–2.
83. *Ségur Ph.P.* Histoire de Russie et de Pierre le Grand. Paris, 1829.
84. [Barrow J.] Memoir of the Life of Peter the Great. London, 1832.
85. *Schuyler E.* Peter the Great, Emperor of Russia. New York, 1884.
86. *Waliszewski K.* Pierre le Grand. Paris, 1897.
87. *Brukner A.* Peter der Grosse. Berlin, 1879.
88. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
89. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
90. *Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 36. С. 283–314.
91. *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1962. Т. 22. С. 11–52.
92. *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3–23; № 2. С. 3–16; № 3. С. 3–17. № 4. С. 3–19.
93. Переход от феодализма к капитализму. Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969.
94. *Спиридонова Е.В.* Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952.
95. *Павленко Н.И.* Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века // История СССР. 1978. № 3. С. 49–69.
96. *Аксенов А.И.* Генеалогия русского купечества XVIII в. М., 1988.

97. Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943.
98. История СССР. 1968. № 2. С. 82–104; 1969. № 1. С. 58–78; 1970. № 4. С. 54–74; 1972. № 4. С. 65–88.
99. Маркс К. Морализирующая критика и критицирующая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 4. С. 291–321.
100. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.
101. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
102. Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.
103. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709. М., 1962.
104. Серов Д.О. Н.А. Воскресенский (1889–1948) – подвижник науки истории русского права // Воскресенский Н.А. Пётр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / под ред. Д.О. Серова. М., 2017. С. 5–58.
105. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археографического института Академии наук СССР. М., 1935.
106. Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов / под ред. В.И. Буганова. М., 1976.
107. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / подгот. Н.Б. Голикова. М., 2004.
108. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова, под общей ред. А.А. Преображенского. Вып. 1–2. М., 2004.
109. Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М., 1983.
110. Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 2000.
111. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.
112. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
113. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII века. Л., 1982.
114. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
115. Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1990.
116. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
117. Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М., 1991.
118. Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Пётр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М., 2012. С. 118–133.
119. Россия в период реформ Петра I / отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1973.
120. Когда Россия молодая мужала с гением Петра... Рекомендательный библиографический указатель / под ред. Н.И. Павленко. М., 1990.

121. *Милюков П.Н.* Пётр Великий и его реформа // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. Кн. X. С. 5–28.
122. *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.
123. *Дэвид-Фокс М.* Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 5–47.
124. *Raeff M.* Political Institutions and Ideas in Imperial Russia. Boulder, Colorado, 1994.
125. *Massie R.K.* Peter the Great: His life and world. New York, 1980.
126. *Масси Р.К.* Петр Великий: В 3-х т. Смоленск, 1996.
127. *Anderson M.S.* Peter the Great. London, 1978.
128. *Oliva L.J.* Russia in the Era of Peter the Great. New Jersey, 1969.
129. *Cracraft J.* The Revolution of Peter the Great. Cambridge, 2003.
130. *Blanc S.* Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX, № 3–4. P. 265–293.
131. *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Gettingen, 1964. Bd. 1–2.
132. *Павленко Н.И.* В защиту Петра Великого // Политическое образование. 1989. № 15. С. 92–95.
133. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982.
134. *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
135. *Серов Д.О.* Администрация Петра I. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
136. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009.
137. *Водарский Я.Е.* Пётр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–78.
138. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
139. *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven and London, 2000.
140. *Hughes L.* Peter the Great: A Biography. New Haven and London, 2002.
141. *Хьюз Л.* Пётр Первый: у истоков Великой Империи. М., 2008.
142. *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.
143. *Бушкович П.* Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.
144. *Liechtenhan F.-D.* Pierre le Grand: le premier empereur de toutes les Russies. Paris, 2015.
145. *Богданов А.П.* В тени Петра Великого. М., 1998.
146. *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
147. *Hughes L.* Sophia. Regent of Russia. 1657–1704. New Haven & London, 1990.
148. *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001.

149. *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
150. *Азеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град Святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999.
151. *Андреева Е.А., Тронь А.А.* Рождение Петербурга. СПб., 2011.
152. *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описание палат, хором и сада. Исследование и документы. СПб., 2013.
153. *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.
154. *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование СПб., 2003.
155. *Базарова Т.А.* Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014.
156. *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991.
157. *Беспярых Ю.Н.* Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013.
158. *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006.
159. *Пунин А.Л.* Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого. Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко. Ч. 1. СПб., 2014.
160. *Артамонов В.А.* «Несказанная виктория»: Сражение при Лесном 1708 г. М., 2009.
161. *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009.
162. *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009.
163. *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории. 1709–2009. М., 2009.
164. *Кротов П.А.* Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013.
165. *Водарский Я.Е.* Загадки Прутского похода. М., 2004.
166. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010.
167. *Артамонов В.А.* Дунайский поход Петра I в 1711 году. М., 2014.
168. *Конингсбрюге Х., ван.* История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. / пер. с нидерл. В. Ронина. СПб., 2014.
169. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.
170. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006 / научн. ред. Э. Вагеманс. СПб., 2008.
171. *Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

172. *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра Первого. Калининград, 1996.
173. *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
174. *Козлов С.А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721 / отв. ред. З.В. Дмитриева. СПб., 2011.
175. *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm, 1979.
176. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
177. *Медушевский А.Н.* Реформы Петра I и судьбы России: научно-аналитический обзор. М., 1994.
178. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007.
179. *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.
180. *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII в.: комиссии петровского времени. М., 2003.
181. *Болтунова Е.М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011.
182. *Агеева О.Г.* Императорский двор России. 1700–1796 годы. М., 2008.
183. *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012.
184. *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
185. *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск в русском обществе в XVIII веке. М., 1999.
186. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2006.
187. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. 2-е изд. СПб., 2000.
188. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х годов). М., 1999.
189. *Репин Н.Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в.: (Архангелогородский и Петербургский порты). Омск, 1989.
190. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996.
191. *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.
192. *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого: исследование и материалы. М., 2004.
193. *Бородкина Н.Н.* Церковь, общество и государство в эпоху Петра Великого. Саратов, 1997.

194. *Морохин А.В.* Архиепископ Питирим. Церковный деятель эпохи перемен. Нижний Новгород, 2009.
195. *Баггер Х.* Пётр Великий в Дании в 1716 году. Переломный момент датско-российских отношений. СПб., 2017.
196. *Вагеманс Э.* Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013.
197. *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007.
198. *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. СПб., 2017.
199. Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж–Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018.
200. *Pierre le Grand: Un tsar en France, 1717.* Paris; Versailles, 2017.
201. Петровские памятники России. Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Ч. I. СПб., 2010.
202. *Беспярых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010
203. *Беспярых Ю.Н., Коваленко Г.М.* Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988.
204. *Загоровский В.П.* Пётр Великий на Воронежской земле. Воронеж, 1996.
205. *Комолов Н.А.* Воронежские страницы в биографии Петра Великого. Воронеж, 2019.
206. *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010.
207. *Марков А.С.* Пётр I и Астрахань. Астрахань, 2008.
208. *Юркин И.Н.* Петр Железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012.
209. *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. Ч. 1–2. СПб., 2005.
210. *Беспярых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2008.
211. *Павленко Н.И.* Екатерина I. М., 2004.
212. *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М., 2008.
213. *Козляков В.Н.* Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014.
214. *Павленко Н.И.* Лефорты. М., 2009.
215. Ф. Лефорты. Сборник материалов и документов. М., 2006.
216. *Гузевич Д.Ю.* Захоронения Лефорты и Гордона: могилы, кладбища, церкви: мифы и реальность. СПб., 2013.
217. *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Винуус. 1641–1716. М., 2007.
218. *Филимон А.Н.* Яков Брюс. М., 2003.
219. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2007.
220. *Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал: черный предок Пушкина. М., 1999.

221. Областные правители России. 1719–1733 / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008.
222. Французский авантюрист при дворе Петра I. Письма и бумаги барона де Сент-Илера / сост. и научн. ред. И. Федюкин. М., 2018.
223. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 97: Петровское время в лицах – 2018. К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): материалы научной конференции. СПб., 2018.
224. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
225. *Бугров К.Д., Киселев М.А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016.
226. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
227. *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
228. *Николаев С.И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996.
229. Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги. В 2-х т., 3-х кн. СПб., 2016. Т. 1. Западноевропейские печатные книги. В 2-х кн. / сост. И.В. Хмелевских. Кн. 1–2. Т. 2. «Византийская история» / сост. А.Е. Карначев.
230. Pierre Le Grand et ses livres: Les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar / sous la direction de Olga Medvedkova. Paris, 2016.
231. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003.
232. *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / авторизованный перевод с английского Д. Хитровой и К. Осповата. М., 2008.
233. *Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002.
234. *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в. Проблемы панегирического направления. М., 2005.
235. *Андросов С.О.* Живописец Иван Никитин. СПб., 1998.
236. *Андросов С.О.* От Петра I к Екатерине II. Люди, статуи, куртины. СПб., 2013.
237. *Горбатенко С.Б.* Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015.
238. *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.
239. *Малиновский К.В.* Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017.
240. *Малиновский К.В.* Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб., 2007.
241. *Medvedkova O.* Jean-Baptiste Alexandre Le Blond. Architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Pétersbourg. Paris, 2007.

Эрнест А. Зицер

**ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЁТР:
Новые исследования о русском дворе
конца XVII – начала XVIII века***

Возрождение интереса к одной из традиционных тем русской истории – изучению Петра Великого и всей петровской тематики (петроведение), стало одним из неожиданных историографических последствий распада Советского Союза как государства и цивилизации. В настоящей статье рассматриваются несколько выдающихся примеров исследований (как русских, так и англо-американских) рубежа XXI века и оценивается состояние вопроса (до 2005 года). Автор констатирует создание нового «постсоветского» и, возможно, даже «постмодернистского» образа Петра.

Ключевые слова: Пётр I, русский двор конца XVII – начала XVIII века, историография, петроведение, Е.В. Анисимов, П. Бушкович, Л. Хьюз, Д.О. Серов, В.М. Живов.

Ernest A. Zitser

**POST SOVIET PETER:
New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian
Court**

One of the unexpected historiographical consequences of the demise of the Soviet Union, both as a state and as a civilization, has been a revival of interest in that most traditional of all Russian historical topics — the study of Peter the Great and all things Petrine (*petrovedenie*). This article reviews several outstanding examples (both Russian and Anglo-American) from the turn of the 21st century and evaluates the state of the field (up to 2005). It suggests that what we are witnessing is the creation of a new, “post-Soviet,” and perhaps even “post-modern Peter”.

* *Авторизованный перевод с английского выполнен Е.Е. Дмитриевым по изданию: Zitser E.A. Post Soviet Peter: New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 6 no. 2 (Spring). 2005. P. 375–392.*

Key words: Peter I, The study of Peter the Great, Russian court of the late XVI – early XVIII century, historiography, E.V. Anisimov, P. Bushkovitch, L. Hughes, D.O. Serov, V.M. Zhivov.

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. – 331 с.

Bushkovitch P. Peter the Great. Lanham, MD, 2001. 187 + XII p.

Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2003. 485 + XII p.

Hughes L. Peter the Great: A Biography. New Haven: Yale University Press, 2002. 285 + XV p.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. 602 + XXIX p.

Серов Д.О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. – 262 с.

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. – 758 с.

Возрождение интереса к одной из традиционных тем русской истории – изучению Петра Великого и всей петровской тематики (*петроведение*), стало одним из неожиданных историографических последствий распада Советского Союза как государства и цивилизации. Это возрождение не может быть просто объяснено фактом произошедших политических и экономических изменений конца XX века, совпавших с чередой «трехсотлетних» дат исторических событий, таких как основание Русского флота (1695), петровское Великое посольство (1697–1698), или, в особенности, основание Санкт-Петербурга (1703). Эти постсоветские торжества, скорее всего, сами по себе являются признаком возобновления интереса россиян к «актуальному» национальному прошлому, в особенности к историческому периоду, который можно взять (или даже «принять с распростертыми объятиями») в качестве важнейшей отправной точки российской современности. В проведенных в постсоветской России опросах общественного мнения Пётр получил более высокий уровень одобрения, чем любой другой политический деятель российской истории (исключая, возможно, нынешнего президента) [см.: 1, p. 184]. Данный факт, судя

по огромному валу книг, вышедших в свет за последние десять лет, оказал определенное влияние на российских издателей, которые охотно присоединились к современным политикам в деле получения выгоды от пропаганды «тоски по империи». К сожалению, интеллектуальное содержание изданий, преподносимое российскому потребителю, означает лишь то, что большая часть современного *петроведения* неспособна подняться над уровнем, достигнутым в первой половине XIX века, когда были впервые очерчены контуры профессионального и научного исследования петровской России. Если речь идет об историографии в целом, то большинство «глянцевых» томов и популярных биографий, изданных к недавним юбилейным датам петровского времени, всего лишь отражают старые споры о преемственности и новациях, степени иностранного влияния на внутреннее развитие России и неизбежности выбора между Россией и Западом.

Независимо от того, на чью сторону встанут в конце концов участники подобных бесконечных (по большому счету, антиисторических) раздоров, они так и не смогут выйти за пределы антиномий, заимствованных из немецкой идеалистической философии славянофилами и западниками. Как следствие, они всего лишь закрепляют общепринятые мифы о Петре Великом как демиурге, который якобы затащил брыкающуюся и визжащую Московию в секулярный современный мир.

Поэтому столь приятно проделать обзор избранных работ, в которых предпринята попытка не только привнести что-то новое в образ Петра, но также переосмысливаются фундаментальные основы старого *петроведения*. Неудивительно, что ревизионистская линия в историографии правления Петра получила заметное усиление в результате идеологических изменений после крушения Советского Союза. Внезапный распад казалось бы всемогущего советского государства неизбежно выявил изъяны «тоталитарных» и «абсолютистских» интерпретаций российской политики и оживил интерес к таким неформальным источникам политической сплоченности, как патрон-клиентские отношения, придворные ритуалы и имперские мифы. Подобным же образом отказ от марксистских догм не только поставил под сомнение все детерминистские и телеологические концепции исторического прогресса («секуляризация», «модернизация», «вестернизация»), но также способствовал отходу историков от официаль-

но поддерживаемой методологии, акцентированной на экономической истории в сторону таких позабытых областей исследования, как культурная история и политическая антропология [см.: 2], то есть к изучению истории властных отношений во всех формах, материальных и символических. Авторы рассматриваемых в статье работ, как российские, так и англо-американские, прекрасно осведомлены о происходящем изменении исторической парадигмы. Подобная осведомленность привела к выражению общего мнения, наиболее решительно высказанного Полом Бушковичем, утверждавшим (на первой странице «*Peter the Great: The Struggle for Power*»), что несмотря на 300 лет практически всепоглощающего интереса к личности Петра Великого, история его правления во многих обширных и критически важных областях исследования так и осталась неизученной. В этом весьма смелом утверждении содержится изрядная доля ревизионистской бравады – не в последнюю очередь потому, что современные исследователи петровской эпохи многим обязаны предшествующим исследованиям и публикациям источников. И все же в этом утверждении содержится частичка правды. Все книги в рассматриваемой статье в совокупности являются наглядным свидетельством того, что новые архивные источники и новые подходы к изучению правления Петра способны фундаментально изменить наше представление о русском дворе раннего Нового времени.

Представляется весьма показательным, что первоначально к наступлению на старое *петроведение* присоединились двое бывших коллег по Ленинградскому отделению Института истории, и это произошло вскоре после официального возвращения жителями Ленинграда дореволюционного названия города в честь первого российского императора. Подобно своим интеллектуальным предшественникам «санкт-петербургской исторической школы», Евгений Анисимов и Дмитрий Серов предложили читателям дающий пищу для размышлений и политически ангажированный анализ сложного комплекса проблем, с которым сталкивается современное российское общество. Политические перемены и коррупция в верхах, заимствованная идеология и социальная цена реформ – эти вопросы проходят красной нитью в исторических повествованиях Анисимова и Серова, написанных в 1990-е годы в попытке показать, как прошлое продол-

жает оказывать влияние на российское настоящее. В обоих случаях страстная вовлеченность авторов в проблемы сегодняшнего дня и их профессиональный интерес к популярной истории направлены прежде всего на поиск заслуживающих внимания исторических альтернатив, а также являются попыткой заполнить ранее запретные «белые пятна» российской истории. Но независимо от того, приветствует ли кто-либо позицию Анисимова и Серова как общественных комментаторов, или критикует их за потворство вкусам неакадемической аудитории, нет сомнения, что их версия раннеимперской российской истории представляет серьезный вызов восприятию Петра Великого, характерному для написанных в советское время биографий царя, которые придавали собственный, уникальный смысловой оттенок двойственному подходу, унаследованному из XIX века, возвеличивая императора как «военного, морского и дипломатического гения, строителя столицы и собственной страны, и во многих отношениях просветителя России», и в то же самое время, яростно порицая его за «продолжение феодальной политики и существенное усиление угнетения народа» [см.: 3, р. 589].

Этот полемический, «разоблачающий» импульс явственно прослеживается в серии биографических очерков Серова, посвященных «политической и криминальной деятельности» людей, помогавших Петру основать имперскую Россию. Даже сам тон этого очевидного отражения аналогичных постсоветских реалий, таких, как политическая коррупция и клептократия, зачастую очерчивает линию между историческим детективным романом (*à la* Борис Акунин) и научной монографией. Книга Серова действительно наглядно показывает две сильные стороны нового *петроведения* – неуклонный интерес к реальным людям, а не к институциональным или историческим абстракциям; а также значительный сдвиг фокуса внимания от доминирующей личности Петра ко многим иным деятелям, немало потрудившимся над построением империи. Здесь наиболее показателен случай Г.Г. Скорнякова-Писарева, который руководил строительством первого российского порта на Тихом океане. В то время как исследовательский поворот в сторону изучения «птенцов гнезда Петрова» сам

по себе не нов¹, пристальное внимание, уделяемое Серовым их сомнительному прошлому, является вполне новаторским. Например, Скорняков-Писарев был поставлен во главе строительства в Охотске, отбывая срок ссылки за мошенничество, мздоимство и другие политические обвинения, которыми наполнена его карьера (так же, как и карьеры многих других деятелей, рассматриваемых в книге Серова). Очерки Серова об этих второстепенных и третьестепенных государственных управленцах, таких, как братья Соловьевы, которые ухитрились присвоить миллионы рублей во время пребывания на должности руководителей государственной монополии на иностранную торговлю в Архангельске и избежали наказания благодаря влиянию их покровителя и соучастника преступлений царского фаворита А.Д. Меншикова, основаны на тщательно документированных архивных изысканиях. Одним из наиболее важных достижений монографии Серова является снабженный подробными примечаниями и основанный на архивных разысканиях именной указатель, который сам по себе является ценной источниковой базой для изучения правящей элиты петровского времени. Послужные списки, ранее неопубликованная переписка, и бумаги, составленные различными следственными комиссиями по коррупционным делам петровской элиты, позволяют Серову воссоздать род занятий, финансовое положение, генеалогические связи, и в некоторых случаях взгляды и убеждения «птенцов гнезда Петрова». Эта работа проделана Серовым в мельчайших подробностях, до того недостижимых в исследованиях, посвященных раннему периоду российской политики Нового времени, большинство из которых ограничены прежде всего отсутствием исходных письменных первоисточников. Благодаря основательному архивному поиску Серов успешно систематизирует все доступные свидетельства и приходит к определенным выводам относительно некоторых рассмотренных им уголовных дел, а по существу других выдвигает вполне обоснованные предположения. Но поскольку его очерки не имеют своей целью всестороннего анализа политической коррупции или её причин, безосновательные ссылки Серова на то, что многие возможности обо-

¹ У истоков данного подхода стоял Н.И. Павленко, ныне покойный глава советского *петроведения*. См. его «Птенцы гнезда Петрова» (М., 1984), «Полудержавный властелин: Историческая хроника» (М., 1988) и др.

гащения, открылись перед нечистыми на руку деятелями в результате глубоких социальных изменений, вызванных «великими реформами 1700–1720-х годов», приводят читателей к выводу, что институционализация (а возможно, и сами истоки) этой «современной» проблемы должны быть в конечном итоге отнесены ко времени правления Петра Великого. Эта спорная точка зрения накладывается на чрезмерно идеализированное изображение допетровских приказных дьяков, в которых Серов видит предвестников чиновничьего профессионализма и добродетели.

В той мере, в которой обвинения, выдвинутые Серовым против сторонников Петра, подчеркивают «петровские» истоки современных политических проблем, его доводы начинают перекликаться с данной ранее Е. Анисимовым полемической и крайне неоднозначной характеристикой правления Петра. В популярной биографии («Время петровских реформ». Л., 1989) Анисимов утверждал, что реформы Петра – в особенности использование насилия во имя прогресса и порядка – предвосхитили появление «полицейского государства» Иосифа Сталина. В отличие от многих работ позднесоветского периода, в написанной Анисимовым биографии царя содержится негативный взгляд на военные победы и имперские завоевания Петра I и определенное принижение значения внутренних реформ. В то же время Анисимов не принадлежит ни к лагерю тех историков, которые «осуждают реформы как направленные по ложному пути, приносившие вред, а не пользу, и абсолютно неэффективные»; ни тех, кто «принижает его (Петра I) значение, делая акцент на том, что исторический процесс превалирует над личностью, и утверждает, что российская история пошла бы тем же путем, как с Петром, так и без него. Научная монография Е. Анисимова, посвященная самодержавию и петровским реформам государственного управления («Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого» (СПб., 1997)), продолжает переоценку, начатую со времени издания биографии Петра I. Так же, как и в предыдущем труде, в этом содержательном, тщательно проработанном исследовании не дается систематическая и непосредственная критика старой советской парадигмы. В нем прежде всего содержится утверждение, что несмотря на все усилия Петра – или, скорее, именно благодаря им – «коллегиальная» система управления,

введенная во второй части его правления, оказалась совершенно непригодной для выполнения задачи, которую ставили перед собой ее создатели. Регулярность, прозрачность, подотчетность и нацеленность на достижение «всеобщего блага» постоянно подтачивались действиями старомосковской системы покровительства; существенной неукомплектованностью русской административной машины, и что наиболее важно, постоянным и безграничным вмешательством самого царя-реформатора. Действительно, на основании исследования важнейших административных реформ, Анисимов приходит к тому же общему выводу, который был сделан еще В.О. Ключевским в знаменитой лекции, посвященной периоду правления Петра I: самодержавие и законность в корне несовместимы; и никакая бешеная энергия, пусть и направленная на благо, не способна когда-либо решить загадку квадратуры круга [4, с. 203–204]².

Хотя подобный вывод не отличается новизной, используемый Анисимовым метод представления дилеммы, стоявшей перед законодателями петровского времени, опирается на инновационную методологию истории государственного управления. Пытаясь представить альтернативу трудам, вышедшим из-под пера представителей «государственной школы», основанных на юридических знаниях и указах, Анисимов переносит акцент с издания царских указов на их фактическое исполнение, а также с текстов этих документов на писавших их людей, в дальнейшем стремившихся воплотить в жизнь свои идеалы. Таким образом, новая история государства претендует на то, чтобы быть столько же историей умонастроений и культурных практик московской политической элиты, сколько историческим повествованием о реформах права и контрреформах. Сравнение текста проектов, составленных главным иностранным советником Петра Генрихом Фиком, с подлинными документами новых государственных учреждений, дает Анисимову возможность наглядно показать, насколько фискальные, кадровые и политические ограничения влияли на зарождавшуюся хронически стесненную в средствах и при этом относительно малочислен-

² Анисимов, вместе с тем, указывает на то, что «вмешательство» Петра в деятельность различных органов власти не являлось примером каприза самодержца, но было осознанной попыткой переосмыслить царские должностные обязанности.

ную бюрократию петровского «полицейского государства». Несмотря на то, что подробный статистический анализ центрального правительства до и после реформ 1718–1724 годов показывает беспрецедентный рост численности государственных чиновников, получавших жалованье, эта цифра выглядит бледно по сравнению с соотношением числа чиновников к населению, характерным для других централизованных милитаристско-бюрократических монархий, подобных тогдашней Пруссии³. В результате, в его тщательном историческом исследовании прослеживается тенденция к сведению на нет любых общих суждений относительно фактической сферы влияния назойливого «полицейского государства» и содержится убедительная демонстрация того, насколько петровская Россия в действительности была далека от сталинской. Вопреки тому, что фокус книги нацелен на «самодержавие», основная проблема состоит не столько в контроле со стороны государя, сколько в недостатках государственного управления и отсутствии подотчетности: несколько тысяч государственных чиновников, в том числе представители правящей элиты и их административный аппарат, занимались мздоимством от имени, и часто, как в старомосковские времена, по личным указаниям самодержавного российского монарха.

Аналогичным образом, обсуждение Анисимовым вопроса о сохранении *приказов* в качестве личных царских повелений доверенным придворным и неформальным государственным институтам является одной из наиболее сильных сторон данной работы и опровергает неверные представления об «отмирании» старомосковской приказной системы. Как следует из предложенного Анисимовым описания, официальное намерение Петра реорганизовать приказной строй происходило не столько из понимания мнимого «системного кризиса» Московии⁴, сколько из трезвой оценки важности технических знаний и

³ Эта важная сравнительная оценка была сделана И.В. Курукиным в рамках дискуссии о силе и слабости российской монархии XVIII века [см.: 5, с. 241–242].

⁴ Термин заимствован Анисимовым из сделанного Александром Каменским структурно-функционального описания политических, экономических и духовных проблем, стоявших перед российской политической элитой конца XVII века [см.: 6].

изменений в законодательстве для обеспечения соответствующего управления своим царством в условиях войны и мира. Анисимов прилагает большие усилия для опровержения утверждений Павла Миллюкова о том, что Пётр никогда не имел (или даже не был способен сформулировать) никакого «плана реформ», и что реорганизация государственного аппарата была продиктована исключительно «военными потребностями» [см.: 7]. Политические деятели, вдохновленные идеей «хорошо отлаженного полицейского государства»⁵, в число которых входил Пётр и его команда технических экспертов, верили в то, что правильно разработанное законодательство (подобное хорошо сконструированному и плавно идущим часам) само по себе способно прививать уважение к главенству закона и порядку в среде социальной элиты, привыкшей управлять государством в собственных интересах. Всё, что требовалось от законодателя – завести часы и запустить их. Время и некоторые решительные меры по устранению недостатков – такие, как проанализированные Серовым криминальные расследования, – довершат остальное. Однако, как свидетельствует исследование Анисимова, системы, базирующиеся на материальном поощрении, призванные насаждать административную честность и снижать уровень коррупции, оказываются непригодными для изменения общественных настроений в религиозной и основанной на ином понимании чести культуре, в рамках которой жил и трудился Пётр. Для подобного типа *преобразования*, или, вернее, *преображения* [9] требовалось уделить первостепенное внимание изменению состояния сердец и умов старомосковской элиты – не только посредством дидактического и репрессивного законодательства, но также посредством преобразовательной деятельности с использованием силы общественного порицания, взывая как к эмоциям, так и к разуму. Чтобы представить Петра способным к таким креативным политическим деяниям, требуется не только переосмысление концепции образа Петра, но также смещение исследовательского фокуса с законодательных источников, на которых традиционно основывался его образ. Не столь важно, сколько света подобные источники могут пролить на «бюрократизацию самодержавия». Приводимые Анисимо-

⁵ Классическое определение данного термина можно встретить в работе М. Раева [8].

вым статистические данные о числе указов, написанных и собственноручно подписанных царственным российским законодателем, просто не могут кардинально изменить подход к проблеме, что необходимо для осуществления эпистемологического сдвига.

Попытка изменить принятый концептуальный подход нашла наиболее яркое отражение в работе Линдси Хьюз благодаря привлечению внимания исследователей к политическому значению так называемых петровских «увеселений». В особенности речь идет о шутовских обрядах и издевательских церемониях, которые царь-законодатель сам режиссировал и лелеял в течение своего тридцатилетнего правления, придавая им торжественность формального государственного института, нашедшего отражение в написанном им же установлениях так называемого Всешутейшего и всепьянейшего собора. Л. Хьюз уделяет большое внимание «альтернативной истории» петровского двора, включая исследование таких феноменов, как царские карнавальные переодевания и пародии, шутовские свадьбы и потешные военные игры, что является одним из самых важных новаторских подходов, содержащихся в новой биографии царя («*Peter the Great*»), также как и в более раннем, энциклопедическом исследовании его правления (*Russia in the Age of Peter the Great*). Это именно тот вид материала, который профессиональные историки прежде оставляли на откуп авторам исторической беллетристики. Поэтому его возвращение в научный оборот делает исследования Л. Хьюз столь оригинальными, и вместе с тем беллетристическими по характеру. Приводя поразительные, но вполне документально подтвержденные примеры странного и намеренно отстраненного поведения царя в виде хроники год за годом, иногда день за днем, основанные на личных, сокровенных источниках, таких как переписка Петра и ежедневные записи его секретаря, Л. Хьюз представляет современному читателю личность Петра во всей ее барочной сложности. Вместе с тем, повествование Хьюз наглядно свидетельствует – не в последнюю очередь с помощью многочисленных иллюстраций, которыми снабжены обе ее книги – что сама по себе мобилизация петровской *персоны* являлась важным инструментом политики царя. Если расширить и применить данную интерпретацию к карнавальному миру, который Л. Хьюз столь удачно помещает в современное повествование о правлении Петра,

то можно заметить, что царские увеселения не являлись побочными эффектами грубого чувства юмора, присущего царю, или же его привычки «выпускать пар в мужской компании», как она сама полагает. Эти «увеселения» скорее являлись важными компонентами жизни двора раннего Нового времени, где разделение частного и общественного (или серьезного и потешного) не отражало современных представлений; в которой доступ к личности монарха имел большое значение и часто являлся необходимым условием получения желаемого титула или принятия реформаторского закона. Несмотря на то, что некоторые интерпретации петровских пародий, выдвинутые Л. Хьюз, могут быть поставлены под сомнение [см.: 10, с. 428–431], совершенно очевидно, что в целом её труд знаменует собой радикальный отход от прежних анахронических описаний правления Петра I, где просвещенный деспот руководил деятельностью всемогущей бюрократии, направленной на насильственную модернизацию, в рамках которой, как замечает Л. Хьюз с присущей ей британской иронией, «видное место занимало производство чугуна» [11, р. 1].

В то время как в повествовании Л. Хьюз можно найти лучшее описание ощущения и характера придворной жизни во времена правления Петра Великого, в работе Пола Бушковича содержится наиболее последовательная попытка создания новой придворной истории – основанной на системе клиентарно-патронажных сетей и проблемах доступа к царственной особе и власти (но, что любопытно, не на эффективных проявлениях этой самой власти). Следуя примеру, заложенному в основополагающих трудах таких историков России раннего Нового времени как Степан Веселовский, Александр Зимин, Роберт Крамми, Нэнси Шилдс Коллман, равно как и в новаторской работе Джона П. Ле Донна о российской политике XVIII века, Бушкович предлагает исторический обзор, где в эпицентре авторского повествования находятся кланы, составлявшие российскую политическую систему, а также их интересы. Бушкович помещает правление Петра в рамки конфликта за «алексеевское» наследство, длившегося в течение целого поколения. Этот период нестабильности наступил после смерти отца Петра царя Алексея Михайловича и характеризовался формированием «партий» вокруг соперничавших между собой дворов двух женских линий русского царского дома – Милославских и Нарышки-

ных. Действительно, более трети его 440-страничной монографии («*Peter the Great: the Struggle for Power, 1671–1725*») и почти половина популярного краткого обзора («*Peter the Great*») посвящена подробному описанию придворной политики в течение трех десятилетий, предшествовавших приходу Петра к власти *де факто*. Акцент, сделанный на *longue durée*, позволяет Бушковичу дать лучшее на сегодняшний день описание фактической деятельности политической системы «позднемосковской» России, для которой характерно доминирование аристократии и наличие родовых связей. В то же время автор разрушает несколько устоявшихся исторических «мифов» – например, про предполагаемую роль староверов в заговоре Цыклера–Сокковнина в 1697 году, «первого серьезного случая противодействия Петру со стороны придворной элиты», которое подогревалось в большей степени неудовлетворенностью личных амбиций и уязвленной гордостью, нежели иными специфическими «культурными» проблемами. Интерес Бушковича к жизни и родословной людей – как мужчин, так и женщин, проводивших определенную политику или влиявших на её осуществление, позволяет автору «оживить» участников политических и культурных конфликтов, которые зачастую обойдены вниманием в повествованиях, посвященных безликим процессам «модернизации» и «секуляризации». В итоге, ему удается воссоздать атмосферу «политики без правил», характерную для старомосковского двора конца XVII века. Именно такой мир сформировал характер Петра первой половины его жизни, а в течение второй Пётр пытался переделывать этот же мир «под себя».

Оставляя в стороне анализ целей петровских деяний, Бушкович соглашается с трюизмом, согласно которому Пётр стремился «вестернизировать» Россию. Бушкович вместе с тем предусмотрительно указывает на существование многообразных концепций «Запада», и «нетрадиционных», но вполне православных по характеру людей, которых часто рассматривали как представителей «консервативной оппозиции». Бушкович сосредотачивает внимание на методах и тактике, с помощью которых Пётр стремился править страной. Вполне естественно, что Бушкович рассматривает образцы правления уже известные по исследованиям истории других дворов раннего Нового времени. В первом слабый и неопытный молодой монарх изначально-

но полагается на своих родственников и знатных советников до наступления момента, когда он предпринимает попытку взять бразды правления в свои руки и правит самолично. В этот момент он вынужден преодолевать противодействие существующих влиятельных кругов, сталкиваясь друг с другом соперничающие группировки, либо назначая царского фаворита, способного вывести личность самого монарха из-под огня критики и играть роль сдерживающего фактора для тех, кто захочет воспользоваться своей близостью к центрам власти и патроната. Согласно версии Бушковича, политическую историю правления Петра I можно сравнить с маятником, раскачивающимся между различными политическими курсами: в рамках одного монаршая благосклонность (и доступ к царской персоне) делегировалась нескольким избранным наперсникам; в рамках другого эта благосклонность равномерно распределялась среди определенного числа противоборствующих аристократических группировок. По мнению Бушковича, когда эта система сдержек и противовесов работала без сбоев, то среди правящей элиты наблюдался высокий уровень сплоченности, что позволяло успешно объединять усилия по ведению войны с проведением необходимых институциональных реформ. В случае если данная система оказывалась разбалансированной, распри грозили погубить достижения как внутри страны, так и на внешнеполитической арене. Это и было колебанием между политикой «открытого» и «закрытого» доступа к царственной персоне, которая и заставляла тикать механизм «идеально отлаженного полицейского государства».

Наиболее убедительное подтверждение данного взгляда можно найти в заключительной части монографии Бушковича, в которой целых две главы посвящены внутренним и геополитическим факторам конфликта Петра с его сыном-первенцем царевичем Алексеем Петровичем. Проведенный Бушковичем анализ политики, окружавшей побег, экстрадицию, суд и таинственную смерть несчастного царевича, предлагает блестящий контрольный тест тезисов, выдвинутых ранее в данном труде, поскольку, как убедительно свидетельствует Бушкович, данный эпизод был в меньшей степени горьким семейным конфликтом, овеванным популярной легендой, нежели глубоким политическим

противостоянием⁶. В этом противоборстве петровская партия, (возглавляемая его неизменным фаворитом – Меншиковым), схлестнулась с неформальной коалицией недовольных московских аристократов (возглавляемых партией Долгоруких, будущих подстрекателей «конституционного кризиса» 1730 года), собравшихся под знаменами царевича Алексея в качестве кандидата на престол. Несомненной причиной, а не только лишь знаком недовольства Петром, его политикой и фаворитами, явился беспрецедентный уровень поддержки, которым Алексей пользовался даже после бегства за границу и предполагаемых изменнических сношений с иностранными державами. Более существенным представляется то, что это было знаком интернационализации политики русского двора, которая в очередной раз (как в период Смутного времени) стала существенным элементом в геополитических интригах ведущих европейских государств, в особенности вовлеченных в 20-летний конфликт между Россией и Швецией, известный как Великая Северная война (1700–1721). Собственно, Бушкович настолько убежден в фундаментальной политической значимости данного эпизода, что завершает свою книгу утверждением, согласно которому успешное расследование Петром дела против собственного блудного сына (и его сторонников из числа аристократии) «послужило мощнейшим толчком для петровских реформ за всю историю царствования, даже более важным, чем Северная война». В то время как некоторые специалисты по истории XVIII века могут не согласиться с подобной формулировкой – в особенности принимая во внимание количество проектов реформ, начатых ранее Петром I [см.: 12] – невозможно отрицать тот факт, что оценка Бушковичем данного эпизода послужит важной отправной точкой в дискуссиях о петровском наследии в течение следующих десятилетий.

Будущие историки окажутся многим обязанными Бушковичу не только за его пронизательный анализ придворной политики Петра, но и за обильное цитирование оригинальных первоисточников, которые он (и его щедрый издатель) благородно включили в

⁶ Анализ отчетов иностранных дипломатов о данном противостоянии, проведенный Бушковичем, может служить независимым источником, подтверждающим данные российских архивов, содержащихся в кандидатской диссертации Сергея Ефимова «Политический процесс по делу царевича Алексея» (СПб., 1997).

подстрочные примечания монографии. Высшей степенью мастерства исследователя, как в лингвистическом, так и в историографическом плане, является использование Бушковичем архивных документов на иностранных языках – латыни, французском, голландском, немецком и шведском, не говоря уже о русском. Возможно, здесь кроется и наиболее противоречивый аспект данной работы. Бушкович обращается к содержащимся в отчетах иностранных дипломатов рассказам, слухам, намекам, выдаваемым за факты, стремясь разобраться с «умолчанием» тогдашних московских источников об имевших место процессах принятия решений и реализации государственной политики на высшем уровне. Оценивая достоверность подобных донесений, необходимо учитывать различные факторы, включая уровень владения авторами русским языком, знания ими русских традиций, официальную должность, с высоты которой делаются такие наблюдения, а также надежность их источников информации. Несмотря на предпринятую Бушковичем серьезную попытку установить носителей информации из числа правительственных чиновников, которые предоставляли её иностранным дипломатам, следует отметить, что работа Бушковича во многом бы выиграла от более тщательного анализа этих и других схожих методологических проблем⁷. Речь здесь идет не только о том, насколько точно отдельные придворные скандалы или государственные решения отражены в определенном донесении; более существенным является то, насколько язык, с помощью которого иностранные дипломаты описывали московские политические реалии, соответствовал языку их российских современников. Как замечает Бушкович в своей вступительной главе, понятия представителей правящей российской элиты XVII века о политике радикально расходились с понятиями их западных коллег, даже когда им приходилось иметь дело с такими структурно схожими феноменами периода раннего модерна, как королевский двор, патронат, и фаворитизм. К сожалению, крайне сжатое рассмотрение столь важного аспекта в эпилоге вряд ли удовлетворит критиков, подозревающих, что сам характер этих источников подталкивает автора к игнорированию имманентных культурных процессов, посредством ко-

⁷ Относительно методологического анализа использования дипломатических источников XVIII века см.: [13].

торых иноземные (преимущественно секулярные) идеи проникали в русский политический словарь.

Как убедительно свидетельствует новейшая книга Виктора Живова, эти процессы начались задолго до правления Петра и продолжались после него, и не могут быть описаны с использованием таких емких, но бесполезных терминов, как «вестернизация» и «секуляризация». Живов в отличие от некоторых своих наставников из московско-тартуской семиотической школы отвергает любые попытки историков и литературоведов свести многозначную культуру Московии к жестким и анахронистическим противопоставлениям секулярных и религиозных воззрений, западных и русских влияний, до- и постпетровской эпох. Как убедительно свидетельствует сборник статей автора, подобные банальные историографические стереотипы, не только затмевают критическую важность XVII века с его «радикальными изменениями культурной системы», но и преувеличивают значение «западного влияния», которое в равной степени можно отнести к России как XV, так и более поздних веков (включая, я бы добавил, и XXI). Вместе с тем, оригинальный пересмотр эволюции русской культуры сохраняет характерное для русской семиотики не только чрезмерное фокусирование на «изломах и надрывах» – таково название третьей части сборника статей Живова, в которой, далеко не случайно, основное внимание уделено петровским культурным реформам – но и подрывную, «бахтинскую» полемику с «монологическим» дискурсом советского политического истеблишмента. Подобный акцент на политическом конфликте и культурном разрыве играет немаловажную роль в объяснении, почему для исследования Живова правление Петра Великого является ключевым – с точки зрения, как содержания, так и структуры книги, и почему царские «карнавальные» пародии на церковь и государство представляют столь существенный компонент анализа рассматриваемого автором периода.

В статье, тон которой во многом созвучен призыву Л. Хьюз повторно уделить внимание альтернативной истории петровского правления («О превратностях истории, или о незавершенности исторических парадигм»), Живов утверждает, что любое описание петровского «величия» влечет за собой соответствующий элемент «забывания», момент умолчания определенных сторон его правления, о

которых нельзя было размышлять или легко втиснуть в рамки стандартного нарратива Просвещения. Именно поэтому Живов, описывая петровское правление, использует археологический подход, едва ли не все доступные методики и профессиональную лексику постмодернистской герменевтики. Согласно интерпретации Живова, микро-механика власти – выражена ли она в принятии нового, светского алфавита, насильственном брадобритии или организации «всепьянейших» пародий на церковные таинства – столь же важна, как и макромеханика ведения войны и государственного строительства. Действительно, как убедительно показывает содержательная статья, посвященная политическому значению петровских культурных реформ («Культурные реформы в системе преобразований Петра I»), невозможно со всей полнотой постичь значение больших структурных изменений без правильного понимания малых, семиотических. Проведенный Живовым тщательный анализ петровских новаций в сфере литургии и придворного ритуала показывает, что петровская «культурная революция» являлась системной частью реформаторской деятельности царя. Используя убежденность, как зрителей, так и участников в преобразующей силе священных и чудотворных обрядов, данные действия становились неременным элементом сознательной попытки Петра насадить новую систему ценностей и осуществить, ни много ни мало, политическое «преобразование». Призванным в новый «гражданский культ» первого российского императора приходилось принимать и демонстрировать веру в силу монарха-реформатора, который не был ограничен никакими человеческими законами и был призван самим Богом для внедрения необходимых изменений, от стиля одежды до форм центральной государственной администрации. Харизматический лидер, назначенный по божественному промыслу, был способен, исходя из содержания текста 1721 года, умолявшего Петра принять императорские титулы «Отца Отечества» и «Великого», единолично привести собственное царство от «тьмы к свету» и из «небытия в бытие».

Анализ Живова свидетельствует о том, что идеалы и формулировки, выраженные в подобных панегириках «помазаннику», черпают силу из религиозных текстов и обрядов, на основе которых они зачатую и создавались. Данное положение основано на признании того

факта, что авторы и организаторы царских действий проживали в культурном окружении, которое давало им возможность переходить к различным языковым регистрам и объединять любые метафоры, как религиозные, так и светские, необходимые для достижения целевой аудитории. Это именно тот тип в высшей степени стилизованного, эмоционального языка, сходного с языком контрреформационной католической церкви и переходящих к конфессионализму протестантских монархий, который русские ученые привыкли описывать как русский вариант общеевропейского барокко [14]. Как показывает Живов, это язык не только высокообразованных украинских священнослужителей, назначенных для укомплектования петровской церковной администрации и для защиты петровских «канонических мифов», таких, как существовавшая лишь на бумаге зависимость «временно» оставшейся без патриарха русской православной церкви от экуменического вселенского патриарха в Константинополе – но также и риторика, используемая царем и его придворными в частной переписке друг с другом. Живов обращает внимание на совместно используемый религиозно окрашенный политический язык, что позволяет автору включить обсуждения столь разноплановых тем, как политические импликации изменения иерархической клятвы, приносимой православными епископами в момент рукоположения, равно как и её шутовской противоположности, – вакхической клятвы, приносимой чередующимися «князь-папами» петровского «Всешутейшего и всепьянейшего собора». В результате, путем смещения исследовательской повестки от царских указов к политическим деяниям (как официальным, так и пародийным), Живову удается интегрировать, казалось бы, несовместимые и ранее необъяснимые культурные явления, вместе с тем открывая новые направления в изучении отношений между московской «политической теологией» и культом Петра Великого.

Сделанные Живовым основные выводы относительно «сакрализации» российской монархии, даже во время якобы «секуляризованного» правления Петра Великого, и впредь будут оказывать влияние на будущие попытки исследовать языки власти «позднемосковского» и «раннеимперского» российского двора. Однако метаязык, с помощью которого Живов описывает эти культурные практики раннего Нового времени, в будущих научных исследованиях, возможно, не со-

хранится. Отсылки к таким системообразующим понятиям, как «пропаганда», «психология масс», и «террор» показывают степень, до которой изощренное толкование Живовым старомосковских текстов продолжает основываться на политических разработках советского периода. По моему мнению, эти анахронистические понятия, постулирующие существование «публичного» – которое часто отсутствовало во время устройства наиболее значимых политических таинств, таких, как частные ритуалы, коими сопровождалась инаугурация «Преображенного Царства», шутливое создание избранной «кумпании» истинно верующих в петровскую харизму – более соответствуют сфере современной массовой политики, нежели двору раннего Нового времени [15; см. также: 16. – *Прим. ред.*]. В этом отношении Живов, по всей видимости, следует полемической повествовательной стратегии своих коллег из Санкт-Петербурга, которые, как мы уже видели, «осовременили» свой нарратив в стремлении дать критическую оценку образу Петра, характерного для времён советской идеологии. Однако Живову, по сравнению с Анисимовым и Серовым, удалось добиться лучших результатов, показывая роль намеренного самосотворения и мифотворчества, к которым прибегал Пётр в попытках распространить собственный культовый статус (и одновременно демонизировать образ московского «другого»). Живову, посредством обращения к мифопоэтическому процессу, происходившим во время и после правления Петра, удастся в большей степени, чем было сделано до него, высветить суть дискурсивных практик, которые (вос)производят мнимый радикальный разрыв между «до-» и «послепетровским» периодами русской истории.

Очерки Живова, посвященные придворной культуре Петра Великого, подобно всем остальным рассматриваемым работам, представляют собой яркую иллюстрацию тезиса, выдвинутого Л. Хьюз, согласного которому мы сейчас наблюдаем создание нового, «постсоветского» и даже возможно, «постмодернистского Петра». Еще не вполне ясно, как будет выглядеть новый Пётр, но совершенно очевидно, что он будет ближе по духу к трансгрессивной гротескности «Медного Сидня» Михаила Шемякина, нежели к монументальному дидактизму «Медного всадника» Этьена Фальконе. Шемякинская карнавальная пародия знаменитой конной статуи Фальконе изображает

«несуразного чудака с неестественно маленькой головой, плешинной, вытарашенными глазами и тонкими конечностями», сидящего на стуле вместо боевого коня⁸. Схожим образом, современные «пересмотры» петровского мифа десакрализуют царя-реформатора и ниспровергают официальную просвещенческую интерпретацию исторически прогрессивного царского правления. Лишь время рассудит, приведет ли новая, постсоветская переоценка петровского наследия к революционным изменениям в области *петроведения*, либо, подобно карнавальному действию, она исчезнет с неизбежным восстановлением старого, официально утвержденного нравственного и политического порядка.

Список использованных источников и литературы

1. *Riasanovsky N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought and Its Present Condition // Место России в Европе. Материалы международной конференции. Будапешт, 1999. P. 182–186.
2. *Кром М.М.* Политическая антропология: Новые подходы к изучению феномена власти и истории России // Исторические записки. М., 2001. Вып. 4 (122). С. 370–96.
3. *Riasanovsky N.V.* Anisimov E.V. The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia, trans. and ed. John T. Alexander (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1993) // *Slavic Review*. 1994. № 2 (53). P. 588–589.
4. *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 4.
5. *Курукин И.В.* Эпоха дворских бурь. Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003.
6. *Kamenskii A.* The Systemic Crisis in Seventeenth-Century Russia and the Petrine Reforms // *Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives*. 2 vols. Cambridge, 1998. Vol. 1. P. 1–11.
7. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905.
8. *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, 1983.
9. *Raeff M.* Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Paedagogical Leadership, and the Enlightenment in 18th-Century Russia // *Alteuropa – Ancien Régime – Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung*, ed. Hans Erich Bödeker and Ernst Hinrichs. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1991. P. 99–115.

⁸ О содержательной дискуссии относительно скульптуры М. Шемякина в контексте изменяющегося образа Петра см.: [17; 18].

10. *Живое В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 428–431.
11. *Hughes L.* Playing Games: The Alternative History of Peter the Great. London: School of Slavonic and East European Studies, 2000.
12. *Cracraft J.* Paul Bushkovitch, Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725 (Cambridge: Cambridge University Press, 2003) // *The Journal of Modern History*. 2003. № 2 (75). P. 475–477.
13. *Наумов В.П.* Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту*. М., 2000. С. 145–148.
14. *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991.
15. *Zitser E.A.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca; NY., 2004.
16. *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.
17. *Виролайнен М.* Два Петра (Памятники Фальконе и Шемякина) // *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*. СПб., 2003. С. 282–286.
18. *Бобышев Д.В.* «Медный сидень» // *Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. 1993. № 1. С. 309–315.

Михаэль Шиппан

ЦАРЬ ПЁТР I И ЕГО ВРЕМЯ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

С конца XVII века до наших дней русский царь Петр I вызывал интерес у немецких историков, писателей, публицистов. В Германии были опубликованы первые биографии русского царя и самые обстоятельные научные исследования о его времени. Автор представил обзор немецких изданий о Петре I до начала XX века в контексте развития петровской темы в мировой историографии.

Ключевые слова: Петр I, немецкая Россия XVII–XX веков, историография петровских реформ.

Michael Schippan

ZSAR PETER I AND HIS TIME IN GERMAN LITERATURE: BIBLIOGRAPHICAL REVIEW

From the end of the XVII century to the present day, the Russian Tsar Peter I aroused the interest of German historians, writers, and publicists. The first biographies of the Russian Tsar and the most detailed scientific research about his time were published in Germany. The author presented a review of German publications about Peter I before the beginning of the XX century in the context of the development of Peter's theme in the world historiography.

Key words: Peter I, German Rossica, historiography of Peter's reforms of the XVII–XX centuries.

Царь Пётр I стал популярной фигурой в Германии прежде всего благодаря опере «Царь и плотник» (1837) лейпцигского композитора Альберта Лорцинга (1801–1851), исполненной в голландском Зандаме [1]. В заграничных путешествиях 1697–1717 годов этот государь, управлявший крупнейшей в мире евроазиатской страной, предстал перед своими русскими подданными и изумленной европейской публикой в двояком облике. Он был, во-первых, Великой, Малой и Белой России самодержцем, претендовавшим на все дипломатические по-

* Авторизованный перевод с немецкого *Е.В. Ермасова*.

чести монарха. Во-вторых, за короткое время он принял облик простого корабельного плотника, известного нам из оперы Лорцинга, облик моряка, ремесленника или бомбардира Преображенского полка.

Пётр не только играл эти роли, но временами полностью в них растворялся. Царь с особым усердием хотел показать всему миру, как он понимал самоотверженное служение «общему благу» своего государства. Он служил в армии от нижних чинов до генерала и во флоте от моряка до адмирала, часто появлялся за границей в простом мундире или даже в бюргерской одежде; побывал в том числе в Пруссии, Саксонии, вельфских территориях (Ганновер, Брауншвейг), государствах Рейнской области и Вестфалии, в Гольштейне и таких «вольных имперских городах», как Гамбург, Любек и Бремен. Жители северной Германии познакомились с царем в 1711–1713 годах прежде всего как с командующим русскими войсками, а также во время его спешного проезда на курорт в Карлсбад. Петр не мог отказать себе в посещении в 1712 году университета в Грайфсвальде или в октябре того же года комнаты в Виттенберге, в которой проживал Мартин Лютер. Его путешествия по немецким территориям в 1711 и 1716–1717 годах сопровождались появлением многочисленных сочинений, написанных по указанным поводам.

В период правления Петра, государя ростом более двух метров, наделенного титулом «Великий», Россия стала империей и начала выступать в качестве мощного фактора силы в Европе. Империя за время его правления превратилась в «военное государство» в большей степени, чем Пруссия, управляемая с 1713 года королем Фридрихом Вильгельмом I, так как в царской империи не было юридически образованного профессионального чиновничества, и деятельные или заслуженные офицеры выступали в тех областях общественной жизни и управления, которые в Западной Европе давно уже относились к гражданской сфере [2, 3, 4]. При создании регулярной армии и военного флота проявились личные наклонности царя прежде чуждые большинству русских людей, такие как любовь к мореплаванию и кораблестроению, личное участие в военных действиях в качестве простого солдата, склонность к различным ремеслам, а также интерес к механическим искусствам и мануфактурам.

Альтернативу Петру как русскому государю представлял до 1718 года его сын, наследник престола Алексей Петрович (1690–1718) [5, 6, 7], который в 1710 году отправился учиться в саксонский Дрезден и познакомился с горным делом в Шнееберге. Однако Царевич не испытывал ни малейшей склонности к военной службе в армии и флоте, а предпочитал читать религиозные книги. В библиотеке Алексея имелись такие издания, как «Четыре книги об истинном христианстве» Иоганна Арндта (1555–1621) или «Беспристрастная история церкви и еретичества» радикального пиетиста Готфрида Арнольда (1668–1714) из Аннаберга [8]. Он отказывался от участия в строительстве новой столицы Санкт-Петербурга на болотистых берегах Невы и осуждал завоевательную внешнюю политику царской империи. В 1718 году он был приговорен к смерти судом, учрежденным Петром, и умер до казни в Петропавловской крепости новой столицы [9], что было зафиксировано в современных немецкоязычных изданиях [10, 11].

Историк Эобальд Тозе (1715–1789), будучи представителем эпохи Просвещения, в историческом трактате о великом князе Алексее Петровиче с одной стороны и трагическом конфликте между Филиппом II Испанским и Доном Карлосом с другой стороны, исследовал историческую аналогичную ситуацию в России как раз в то время, когда в 1776 году нелюбимый императрицей Екатериной II сын Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна были в гостях при дворе прусского короля Фридриха II, в чем царица усматривала опасность для своего неограниченного правления [12].

Историческая личность Петра I с начала его царствования привлекала большое внимание в немецкоязычной публицистике. С начала XVIII века появились первые биографии царя. Позднее были опубликованы научные исследования о его внутривнутриполитических реформах и внешней политике. Интерес к Петру не ослабевает до настоящего времени.

Сообщения о юности Петра

Вскоре после того, как Петр в 1689 году прекратил регентство своей сводной сестры Софьи и отправил ее в монастырь, в немецких землях появились первые публикации о нем и его братьях и сестрах, правящих в России детях царя Алексея Михайловича. Среди них сочинение путешественника Георга Адама Шлейссинга, который также од-

ним из первых представил читателям ранее совсем неизвестную Сибирь [13, 14]. Врач Энгельберт Кемпфер (1651–1716) из Лемго в Вестфалии увидел юных царей Петра и Ивана во время церемонии приема в Москве в 1683 году на пути в Персию вместе с шведским посольством Людвига Фабрициуса и встретился с князем В.В. Голицыным, доверенным лицом регентши Софьи Алексеевны [15, 16, 17]. Ученый врач и дипломат Лаврентий Рингубер, установивший связи между Москвой и Саксонией, также описал аудиенцию у юных государей [18, 19, 20]. Издание источников и биографический очерк посвящены товарищам юного Петра, таким как генерал шотландского происхождения Патрик Гордон (1635–1699) и фаворит царя Франц Лефорт (1656–1699) [21, 22].

В годы путешествия царя Петра I вместе с Великим посольством в Голландию, Англию и Вену в 1697–1698 годах [23, 24, 25, 26, 27] Христиан Юнкер (1668–1714), директор гимназии в Шлойзингене, опубликовал «Курьезный исторический календарь», Станислав Рейнхард Акстельмейер (род. 1649) – историческое размышление о возвышении Москвы, начиная с правления царя Ивана IV. В столкновении России с Османской империей Акстельмайер предвидел большое будущее царя [28, 29, 30]. В Пруссии, где курфюрст Фридрих III Бранденбургский в 1697 году встретил Великое посольство и заключил в Кенигсберге договор о дружбе с Москвой, визит царя вызвал особый отклик [31, 32, 33, 34]. В 1697 году лужицкий священник Михал Френцель (1629–1706), переведший Новый Завет и ставший основоположником верхнелужицкого литературного языка, хотел преподнести царю во время его проезда по Саксонии меморандум, а также собственные переводы религиозных книг, в которых он более чем за сто лет до основателей панславизма Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика, ссылаясь на факты тысячелетней истории, выдвигал идею об общности западнославянских и восточнославянских народов [35, 36, 37].

Усмирение московских стрельцов, которые оставили у десятилетнего Петра травму на всю жизнь, и боярский заговор 1682 года, названный «Хованщиной», привлекали большое внимание на протяжении всего XVIII столетия. Доклад служившего при австрийском посольстве Иоганна Георга Корба (1672–1741) о казни более тысячи

стрельцов после возвращения царя из заграничного путешествия и восстания 1698 года показал европейской читающей публике, насколько царь лично был причастен к насильственным действиям правительства [38, 39, 40, 41, 42]. После того как потсдамский библиотекарь Фридрих Дукмейер (1864–1930) в 1909–1910 годах представил новое издание «*Diarium itineris*» («Дневник путешествия») Корба, в 1968 году в Граце последовало еще одно издание этого сочинения.

После начала Великой Северной войны (1700–1721), которую развязала против Швеции европейская коалиция, состоящая из Саксонии-Польши, Дании и России, политику государя, чьи реформы касались прежде всего военной сферы, защищали состоящие на службе у Петра I публицисты. Среди них выделялся Генрих фон Гюйссен (1669–1739) из Эссена, которому в 2013 году была посвящена первая обобщающая монография Светланы Корзун [43, 44]. В 1705 и 1706 годах развернулась острая полемика между пропагандистом петровских реформ Генрихом Гюйссеном и Мартином Нейгебауером (1670–1758), который, как и Гюйссен, был воспитателем царевича Алексея Петровича, но потом поступил на службу к шведам [45, 46]. Основанный в 1703 году на болотах невской дельты Санкт-Петербург, ставший с 1712 года новой российской столицей, вызывал восхищение в описаниях анонимных авторов [47, 48].

Путешествия царя Петра по немецким землям были в центре внимания сообщений и исследований, как, например, его визит в горный городок Фрайберг в сентябре 1711 года, удивление цветущим алоэ в замковом парке Кёпеник в Берлине в октябре 1712 года, или его последнее пребывание в Берлине, о котором ярко и резковато сообщала маркграфиня Вильгельмина Байрейтская (1709–1758), любимая сестра короля Фридриха II Прусского [49, 50, 51, 52, 53, 54, 55]. Пребывание в шведской Померании и мекленбургских герцогствах царских войск, которых зачастую называли «варварами», привело к дополнительным тяготам для местного населения или таким репрессиям, как сожжение городов Вольгаст и Гарц в апреле 1713 года по указанию Петра I в отместку за сожжение датского города Альтона в предместье Гамбурга шведскими генералами Веллингом и Штенбоком [56, 57].

Династические браки представителей царской семьи и германских протестантских княжеств [58, 59, 60, 61, 62] стали поводом для целого

потока литературы, например, о женитьбе царского сына Алексея Петровича на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694–1715) в Торгау в октябре 1711 года [63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76]. Среди авторов подобных сочинений была и женщина – Софья Регина Елизавета фон Хопффер [77]. Немецкие историки и священнослужители, такие как Иоганн Георг Экхарт (1664–1730), коллега Готфрида Вильгельма Лейбница в библиотеке Вольфенбюттеля, или работавший в Хельмштедте, а затем в Геттингене Готтлиб Самуил Тройер (1683–1743), пытались доказать предполагаемое родство правящего русского царского дома Романовых с Вельфами, восходящее к периоду правления Рюриковичей на Руси и византийского императора Константина Багрянородного [78, 79, 80, 81, 82, 83]. Союз в Данциге племянницы Петра Екатерины Ивановны (1691–1733) с герцогом Карлом Леопольдом Мекленбург-Шверинским (1678–1747) [84, 85, 86, 87, 88, 89] стал поводом для обоснования исторического родства западнославянского племени ободритов, от которых предположительно произошли мекленбургские герцоги, и русского правящего дома. Эти попытки Биргит Шольц исследовала в контексте северогерманских, шведских и русских дебатов о происхождении русского правящего дома, так называемого «варяжского вопроса» [90, 91, 92, 93, 94].

После того как в связи с заключением мирного договора в Ништадте [95, 96, 97] со шведами в 1721 году Сенатом был преподнесен российскому государю титул императора и почетное имя «Отец Отечества», милостиво принятые Петром I, признание императорского титула за царем вызвало за границей противоречивые дискуссии. Пропагандистские услуги находившегося на королевско-прусской службе историографа Якова Пауля фон Гундлинга (1673–1731), например, оплачивались российским правительством. В конце своей жизни Гундлинг был де-факто придворным шутом, будучи чтецом в «табачной коллегии» короля Фридриха Вильгельма I [98, 99, 100, 101].

Литературу о Петре после начала Северной войны открывает анонимное, вышедшее в 1704 году в серии политических сочинений, «Государство Московское». Полное признание вступления Петра I на европейскую арену на рубеже XVIII века представляют директор гимназии в Бреслау Христиан Штифф (1675–1751) в своем «Донесении

о современном состоянии Московитской империи», а также малоизвестный автор Иоганн Генрих фон Лоэнштейн в своем изданном под инициалами «J. H. L.» сочинении «Жизнь и деяния Петра I» 1710 года и его анонимном продолжении в «Курьезном книжном кабинете» [102, 103, 104, 105, 106, 107]. Английский инженер Джон Перри (1670–1732), пытавшийся реализовать по поручению Петра I инициированный Готфридом Вильгельмом Лейбницем план строительства Волго-Донского канала, опубликовал историко-географический труд, который содержал критические размышления о современной России и был переиздан на немецком языке в 1717 году [108].

Неожиданная смерть Петра в 1725 году стала поводом для того, чтобы еще в год его смерти выходец из известной лейпцигской ученой семьи Юстус Готфрид Рабенер (1702–1732) опубликовал обширную биографию царя под названием «Жизнь Петра Первого и Великого» [109]. Племянником Юстуса Готфрида Рабенера был известный баснописец и сатирик Готлиб Вильгельм Рабенер (1714–1771).

Известная проповедь архиепископа Феофана Прокоповича «Слезы России», написанная по случаю смерти правителя, и последующие памятные сочинения были распространены в немецких городах [110, 111, 112, 113], также как и написанная по этому поводу поэма образованной Авроры фон Кёнигсмарк (1662–1728), бывшей любовницы короля Августа II Польского и впоследствии настоятельницы Кведлинбургского аббатства [114]. «Преображенная Россия» – название фундаментального произведения ганноверского посланника в Санкт-Петербурге с 1714 по 1719 год Фридриха Христиана Вебера (умершего после 1739 года), первый том которого появился в 1721 году с приложением многочисленных источников и документов [115, 116]. Это название было перефразировано Августом Людвигом Шлецером (1735–1809) в 1767 году в его сочинении «Вновь преображенная Россия, или Жизнь Екатерины Второй».

В руки немецкой читающей публики попали переиздания документов о торговой политике Петра, как, например, сочиненная русским резидентом в Гамбурге Иоганном Фридрихом Бёттигером (1659–1739) декларация о свободной торговле в Северном и Балтийском морях [117, 118]. Историк и юрист из Йены Бурхард Готхельф Струве (1671–1738) сделал доступным на немецком языке Соборное уложение, вве-

денное в действие царем Алексеем Михайловичем в 1649 году, поскольку иностранные чиновники, офицеры и купцы, осуществляющие свою деятельность в России и ее прибалтийских провинциях, нуждались в информации о применяемых в России правовых нормах. При жизни царя Петра были опубликованы изданные им законы, такие как «Духовный регламент» 1721 года, разработанный Феофаном Прокоповичем и переведенный на немецкий язык Иоганном Готхильфом Фоккеродтом, а также «Правда воли монаршей» в определении наследника престола 1722 года, нашедшая значительный отклик в Европе, сочиненное Петром Павловичем Шафировым (1669–1739) изложение причин, приведших к Великой Северной войне, которое появилось как раз в то время, когда начались мирные переговоры со Швецией [119, 120, 121, 122, 123, 124].

Публикации о Петре I эпохи Просвещения

Журналист и историк Давид Фасманн (1683–1744), по его свидетельству лично встречавшийся с Петром I в 1711 году в Обервизентале, в традициях «Диалогов» Лукиана и Фонтенеля ввел в политическую публицистику так называемые «свидания» (entrevue) – привлекавшие общественное внимание «разговоры в царстве мертвых» двух исторических личностей [125, 126, 127]. В 1733 году в третьем томе «Большого полного универсального лексикона», изданного лейпцигским книготорговцем Иоганном Генрихом Цедлером (1706–1751), появились многочисленные статьи о России, царе Петре I и личностях, связанных с его деятельностью [128]. Справочник, изданный с 1732 по 1754 год в 64 регулярных и четырех дополнительных томах в Галле и Лейпциге, содержал в общем около 300 000 статей примерно на 68 000 страницах в формате фолианта. 80 000 записей были посвящены отдельным личностям [129, 130]. В нем уже на немецком, а не на латынском языке, были представлены широкой аудитории научные знания того времени.

Даже после 1725 года появлялись многочисленные публикации о царе Петре Великом [131, 132, 133]. Работавший в Виттенберге государствовед и юрист Мартин Гассен (1677–1750) пытался в своем труде «Истинная политика в определенных государственных принципах» применить учение Христиана Вольфа об «Общем благе» к измененной Петром I России и пропагандировать его реформы [134, 135]. Пе-

тер Гофманн показал, как находящиеся в дружеских отношениях и состоящие в переписке друг с другом ученые Антон Фридрих Бюшинг (1724–1793) из Штадтхагена и Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) из Херфорда сопровождали с критикой появление сочиненного по заданию российского двора биографического труда Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» [136, 137, 138], немецкая редакция которого была издана Бюшингом в 1761–1763 годах [139].

Богослов из Галле Иоганн Соломон Землер (1725–1791), представитель «неологии» в немецкой протестантской теологии эпохи Просвещения, переработал объемный том о России и Польше издаваемой с 1736 года в Великобритании «Всеобщей истории», перспективного проекта издательства Гебауэр в Галле [140, 141, 142], и снабдил его многочисленными ссылками на новую литературу.

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), некоторое время работавший в школе в Риге и бывший российским подданным, но в отличие от Г.В. Лейбница хорошо знавший реальное положение в стране, на протяжении своей жизни скептически отзывался о царе Петре I и последствиях его преобразований для царской империи: Россия была преобразована только внешне; ее население в большинстве своем просвещением не охвачено; Санкт-Петербург построен в неправильном месте [143, 144].

Большие заслуги в деле издания источников о царе Петре I имеют Хартвиг Людвиг Христиан Бакмейстер (1730–1806) и Якоб фон Штелин (1709–1785) [145, 146, 147]. Князь М.М. Щербатов (1733–1790) по инициативе Екатерины II издал в 1768 году на русском языке Журнал Петра Великого, принц Генрих Прусский привез его в 1771 году своему брату королю Фридриху II, интересовавшимся деяниями царя Петра I. Тот, в свою очередь, дал своему академическому секретарю Жану Анри Самюэлю Формею (1711–1797) поручение, чтобы русским студентом Симоном Щепотьевым был осуществлен для него перевод Дневника на французский язык. В конце концов, вышло сразу два немецкоязычных издания, причем перевод с русского на французский и затем на немецкий язык привел к серьезным искажениям многих немецких названий населенных пунктов и фамилий [148, 149, 150, 151].

Ведущий государственный деятель в герцогстве Ольденбургском, состоявшем в родстве с царским домом, Герхард Антон фон Галем

(1752–1809), типичный представитель позднего Просвещения, написал биографию царя Петра I, а также бывшего смотрителя дамб и плотин в Ольденбурге, а позднее российского генерал-фельдмаршала Бурхарда Христофора фон Миниха (1683–1767) [152, 153, 154, 155].

Царь Пётр на немецкой сцене и в литературных переработках

В то время как в немецком переводе вышла трагедия французского писателя Клода Жозефа Дората (1734–1780) «Петр Великий», богослов и писатель-сатирик Кристиан Готтлоб Хемпель (1748–1824) создал немецкую музыкальную драму об этой исторической личности, а Кристиан Фридрих Шервинцкий (1752–1809), ректор из ливонского Пернау, – эпическо-лирический опус [156, 157, 158]. Переведенный на немецкий язык исторический очерк русского писателя и драматурга Александра Петровича Сумарокова (1717–1777), а также драмы известного в Южной германии и в Австрии театрального писателя Жозефа Мариуса фон Бабо (1756–1822) и силезца Эрнста Беньямина Соломона Раупаха (1784–1852), дружившего с великой герцогиней Веймарской Марией Павловной, ярко продемонстрировали немецкому читателю, какой опасности могла подвергаться самодержавная форма правления из-за неконтролируемых действий своих противников [159, 160, 161]. В своих трагедиях «Заговор против Петра Великого» (1795), «Александр Меншиков» (1794) и «Девушка из Мариенбурга» (1795), а также «Мир на Пруте» (1799), являющейся продолжением этой драмы, работавший в Габсбургской империи масон Франц Краттер (1758–1830) представил полный цикл имевших успех у публики пьес о событиях царствования Петра I. Речь шла об удивительном возвышении А.Д. Меншикова и бывшей ливонской служанки и второй царской супруги Екатерины Алексеевны (1684–1727), а также о спасении царя при заговоре стрельцов в 1697 году и от неминуемой гибели в войне с турками в 1711 году [162, 163, 164, 165, 166, 167]. Генрих Чокке (1771–1848) из Магдебурга продолжил легенду, согласно которой принцесса Шарлотта Кристина София Вольфенбюттельская не умерла в России в 1715 году, а была похоронена только для видимости, эмигрировала в Луизиану и по возвращении во Францию была признана маршалом Морицем Саксонским [168, 169].

***Царь Пётр I в дебатах XIX века.
Карл Маркс и Фридрих Энгельс о внешней политике
русского царизма***

В период от Венского конгресса 1815 года и до революции 1848–1849 годов интерес немецкой буржуазной читающей публики к биографии царя Петра I был огромным. Один за другим публиковались писания пасторского сына из Риги Вениамина фон Бергмана (1772–1856), жившего в городке Тауха близ Лейпцига городского историка Карла Гроссе (1806–1860), сегодня уже совсем неизвестного биографа К.Ф. Райха, а также филолога и переводчика Вильгельма Биндера (1810–1876) [170, 171, 172, 173]. Официальная, ориентированная на доктрину министра образования Сергея Семеновича Уварова, «История России» Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870) появилась в переводе на немецкий язык Эдуарда Видемана в то самое время, когда правил женатый на прусской принцессе царь Николай I, и часть политически активной немецкой общественности уже начала выступать против консервативного русского царизма [174].

Карл Маркс (1818–1883) в полемическом сочинении «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (1856–1857) и Фридрих Энгельс (1820–1895) в серии статей «Внешняя политика русского царизма» (1890) придерживались взгляда, что со времени правления Петра I царская Россия оказывала значительное влияние на раннекапиталистическую Англию, экспортируя в это островное государство необходимые для судостроения и развития британского торгового флота товары (железо, деготь, пеньку и другие) [175, 176, 177]. Согласно их концепции, в качестве главного противника социалистического рабочего движения второй половины XIX века представлен британский либерализм, выдаваемый за силу, наиболее тесно связанную с консервативным русским царизмом. «Разоблачения» Карла Маркса и некоторые статьи Фридриха Энгельса, касающиеся славянства, до 1989 года подвергались цензуре и запрету в странах социализма, в Советском Союзе и ГДР.

Это должны были учитывать те советские историки, которым необходимо было в качестве основы использовать оценки «классиков» Маркса и Энгельса, однако в своих исследованиях по внешней политике последнего периода жизни Петра I приходили к выводу, что Анг-

лия скорее наоборот была готова противодействовать влиянию Петра I в Балтийском регионе и направляла флот под командованием адмирала Джона Норриса к берегам российских провинций на Балтике, который при определенных условиях был готов атаковать царские войска [178, 179, 180]. Со времен наполеоновских войн вошло в обращение сфабрикованное задним числом «Завещание Петра Великого», которое в антирусской пропаганде Западной Европы служило доказательством предполагаемых экспансионистских целей царя [181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188].

Исследования периода первой империи и Веймарской республики

Уже опубликованная в 1823–1830 годах биография Петра I Вениамина фон Бергмана продемонстрировала, что прибалтийские провинции России, Лифляндия, Эстония и Курляндия, должны рассматриваться в качестве места сосредоточения знаний о Петре I. Карл Ширрен (1826–1910), преподававший в Дерпте русскую историю, был автором полемического сочинения «Ливонский ответ Юрию Самарину» (1869), направленного против попыток известного славянофила упразднить автономию прибалтийских провинций. Ширрен, правда, активно занимался историей Северной войны. Однако его исследования по этой теме были опубликованы в Киле только после его смерти в 1913 году [189, 190]. Как на русском, так и на немецком языке были изданы многочисленные монографические и биографические работы родившегося в Санкт-Петербурге историка Александра Брикнера (1834–1896), учившегося у Иоганна Густава Дройзена в Гейдельберге и Йене, а также в Берлине у Леопольда фон Ранке, и работавшего до 1891 года в Императорском Дерптском университете, прежде чем он был вынужден бежать от начинающейся там кампании «русификации» сначала в Казань, а затем в Йену [191, 192, 193, 194, 195, 196].

Историк Эрнст Германн (1812–1884), ученик Леопольда фон Ранке, работавший до конца своей службы в Марбургском университете, продолжил «Историю русского государства», начатую Филиппом Штралем (1781–1840), завершив в 1849 году изложение эпохи правления Петра I [197, 198]. При подготовке своих исторических трудов Германн работал также в Королевском архиве в Дрездене. Его «Современные сообщения по истории России», изданные в 1872 и 1880 го-

дах, включают сообщения о России секретаря прусского посланника Иоганна Готхильфа Фокеродта (1693–1757) и австрийского дипломата Отто Плейера, а также донесения уже упоминавшегося ганноверского посланника Фридриха Христиана Вебера о кончине царевича Алексея Петровича [199, 200].

Карл Штелин (1865–1939), потомок члена Петербургской академии Якоба фон Штелина, из наследия которого он публиковал материал по истории России XVIII века, трудился на созданной в 1892 году кафедре восточноевропейской истории в университете Фридриха Вильгельма в Берлине. Однако самостоятельные исследования источников, относящихся к петровской эпохе, Штелин почти не производил [201, 202, 203, 204].

Список использованных источников и литературы

1. *Lortzing A. Zar und Zimmermann. Komische Oper in 3 Akten.* Leipzig, 1838.
2. *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в первой половине XVIII века: социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1981.
3. *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII веке. Учеб. пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1989.
4. *Болтунова Е.М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011.
5. *Brückner A. Der Zarewitsch Alexei (1690 bis 1718).* Heidelberg, 1880.
6. Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der «Balance of Power» und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts / hrsg. von Iskra Schwarcz. Berlin; Münster; Wien u. a., 2019.
7. Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича: Сб. / сост. Р.И. Беккин; под науч. ред. и с коммент. Е.В. Анисимова. СПб., 1996.
8. *Лебедева И.Н.* Библиотека царевича Алексея Петровича // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 56–64.
9. *Анисимов Е.В.* Петр Первый: благо или зло для России? М., 2017.
10. Manifest, oder umständliche Nachricht von der in Moscau den 3/14. Februar 1718 geschehenen Renunciation und Degradierung Ihrer Hoheit des Czarowitzen Alexii Petrowitz und Ihro Hoheit dem jüngeren Czarowitzen Peter Petrowitzen hinwiederum conferirten Succession auf die Monarchie von Groß-Rußland. Franckfurt; Leipzig, 1718.
11. Acta des Inquisitions-Processes, So zu St. Petersburg Wider den Czaarowitz, Herrn Alexium Petrowitz, Im Jahr 1718 angestellet, Und wodurch derselbe allerhand schwerer Verbrechen überwiesen, auch folglich zum Thode verurtheilet worden [...]. Aus dem Rußischen ins Französische, und ferner aus diesem treulich ins Teutsche übersetzt. S. I., 1718.

12. *Toze E.* Don Carlos und Alexei. Luines und Buckingham. Ein Versuch in verglichenen Lebensbeschreibungen. Greifswald, 1776.
13. *Schleussing G.A.* Anatomia Russiae deformatae. Das ist Beschreibung des Moßkowiter oder Reußlandes, wie es sich anjetzo unter der Regirung zweener Zaaren oder Groß-Fürsten Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüdern, eigentlich befinde [...]. Zittau, 1688.
14. *Schleussing G.A.* Derer Beyden Czaaren im Reußlande Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüdern/ Nebst dero Schwester der Princessin Sophia, Wißhero Drey-fachgeführter Regiments Stab/ Worbey die Beschreibung des zuvor wilden Sieverriæ, und derer Reiche Casan, Astrachan, Ceremissæ, Circassiæ [...]. S. I., 1694.
15. *Kaempfer E.* Rußlandtagebuch (1683) / Hrsg. von Michael Schippan. München, 2003.
16. *Brückner A.* Fürst W.W. Golicyn (1643–1714). Eine biographische Skizze // Russische Revue. 1878. № 13. S. 193–223, 289–320.
17. *Danilov N.N.* Vasilij Vasil'evič Golicyn (1643–1714) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1937. №2. S. 539–596.
18. *Brückner A.* Laurentius Rinhuber. Ein Beitrag zur Geschichte Rußlands im 17. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1884. № 52. S. 193–253.
19. *Brückner A.* Beiträge zur Kulturgeschichte Rußlands im 17. Jahrhundert. Leipzig, 1887.
20. *Dumschat S.* Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. 67). Stuttgart, 2006. S. 426–430.
21. *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Rußland vom Jahre 1661 bis 1699. Zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M.A. Obolenski und M.C. Posselt. Moskau, 1849–1853.
22. *Blum K.L.* Franz Lefort, Peters des Großen berühmter Günstling. Heidelberg, 1867.
23. Schätze aus dem Kreml. Peter der Große in Westeuropa. Staatliche Museen des Moskauer Kreml – Übersee-Museum Bremen. Bremen, 1991.
24. Zar Peter der Große in Copenbrügge. Festschrift zum 300jährigen Jubiläum. Matzow; Hameln, 1997.
25. *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 57). Wiesbaden, 2000.
26. *Blome A.* Die Westeuropareise Peters I. von 1697/98 im Spiegel der zeitgenössischen deutschen Presse // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Rußlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / hrsg. von Boris Meissner, Alfred Eisfeld. Köln, 1996. S. 25–33.

27. *Blome A.* Die zweite Westeuropareise Zar Peters im Spiegel der zeitgenössischen Presse // Zar Peter der Große. Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717. Auf europäischer Bühne / hrsg. von Dieter Alfter. Hameln, 1999. S. 69–86.

28. *Juncker Chr.* Curieuser Geschichts-Kalender/ darinnen die merkwürdigsten Geschichten des Groß-Fürstenthums Rußlands oder Moßcoviens von Anno 840. An biß 1697 [...]. Leipzig, 1697.

29. *Berndt C.* Leben und Wirken von Christian Juncker (1668–1714). Pädagoge, Historiograph der Wettiner, Luther-Biograph, Numismatiker, Übersetzer und Bibliothekar. Bad Langensalza, 2017.

30. *Acxtelmeier S.R.* Das Muscowitisch Prognosticon. Oder der Glorwürdige Czaar Peter Alexowiz. Von der gewachsenen Russischen Macht von dem Tyrann Jwan Wasilowiz, biß unter hochsterwehnte Czaarische Majestät deren umständliche Kriegs-Anstalten ihr das Orientalische Reich und dero Patriarchen Sitz Constantinopel versprechen. Augsburg, 1698.

31. Ausführlicher Bericht/ Von allem dem/ was bey Einholung und Aufnehmung der Moscowitischen Groß-Gesandtschaft vorgegangen/ Welche Die itzt-regierende Czarische Majestät/ Peter Alexiewitz/ an Se. Churfürstl. Durchl. Zu Brandenburg/ Friederich den Dritten/ abgeschicket : Geschehen zu Königsberg in Preußen/ Im Jahr 1697. S. I., 1697.

32. *Besser J. von.* Einholung der Moscowitischen Groß-Gesandtschaft [...] // Des Herrn von Besser Schrifften [...]. Ausgefertiget von Johann Ulrich König. Th. 2. Leipzig, 1732. S. 539–557.

33. *Forstreuter K.* Ein Bericht über die Reise Peters des Großen durch Preußen im Jahre 1697 // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1934. № 10. S. 454–462.

34. Der Königsberger Traktat zwischen Zar Peter d. Gr. und Kurfürst Friedrich III. von Brandenburg von 1697 // Die landesgeschichtliche Bedeutung der Königsberger Königskrönung von 1701 / hrsg. von Bernhart Jähmig (Tagungsberichte der Historischen Kommission für Ost- und Westpreussische Landesforschung. 18). Marburg, 2004. S. 33–38.

35. *Frencel M.* Die Zueignungsschrift Frencels für Peter I. wird wiedergegeben // Serbska Čitanka. Sorbisches Lesebuch / hrsg. von Kito Lorenc. Leipzig, 1981. S. 38–40.

36. *Knauth Chr.* Derer Oberlausitzer Sorberwenden umständliche Kirchengeschichte, darinnen derselben Heidenthum, Bezwingung zur christlichen Religion, derselben erste Beschaffenheit, evangelische Reformation und folgender Zustand des Christenthums [...] und dann der wendischen Sprache Geschichte und Bücher [...] ordentlich und deutlich beschrieben. Görlitz, 1767.

37. *Knauth Chr.* Derer Oberlausitzer Sorberwenden umständliche Kirchengeschichte / hrsg. von N.R. Olesch (Mitteldeutsche Forschungen. 85). Köln; Wien, 1980.

38. *Korb J.G.* Diarium Itineris In Moscoviam Perillustris ac Magnifici Domini Ignatii Christophori Nobilis Domini De Guarient, & Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis [...] Ab Augustißimo [...] Romanorum Imperatore Leopoldo I. Ad Serenißimum [...] Tzarum, & Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium [...]. Wien, 1700.

39. *Dukmeyer F.* Korbs Diarium Itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moskowitzisch-russischen, österreichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Großen. Berlin, 1909–1910 (Nachdruck: Vaduz, 1965).
40. *Korb J.G.* Tagebuch der Reise nach Russland. Hrsg. und eingeleitet von Georg Korb. Übersetzt und mit Anmerkungen versehen von Edmund Leingärtner. Graz, 1968.
41. *Brockmann O.* Der Bruch Peters des Großen mit Alt-Moskau. Korbs Diarium und Diplomatenberichte aus Moskau zu den Ereignissen der Jahre 1698 und 1699 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1990. № 38. S. 481–503.
42. *Griesse M.* Der diplomatische Eklat um das Gesandtschaftstagebuch von Johann Georg Korb (1700/01). Ein Zusammenstoß unterschiedlicher frühneuzeitlicher Bildkulturen? // Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa. / Hrsg. von Gunda Barth-Scalmani, Harriet Rudolph und Christian Steppan. Innsbruck, 2013. S. 87–124.
43. *Korzun S.* Heinrich von Huysen (1666–1739). Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen (Jabloniana. Quellen und Forschungen zur europäischen Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit 3). Wiesbaden, 2013.
44. *Korzun S.* Heinrich von Huysen (1666–1739) als Hofmeister des russischen Thronfolgers Aleksej // Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der «Balance of Power» und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts. Hrsg. von Iskra Schwarcz. Berlin / Münster / Wien u. a., 2019. S. 199–212.
45. [*Neugebauer M., von*]. Vertrautes Schreiben Eines Vornehmen Teutschen Officirs An eines gewissen Hohen Potentatens Geheimen Rath, Von den Jetzigen Conjunctionen in Moscau [...]. S. I., 1705.
46. [*Huysen H., von*]. Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügenhaften Pasquils, welches unter dem Titul: Vertrautes Schreiben eines vornehmen deutschen Officiers [...] ans Licht gekommen. S. I., 1706.
47. Exacte Relation von der Von Sr. Czaarschen Majestät Petro Alexiowitz, [...] an dem grossen Newa Strohm und der Oost-See Neu erbaueten Vestung und Stadt St. Petersburg. Wie auch von dem Castel Cron Schloß und derselben umliegenden Gegend, Ferner Relation von den Uhralten Rußischen Gebrauch der Wasser Weih und Heiligung [...]. Leipzig, 1713.
48. Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-See neuerbaueten russischen Residentz-Stadt St. Petersburg [...]. Frankfurt; Leipzig, 1718.
49. Czaar Peter der Große, in Freyberg am 22 Sept. 1711 // Freyberger gemeinnützige Nachrichten für das Chursächsische Erzgebirge. 1806. №2 (9. Januar). S. 9–10; № 4 (23. Januar). S. 25–27; № 5 (30. Januar). S. 34–35.
50. *Jacobi S.* Die Americanische wunderschöne Aloe, welche 1712 zum Preiß des Königlichen Hauses und Zu Bewunderung Petri Alexiewitz, Kaysers und Souverainen Beherrschers aller Russen. Zu Cöpenick Mit 7277 Blumen im 44sten Jahre ihres Alters geblühet. Berlin, 1712.

51. [Bayreuth W., von]. Mémoires de Frédérique Sophie Wilhelmine, Margrave de Bayreuth, soeur de Frédéric le Grand. Depuis d'année 1706 jusq'à 1742. Ecrit de sa main. Braunschweig, 1810.

52. Eine preußische Königstochter. Glanz und Elend am Hofe des Soldatenkönigs in den Memoiren der Markgräfin Wilhelmine von Bayreuth. Aus dem Französischen übersetzt und 1910 hrsg. von Annette Kolb. Neu hrsg. von Ingeborg Weber-Kellermann. Mit zahlreichen Illustrationen von Adolph Menzel und sieben zeitgenössischen Porträts. Frankfurt am Main, 1988.

53. Эпизод из посещения Берлина Петром Великим, рассказанный маркграфиней Вильгельминой Байрейтской в ее мемуарах // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи / сост., вступ. статья и примеч. Е.В. Анисимова. СПб., 1993. С. 154–158.

54. Искюль С.Н. Визит Петра I в Берлин по воспоминаниям прусской принцессы // Петровское время в лицах – 2014: к 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): материалы научной конференции. СПб., 2014 (Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 73). С. 188–195.

55. [Прусская Ф.-С.-В.] Воспоминания Фредерики Софии Вильгельмины, маркграфини Байрейтской, сестры Фридриха Великого, с 1706 по 1742 г., написанные собственной ее рукою // Пётр I / сост., вступ. ст., примеч.: Я.А. Гордин. СПб., 2018.

56. Kurtze Relation von der erbärmlichen Einäscherung der Pommerschen Städte Gartz und Wolgast/ Als dieselbe respective am 16. und 27. Martii Anno 1713. Von den Barbarischen Moscowitern kläglich in Asche geleet worden. Nebst einer Merckwürdigen Prophezeyhung Simonis Pauli. SS. [...] Vom Verlauff des gegenwärtigen Moscowitischen Krieges, der Nachwelt zum Andencken entworffen. Im Jahr MDCCXIII in April. S. I., 1713.

57. Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половины XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 16–30.

58. Lindemann M. Die Heiraten der Romanows und der deutschen Fürstenhäuser im 18. und 19. Jahrhundert und ihre Bedeutung in der Bündnispolitik der Ostmächte. Berlin; Bonn, 1935.

59. Russland und der Westen – Beziehungen durch drei Jahrhunderte. Das Beispiel Niedersachsen 1493–1796. Bearbeitet von Manfred von Boetticher, Swetlana R. Dolgowa. Hannover, 1993.

60. Russlands Blick nach Nordwestdeutschland. Politisch-dynastische Beziehungen vom 16. bis zum frühen 20. Jahrhundert im Spiegel von Dokumenten aus dem Niedersächsischen Landesarchiv / hrsg. von Gerd Steinwascher (Veröffentlichungen des Niedersächsischen Landesarchivs. 2). Göttingen, 2018.

61. Die Gottorfer auf dem Weg zum Zarenthron. Russisch-gottorfische Verbindungen im 18. Jahrhundert. Eine russisch-schleswig-holsteinische Archivausstellung im Landesarchiv Schleswig-Holstein, Prinzenpalais Schleswig, vom 12. Juni bis 26. Sep-

tember 1997 / hrsg. von Michail Lukitshev und Reimer Witt unter Mitwirkung von Svetlana Dolgova. Schleswig, 1997.

62. *Grigorjan V.G.* Die Romanows und die Mecklenburger Fürsten. Verwandtschaftliche Verflechtungen und Schicksale. Schwerin, 2007.

63. *Böhmer J. Chr.* Programma Orationi Panegyricæ Qua Augustum Connubium Serenissimi Principis Ac Domini Alexii Petridis Imperii Russici Hæredis Et [...] Charlottæ Christianæ Sophiæ Ducis Brunsvicensis Ac Luneburgensis Publico Academiae Juliæ Nominine Celebratur Præmissum. Helmstedt, 1711.

64. *Böhmer J. Chr.* Als der Durchleuchtigste Fürst [...] Herr Alexius Petrowitz, Cron-Printz und Groß-Fürst des grossen und kleinen Rußlandes, mit der Durchleuchtigsten Fürstin [...] Charlotten Christianen Sophien, gebohrner Hertzogin zu Braunschweig und Lüneburg, nach Dero ohnlängst in Torgau vollenzogenen Beylager, Den 3 November 1711 in Braunschweig glücklich wieder zurück kamen, hat den 10ten jetzt besagten Monats Beyden hohen Vermählten im Nahmen der Julius-Universität unterthänigst glückwünschen sollen [...]. Helmstedt, 1711.

65. *Engelbrecht J.W.* Epithalamium Serenissimi Principis Hæredis Imperii Russici &c. Alexii Petridis Et Serenissimæ Principis Brunsvico-Luneburgiæ Charlottæ Christianæ Sophiæ Faustissimo Connubio Humillime Consecratum. Helmstedt, 1711.

66. *Kätzler J.F.* Als des Durchleuchtigsten Cron-Printzen und Groß-Fürsten Des Großen und Kleinen Rußlandes/ Herrn/ Alexii Petrowitz, Hoheit/ Mit Dehro Gemahlin/ [...] Charlotten/ Christianen/ Sophien/ Gebohrner Hertzogin zu Braunschweig und Lüneburg Sich respective am 8. und 11. Nov. 1711. Von Braunschweig ab/ und auf die Reise nacher Muscovien begaben [...]. Braunschweig, 1711.

67. *Otto J.P.* Cum Serenissima Princeps Ac Domina Domina Charlotta Christina Sophia Serenissimi Principis Ac Domini, Domini Alexii Petridis Imperii Russici Hæredis Exoptatissima Coniux Comitibus Serenissimis Avo Parentibusque In Moscovia Helmstadium salutans [...]. Helmstedt, 1711.

68. *Petersen J.W.* Rußischer Liebes-Zug Bey Der hohen Vermählung Des Durchleuchtigsten Fürsten und Herrn/ Herrn Alexii Petrowitz Cron-Prinzen und Groß-Fürsten Mit Der Durchleuchtigsten Prinzeßin und Frauen/ Frn. Charlotten Christianen Sophien/ Herzogin zu Braunsch. Und Lüneburg/ Seiner gnädigsten Frauen/ Jn einem Lateinischen Helden-Gedichte besungen [...]. Helmstedt, 1711.

69. *Ponat G.L.* Aurea Statua, in memoriam auspiciarissimi Connubii, quod [...] Alexio Petrowitz Hereditario Domino Russorum &c. cum [...] Charlotta Christina Sophia, [...] communi Europae cum applausu [...]. Wolfenbüttel, 1711.

70. *Fuchs G.* Die Glückwünschende Fama, Bey dem Groß-Fürstlichen Beylager Des Allerdurchlauchtigsten und Großmächtigsten Groß-Fürstens, Alexiuvs Petrowitz [...] Mit der Durchlauchtigsten Prinzeßin, Charlotta Christina Sophia, Hertzogin zu Braunschweig und Lüneburg u. s. f. Welches Auf dem prächtigen Schloß Hartenfels, Jn der Königlichen und Chur-Sächß. Stadt Torgau D. Octobr. MD CC XI. Mit grossen Solennitäten begangen wurde [...]. Wittenberg, 1711.

71. *Fuchs G.* Sehr curiose und denckwürdige Nachricht von den Solennitäten, Cereemonien und andern notablen Sachen, so bey dem Czarowitzischen Beylager, dergleichen, weil die Welt gestanden, nicht erhöret worden, zu Torgau in Chur-Sächsischen Landesn jungsthin sich begeben [...]. S. I., 1711.

72. *Büsching A.F.* Von der Prinzeßin Charlotte Christine Sophie von Braunschweig-Wolfenbüttel, vermählt gewesenen Rußischen Kron-Prinzeßin // Anton Friedrich Büschings Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Des siebenden Jahrgangs Vierzehntes Stück. Am fünften April 1779. S. 105–116.

73. *Hahne O.* Die Hochzeit zu Torgau am 14. (25.) Oktober 1711 // Thüringisch-Sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst. 1911. № 1. S. 265–271.

74. *Hahne O.* Peter der Große in Salzdahlum und Braunschweig // Braunschweiger Magazin. 1913. № 3. S. 25–30.

75. *Helbich Chr.* «Zum Nutzen der russischen Monarchie und größern Splendor des Hauses Braunschweig-Lüneburg» – Charlotte Christine Sophie von Braunschweig-Wolfenbüttel (1694–1715) als erste westeuropäische Kronprinzessin von Russland // Russlands Blick nach Nordwestdeutschland. Politisch-dynastische Beziehungen vom 16. bis zum frühen 20. Jahrhundert im Spiegel von Dokumenten aus dem Niedersächsischen Landesarchiv. Hrsg. von Gerd Steinwäscher (Veröffentlichungen des Niedersächsischen Landesarchivs. 2). Göttingen, 2018. S. 48–70.

76. *Pisareva V.* Die Hochzeit von Zarewitsch Aleksej und Charlotte Christine von Braunschweig-Wolfenbüttel in Torgau 1711 // Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der «Balance of Power» und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts / Hrsg. von Iskra Schwarcz. Berlin; Münster; Wien u.a., 2019. S. 221–246.

77. *Hopffern S.R.E., von.* Der mit sich selbst zufriedene Cupido, bey hoher Vermählung Ihro Czarischen Majestaet, Durchlauechtigsten Cron-Printzen Alexio Petrowitz und der Durchlauechtigsten Princessin und Frauen, Frau Charlotta Christina Sophia, Hertzogin zu Braunschweig und Lueneburg, aller unterthaenigst vorgestellt. Braunschweig, [ohne Jahr].

78. *Eckhart J.G.* Abstammung Des Durchlauechtigsten Fürsten und Herrn, Hern Alexii, Gross-Czarischen Cron-Printzen und Der Durchlauechtigsten Fürstin und Frauen, Frauen Charlotten Christinen Sophien, Gebuhrner Printzessin von Braunschweig und Lüneburg von dem Griechischen Käyser Constantino Porphyrogenito. Nebst noch einer genealogischen Deduction [...]. Helmstedt, 1711.

79. *Eckhart J.G.* Origio serenissimi principis ac domini, domini Alexii principis imperii russici haereditari & ex familia guelfica, & [...] Charlottae Christinae Sophiae, principis brunsvicensis et lüneburgensis ex stirpe manorum Russiae ducum [...]. Braunschweig, 1714.

80. *Wallnig T.* Johann Georg Eckhart als Verwerter von Leibniz' historischen Kollektaneen: Geschichtsforscher in höfischen Diensten oder gelehrter Beamter? // Leibniz als Sammler und Herausgeber historischer Quellen / Hrsg. von Nora Gädeke. Wiesbaden, 2012. S. 189–210.

81. *Treuer G.S.* Apologia Pro Joanne Basilide II. Magno Duce Moscoviæ Tyrannidis Vulgo Falsoque Insimulato [...]. Wien, 1711.

82. *Treuer G.S.* Einleitung Zur Moscovitischen Historie: Von der Zeit an, da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem Grossen Reiche gediehen/ Biß auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden Anno 1617. Leipzig; Helmstedt, 1720.

83. *Treuer G.S.* Die Abstammung Des Allerdurchlauchtigsten Rußischen Käyserlich. Hauses und der Durchlauchtigsten Braunsch. Lüneb. Hertzoge Von einer Teutschen Stamm-Mutter [...]. Wolfenbüttel, 1733.

84. Kurtzer und deutlicher Beweis/ Daß Ihre Regierende Hoch-Fürstl. Durchlaucht zu Mecklenburg [...] Mit guten Fug Rechtens zu einer neuen Vermählung schreiten. S. I., 1716.

85. *Carmon J.* Unterthänigstes Prognosticon Auff die Grosse und gesegnete Vermählungs-Alliance, welche zwischen den Durchl. Fürsten [...] Carl Leopold, regierenden Hertzogen zu Mecklenburg [...] Mit der Durchl. Fürstin Catharinan Iwanownan [...] des Heren Ivan Alexiewitz, [...] den 19. April anno 1716 in Dantzig auffgerichtet worden [...] zu allertiefster Devotion gehalten. Rostock [...]. Schwerin, 1716. (Digitalisat: Rostock, 2016).

86. *Grigorjan V.G.* Die Romanows und die Mecklenburger Fürsten. Verwandtschaftliche Verflechtungen und Schicksale. Schwerin, 2007.

87. *Stieber G.F.* Historische Untersuchung des hohen Alterthums, Verwandtschaft und Ursprungs des Grosz=Czaarischen und drl. Mecklenburgischen Hauses, wobey zugleich untersucht wird: Ob die Russen und Wenden vor eine Nation zu halten seyn, oder nicht? [...]. Rostock; Leipzig, 1717.

88. *Thomas F.* Avitae Russorum atque Meclenburgensium principum propinquitatis seu consanguinitatis monstrata ac demonstrate vestigia. Gewiesene Spuhren einer uhralten Anverwandschaft, zwischen den beyden Groß=Czaarisch-Rußischen und Hertzoglich-Mecklenburgischen Hohen Häusern, nach einer zwiefachen Stamm-Taffel deutlich vor Augen geleet [...]. Rostock, 1717.

89. *Graff W.P.* Die zweite Ehe des Herzogs Karl Leopold. Ein Kulturbild aus Mecklenburg im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts // Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 60. Schwerin, 1895. S. 199–308.

90. *Scholz B.* Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägefrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Forschungen zum Ostseeraum. 5). Wiesbaden, 2000.

91. *Шольц Б.* Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской Академии // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2000. С. 105–116.

92. *Scholz B.* Die Warägerfrage in der deutschen Historiographie um die Mitte des 18. Jahrhunderts // Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Hrsg. von Dittmar

Dahlmann (Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte. 2). Göttingen, 2006. S. 201–227.

93. *Соколов С.В.* Концепции происхождения «варяжской Руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени. Екатеринбург, 2015.

94. *Шиппан М.* Рецензия на книгу: Соколов С.В. Концепции происхождения «варяжской Руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени. Екатеринбург, 2015. <https://www.recensio.net/recensionen/zeitschriften/jahrbucher-fur-geschichte-osteuropas/66-2018/3/> ReviewMonograph856288429.

95. Schlüssel zu dem Nystädtischen Frieden [...]. Nürnberg, 1722.

96. Ausführliche Beschreibung des solennen Festins, so [...] der Ruß. Ambassadeur, Fürst Dollhoroucky, wegen des zu Nystädt in Finnland mit Schweden geschlossenen Friedens am 2. Nov. 1721 in Dreßden gehalten. S. I., 1721.

97. *Schindler G.Chr.* Lob- und Danck-Schrifft über den Durch Gottes Hülff und Beystand glücklich erhaltenen Frieden/ Mit dem Czaaren von Muscow [...]. In allen Versammlungen Dero Hertzogthumbs Vor-Pommern und Fürstenthumbs Rügen verlesen. Den 9ten Januarii 1722. Greifswald, 1722.

98. *Berger F.L., von.* Politisches Bedencken über die Frage: ob der kayserliche Titel und Nahmen, ohnbeschadet Kayserl. Maj. und des Röm. Reiches allerhöchsten Würde, nicht weniger derer christlichen Könige und freyen Staaten Vorrecht und Interesse, dem Czaaren von Rußland communiciret werden könne? S. I., 1722.

99. *Otto E.* Disputatio Juris Gentium, Prima et Secunda, De Titulo Imperatoris Russorum; quam praeside Everardo Ottone [...]. Publice defendendam proponit Adam Casimir Geiler, Nassovio-Weilburgensis. Ad diem XXIV Junii, horis consuetis. Trajecti ad Rhenum. Utrecht, 1722.

100. *Eckhart J.G.* Des Käysers Maximiliani I. vorgegebener Brieff, an Basilium Iwanowitz, Groß-Fürsten der Russen, Wie solcher im Jahre 1718 [...]. Freystadt, 1723.

101. *Gundling J.P., von.* Bestand des Rußischen Kayser-Titels, wobey der von Kayser Maximilian den Ersten Anno 1514 den 4. Augusti zu Brundenach geschlossene Alliantz-Tractat gegen alle bißher gemachte nichtige Einwürrffe vertheidiget wird. Riga, 1724.

102. Der Staat von Moscau. Nürnberg, 1704.

103. *Stieff Chr.* Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Moscowitschen Reichs. Frankfurt, 1706.

104. *J. H. L. [Johann Heinrich von Lohenstein].* Des Grossen Herrens/Czars und Gross-Fürstens von Moscau/Petri Alexiewicz ... Leipzig, 1710.

105. Eine Fortsetzung des Lebens Ihro Czaarischen Majestät in Rußland Petri Alexiewitz // Curieuses Bücher-Cabinet. 1720. №5 7. S. 1–122.

106. *Robel G.* Deutsche Biographien Peters des Großen aus dem 18. Jahrhundert // Russen und Russland aus deutscher Sicht. Bd. 2. Hrsg. von Mechthild Keller (West-östliche Spiegelungen. A 2). München, 1987. S. 153–172.

107. *Гузевич И.Д., Гузевич Д.Ю., Мегорский Б.В., Болотина Н.Ю.* Возвращаемся к эпитафии Лефорта: результаты дискуссий и сотрудничества // Петровское время в лицах – 2018: К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): материалы научной конференции. СПб., 2018. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 97). С. 91–101.

108. *Perry J.* Der ietzige Staat von Rußland Oder Moscau unter ietziger Czarischen Majestät: in sich haltend Eine Beschreibung aller dererjenigen grossen und merckwürdigen Dinge[...] [Theil 1]: Wobey nicht weniger auch Eine Nachricht von derer Tartaram und andern an die Oestliche und äusserste Nordliche Theile des Czarischen Gebieths gränzenden Völcker ihrer Religion und Lebens-Art mit verschiedenen andern Anmerckungen befindlich, Welchem allen noch Eine weit accuratere Land-Cardte von Ihro Czarischen Majestät Landen beigefüget ist [...]. Leipzig, 1717.

109. *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russland. Leipzig, 1725.

110. *Prokopovič F.* Leichen-Rede Auf das Begräbniß Des Aller-Durchlauchtigsten und Großmächtigsten Petri des Großen/ Käysers und Souverains vom gantzen Rußlande/ [...] / Von dem Vice-Præsidenten des Heiligsten regierenden Synodi Dem [...] Theophane, Ertz-Bischoff von Plesco und Narva. Aus dem zun St. Petersburg den 14. Martii gedruckten Slavonischen Exemplar ins Teutsche übersetzt. S. I., 1725.

111. *Prokopovič F.* Rußlands Thränen [...]; Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt [...]. Hamburg, 1726.

112. Das ewig währende Andencken Des Nunmehr in der höchst-vergnügten Ewigkeit Lebenden Allerglorwürdigsten [...] Kaysers [...] von gantz Rußland Petri Des Ersten und Grossen, Jn einigen Kurtz-gefassten Poëtischen Gedancken [...]. Berlin, 1725.

113. *Härtel H.-J.* Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970.

114. *Königsmarck M.A. von.* Grabschrift auf Ihro Majestät / Petrum den Grossen // Martens H.R. Auserlesene Früchte Der Deutschen Poesie einiger Ober- und Nieder-Sachsen, mit Fleiß zusammen getragen. Halberstadt, 1731. S. 182–183.

115. *Weber F.Chr.* Das veränderte Rußland, In welchem die ietzige Verfassung Des Geist- und Weltlichen Regiments; Der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser; [...] Nebst verschiedenen andern bißher unbekandten Nachrichten in einem Biß 1720. gehenden Journal vorgestellt werden [...]. Frankfurt, 1720. Teil 2. Frankfurt, 1739. Teil 3. Frankfurt, 1740.

116. *Klonowski M.* Im Dienst des Hauses Hannover. Friedrich Christian Weber als Gesandter im Russischen Reich und in Schweden 1714–1739 (Historische Studien. 485). Husum, 2005.

117. *Böttiger J.F. von.* Ihro Groß-Czaarischen Majest. am 17. April St. vet. Zu St. Petersburg Abgefassete Declaration, Und wohin dero Hohe Intention, Wegen des Freyen Commercii, Jn der Nord- und Oost-See, Bey den damahligen Läuften, gerichtet sey / Auf allergnädigsten Befehl [...]. Hamburg, 1719.

118. *Fundaminski M.I.* Resident Johann Friedrich Böttiger und die russische Propaganda in der 1. Hälfte des 18. Jahrhunderts // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt / hrsg. von Erich Donnert. Bd. 3. Weimar; Köln; Wien, 1997. S. 47–60.

119. *Struve B.G.* Allgemeines Russisches Land-Recht. Wie solches auf Befehl Ihr. Czaar. Majest. Alexei Michailowcz zusammen getragen worden. [...]. Aus dem Rußischen ins Teutsche übersetzt. Nebst einer Vorrede Burchard Gotthelff Struvens. Danzig, 1723.

120. *Meiske Chr.* Das Sobornoe Uloženie von 1649 (Wissenschaftliche Beiträge Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. C: Historische Beiträge. T. 1–2. Halle (Saale), 1985.

121. [*Šafirov P.P.*] Raisonnement, was für rechtmässige Ursachen Se. Czaarische Majest. Petrus der Erste, Czaar und Kayser aller Reußen [...] gehabt, den Krieg wieder den König in Schweden, Carolum den XIIten, Ao: Christi 1700 anzufangen, und welcher von diesen beyden hohen Potentaten währenden solchen krieges mehr moderation und inclination zum Frieden gezeigt [...]. St. Petersburg, 1717.

122. Geistliches Reglement, auf hohen Befehl und Verordnung des von Gott gegebenen und mit Weißheit ausgezierten Hrn, Czaaren und Groß-Fürsten Peter des I.sten Kaysers von gantz Rußland etc. etc. und mit Bewilligung des gantzen heiligsten dirigirenden Synodi der orthodoxen rußischen Kirche [...] publicirt und gedruckt. St. Petersburg, 1721.

123. *Prokopovič F.* Das Recht des Monarchen, in willkühriger Bestellung der Reichs-Folge durch unsers großmächtigsten Landes-Herrn, Petri des Ersten [...] den 11. Febr. dieses 1722sten Jahres publicirte Verordnung festgesetzt [...]. Berlin, 1724.

124. General-Reglement für alle Reichs-Collegien und deren Bediente, welches auf Befehl Seiner Majestät Kaisers Peter des Großen 1720 in Russischer Sprache durch den Druck bekannt gemacht worden // Magazin für die neue Historie und Geographie. Hrsg. von Anton Friedrich Büsching. Theil 1. Halle, 1779. S. 109–144.

125. *Fassmann D.* Gespräche in dem Reiche derer Todten: Entrevue [...] zwischen dem vortreflichen moscowitischen Czaar, Petro Magno, und dem grossen Tyrannen, Ivan Basilowiz II., ebenfalls einem Czaaren von Moscau [...]. Entrevue 83/84: Worinnen die Histoire des Letztern [...] enthalten. Franckfurth, 1725; Entrevue 84: Worinnen der Beschluß der Historie des Letztern enthalten. Leipzig, 1725; Entrevue 85: Worinnen viele sonderbare Nachrichten, von dem Leben und der Regierung Petri Magni, mitgetheilet werden. Leipzig, 1725.

126. *Matthes E.* Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762 (Europäische Hochschulschriften. Reihe III; 135). Frankfurt a.M.; Bern; Cirencester, 1981.

127. *Suitner R.* Die philosophischen Totengespräche der Frühaufklärung (Studien zum achtzehnten Jahrhundert. 37). Hamburg, 2016.

128. *Schneider U.J.* «Rußland» in Zedlers «Universal-Lexicon» // Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik

über das Russische Reich. Hrsg. von Dittmar Dahlmann (Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte. 2). Göttingen, 2006. S. 247–269.

129. *Grosses Vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste*. Bd. 1-64. Halle; Leipzig, 1732–1750; Supplementbände 1-4. Halle; Leipzig, 1751–1754. (Reprint: Graz, 1961, 2. Aufl. 1996. Digitale Ausgabe: <http://mdz.bib-bvb.de/bigbib/lexika/zedler>).

130. *Die gesammelte Welt. Studien zu Zedlers «Universal-Lexicon»* / Hrsg. von Kai Lohsträter, Flemming Schock. Wiesbaden, 2013.

131. *Martini Chr.* Nachricht aus Rußland, von dessen 1. Kirchen-Geschichte; 2. Kleinem Boote, als der Gelegenheit zur Flotte; 3. Im Jahr 1727 entdeckten Zusammen-Verschwörung; 4. Nebst einer Erklärung verschiedener russischer merckwürdiger Sachen. Frankfurt; Leipzig, 1731.

132. *Moscovia gloriosa*. Das unter dem Allerdurchlauchtigsten großmächtigsten und unüberwindlichsten Kayser und Selbsthalter aller Reussen, Petro I. oder Grossen, höchst-glücklichst blühende Moscau [...]. 2. vermehrte Auflage. Erfurt, 1742.

133. *Stackelberg B.G. von*. Lobrede auf Peter den Großen, Kayser von Rußland, und Dessen unsterbliche Verdienste um seine Nation, in der Königl. Deutschen Gesellschaft zu Göttingen am 10ten Junius 1750. öffentlich gehalten [...]. Göttingen, 1750.

134. *Hassen M.* Die wahre Staats-Klugheit/ In gewissen Staats-Grund-Sätzen. Nach einer vorangesetzten Eintheilung und/ Ordnung vollständig vorgetragen/ und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten/ Exempel Des Rußischen Kaysers/ Peter des Grossen [...]. Leipzig, 1739.

135. *Schippan M.* Zar Peter I. von Rußland und Wittenberg // 700 Jahre Wittenberg. Stadt – Universität – Reformation. Im Auftrag der Lutherstadt Wittenberg hrsg. von Stefan Oehmig. Köln; Weimar; Wien, 1995. S. 535–544.

136. *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18. Jahrhundert*. Briefwechsel Anton Friedrich Büsching – Gerhard Friedrich Müller 1751–1783 / hrsg. von Peter Hoffmann in Verbindung mit Valerij Ivanovič Osipov † (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. XXXIII). Berlin, 1995.

137. *Hoffmann P.* Anton Friedrich Büsching (1724–1793). Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung (Aufklärung und Geschichte). Berlin, 2000.

138. *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands (Herforder Forschungen. 19). Frankfurt am Main; Berlin u. a., 2005.

139. *Voltaire*. Geschichte des rußischen Reichs unter Peter dem Grossen / hrsg. von Anton Friedrich Büsching [Übers.] Johann Michael Hube. Th. 1–2 in einem Bd. Frankfurt, 1761–1763.

140. *Semler J.S.* Uebersetzung der Allgemeinen Welthistorie, die in Engeland durch eine Gesellschaft von Gelehrten angefertigt worden [...] / genau durchgesehen und mit häufigen Anmerkungen vermeret von Siegmund Jacob Baumgarten. Theil 29: Historie der neuern Zeiten. 11. Halle, 1765.

141. *Wagne D.E.* Allgemeine Weltgeschichte: von der Schöpfung an bis auf gegenwärtige Zeit [...]. ausgefertigt von Wilhelm Guthrie, Johann Gray, und andern [...].

berühmten Gelehrten. Aus dem Englischen übersetzt. Bd. 16, Abteilung 7: Welche die Geschichte des russischen Reichs, von seiner Stiftung an, bis zum Aussterben des von dem Errichter desselben, Rurik, entsprossenen Regentenstammes, enthält [...]. Leipzig, 1786; Bd. 16. Abteilung 8: Welche die Erlöschung des rurikschen Regentenstammes bis zum Tode Kaisers Peters II., d. i. von 1598 bis 1730, enthält. Leipzig, 1787.

142. *Schippan M.* Russland in der Hallenser Ausgabe der englischen «Universalgeschichte» von 1765 // Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. / Hrsg. von Dittmar Dahlmann (Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte. 2). Göttingen, 2006. S. 43–67.

143. *Herder J.G.* Adrastea. Herders Werke. 14. Teil / hrsg. von Heinrich Düntzer. Berlin, 1879. Kapitel 39.

144. *Schippan M.* Peter der Grosse und Großfürst Aleksej Petrovič – eine historische Alternativsituation in den Werken der deutschen Aufklärer Eobald Toze und Johann Gottfried Herder (рукопись, в печати).

145. *Stählin J. von.* Originalanekdoten von Peter dem Großen: Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen. Leipzig, 1785.

146. *Stählin J. von.* Originalanekdoten von Peter dem Großen. Mit einem Nachwort von Martin Winkler und Anmerkungen von Anton Ritthaler. München, 1968.

147. *Stählin J., von.* Originalanekdoten von Peter dem Großen. Hrsg. und Bearbeitung des Textes von Ulf Lehmann. Leipzig, 1988.

148. *Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698 jusqu'à conclusion de la paix de Neustadt.* Traduit de l'original russe; Imprimé d'après les mss. Corrigés de la propre main de sa majeste imperiale, qui sont aux archives [Préface de l'ed. Russe: Pr. Michel Schtscherbatow. Avertissement de l'ed. Formey]. Berlin, 1773.

149. *Tagebuch Peters des Großen vom Jahre 1698 bis zum Schlusse des Neustädter Friedens aus dem Russischen Originale übersetzt, so nach denen im Archive befindlichen und von Seiner Kayserlichen Majestät eigenhändigen ergänzten Handschriften gedruckt worden.* Berlin; Leipzig, 1773.

150. *Bacmeister H.L.Chr.* Beyträge zur Geschichte Peters des Großen Th. 1–2.: Tagebuch Peters des Großen in einer deutschen Übersetzung. Riga, 1774; Th. 3: Beilagen zu dem Tagebuche Peters des Großen, meistens aus dem Russischen übersetzt. Riga, 1784.

151. *Lauch A.* Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der Aufklärung. Zum Wirken von H. L. Ch. Bacmeister. Berlin, 1969.

152. *Halem G.A. von.* Leben Peters des Großen. Bd. 1–3. Münster, 1803–1804.

153. *Ziessow K.-H.* Russland als Hoffnungsmacht Europas. Gerhard Anton von Halem und seine Biographie Peters des Großen von 1803 // Frühe Neuzeit. Festschrift für Ernst Hinrichs. Hrsg. von Karl-Heinz Ziessow. Bielefeld, 2004. S. 351–377.

154. *Halem G.A. von*. Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen General-Feldmarschall B. C. Grafen von Münnich. Oldenburg, 1803. (Nachdruck: Neukirchen, 2008).
155. *Randig Chr.* Aufklärung und Region. Gerhard Anton von Halem (1752–1819). Publikationen – Korrespondenzen – Sozietäten. Göttingen, 2007.
156. *Dorat C.J.* Peter der Große. Ein Trauerspiel aus dem Französischen des ehemaligen Mousquetairs Herrn Dorat. Nebst einem merkwürdigen Fragment: Der Czarowitz von Battan. Offenbach am Main, 1777.
157. *Hempel Chr.G.* Peter der Große, Kayser von Rußland: Ein musikalisches Drama in fünf Aufzügen. Leipzig, 1780.
158. *Scherwinzky Chr.F.* Peter der Große. Ein episch-lyrischer Versuch. Riga, 1791.
159. [*Sumarokov A.P.*] Der erste und wichtigste Aufstand der Strelitzen in Moskau, im Jahr 1682 im Maymonate. Riga, 1772.
160. *Babo J.M. von*. Die Strelitzen. Ein heroisches Schauspiel in vier Aufzügen, nach einer wahren russischen Begebenheit. S. I., 1790.
161. *Raupach E.B.S.* Die Fürsten Chawansky // Raupach E.B.S. Dramatische Dichtungen. 2., verbesserte Ausgabe. Liegnitz, 1821.
162. *Kratter F.* Die Verschwörung wider Peter den Großen. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Frankfurt, 1794.
163. *Kratter F.* Alexander Menzikof. Ein Trauerspiel. Augsburg, 1794.
164. *Kratter F.* Menzikof und Natalia. Ein Schauspiel in fünf Aufzügen. Wien; Leipzig, 1797.
165. *Kratter F.* Die Verschwörung wider Peter den Großen. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Frankfurt am Main, 1794.
166. *Kratter F.* Das Mädchen von Marienburg. Ein fürstliches Familiengemälde in fünf Aufzügen. Frankfurt, 1795.
167. *Schippam M.* Ernst Glück und Katharina I // «Mach dich auf und werde Licht – Celies nu, topi gaišs». Zu Leben und Werk Ernst Glücks (1654-1705). Akten der Tagung anlässlich seines 300. Todestages vom 10. bis 13. Mai 2005 in Halle (Saale) / hrsg. von Christiane Schiller, Māra Grudule (Fremdsprachen in Geschichte und Gegenwart. Bd. 4). Wiesbaden, 2010. S. 111–142.
168. [*Zschokke H.*] Die Prinzessin von Wolfenbüttel. Vom Verfasser des Alamontade. Erstes Bändchen. Zürich, 1804. Neue Ausgabe: Wolfenbüttel, 2011.
169. *Schwarcz I.* Die Prinzessin Charlotte Christine von Braunschweig-Wolfenbüttel: Geschichte und Legende // Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der «Balance of Power» und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts. / hrsg. von Iskra Schwarcz. Berlin; Münster; Wien u. a., 2019. S. 319–336.
170. *Bergmann B., von*. Peter der Große als Mensch und Regent. Bd. 1–6. Königberg; Riga; Mitau, 1823–1830.

171. *Grosse K.* Peter der Grosse in seinem Leben und Wirken. Ein Beitrag zur Geschichte des Wachstumes und der Versittlichung des russischen Reiches und Volkes. Bd. II. Meissen, 1836.
172. *Reiche K.F.* Peter der Grosse und seine Zeit. Leipzig, 1841.
173. *Binder W.* Peter der Große Alecejewitsch und seine Zeit. Nach den vorzüglichsten Quellen bearbeitet. Reutlingen, 1844.
174. *Ustrjalov N.* Geschichte Rußlands. Bd. I–II. Stuttgart, 1840–1843.
175. *Marx K.* Die Geschichte der russischen Geheimdiplomatie des 18. Jahrhunderts. Über den asiatischen Ursprung der russischen Despotie. Mit Kommentaren von Bernd Rabehl. 2. Aufl. Berlin, 1978.
176. *Marx K., Engels F.* Rußlands Drang nach Westen. Der Krimkrieg und die europäische Geheimdiplomatie im 19. Jahrhundert (Manesse Bibliothek der Weltgeschichte). Zürich, 1991.
177. *Engels F.* Die auswärtige Politik des russischen Zarentums // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA) / hrsg. von der Internationalen Marx-Engels Stiftung Amsterdam. Abteilung I: Werke, Artikel, Entwürfe. Bd. 31. Abteilung I: Oktober 1886 – Februar 1891. Bearb. Renate Merkel-Mewis. Bd. I: Text. Bd. II: Apparat. Berlin, 2002.
178. *Nikiforow L.N.* Russisch-englische Beziehungen unter Peter I. Weimar, 1954.
179. *Нукифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
180. *Gerhard D.* England und der Aufstieg Rußlands. Zur Frage des Zusammenhangs der europäischen Staaten und ihres Ausgreifens in die außereuropäische Welt in Politik und Wirtschaft des 18. Jh. München; Berlin, 1933.
181. Das verhängnißvolle Deutschland. Oder das Testament Peters des Großen. Hamburg, 1849.
182. *Gundling J.* Das Testament Peter's des Großen. Roman und Geschichte. Leipzig, 1869.
183. *Lobscheid W.* Das politische Testament Peters des Großen. Berlin, 1870.
184. *Berkholz G.* Das Testament Peters des Großen, eine Erfindung. St. Petersburg, 1877.
185. *Gaume J.J.* Das Testament Peters des Grossen, oder: Der Schlüssel der Zukunft; Bresslau H. Das Testament Peters des Großen // Historische Zeitschrift. 1879. № 41. S. 385–409.
186. *Junius* [Pseudonym]: Das Testament Peters des Grossen. München, 1878.
187. *Kruska E.* Das Testament Peters des Großen. Neisse, 1896.
188. *Polzer-Hoditz L.* Der Kampf gegen den Geist und das Testament Peters des Grossen. Stuttgart, 1922 (Neuausgabe: Dornach, 1989).
189. *Schirren C.* Zur Geschichte des Nordischen Krieges. Rezensionen. Kiel, 1913.
190. *Stille A.* Die Schirrenschen Sammlungen zur Geschichte des Großen Nordischen Krieges (Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1911). Jur'ev, 1912. S. 75–88.
191. *Brückner A.* Peter der Grosse. Berlin, 1879.

192. *Brückner A.* Die Familie Braunschweig in Russland im 18. Jahrhundert. St. Petersburg, 1876.
193. *Brückner A.* Der Zarewitsch Alexei (1690 bis 1718). Heidelberg, 1880.
194. *Guerrie W.* Die Kronprinzessin Charlotte von Rußland, Schwiegertochter Peters des Großen, nach ihren noch ungedruckten Briefen 1707 bis 1715. Bonn, 1875.
195. *Brückner A.* Geschichte Rußlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bd. 1. Gotha, 1896.
196. *Voigt G.* Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843–1945 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. XXX). Berlin, 1994. S. 71–82.
197. *Strahl P.* Geschichte des russischen Staates. Hamburg, 1838.
198. *Herrmann E.A.* Geschichte des russischen Staates. Bd. 3: Vom Großfürsten Wasilii IV. Iwanowitsch bis auf die Zaren Iwan und Peter Alexejewitsch und die Regentschaft ihrer Schwester Sophia Alexejewna (1505–1682). Hamburg, 1846; Bd. 4: Von der Regentschaft der Großfürstin Sophia Alexejewna bis auf die Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth Petrowna (1682–1741). Hamburg, 1849.
199. Russland unter Peter dem Großen. Nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyers. Leipzig, 1872.
200. Peter der Große und der Zarewitsch Alexej. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedrich Christian Webers. Leipzig, 1880.
201. *Stählin K.* Peter der Große // Meister der Politik / hrsg. von E. Marks. Bd. II. Stuttgart; Berlin, 1922. S. 67–103.
202. *Stählin K.* Geschichte Rußlands von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. II. Berlin; Königsberg, 1930.
203. Aus den Papieren Jacob von Stählins. Ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Hrsg. von Karl Stählin. Königsberg i. Pr.; Berlin, 1926.
204. *Voigt G.* Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843–1945 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. XXX). Berlin, 1994. – S. 160.

СЕРГЕЙ САВВИЧ ВОЛЧКОВ О ПЕТРЕ I

В статье рассматриваются посвящения правящим монархам – Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Петру Федоровичу – к ряду книг, переведенных с немецкого и французского языков. Их автор – переводчик Академии наук Сергей Саввич Волчков. Посвящения полны рассуждениями о Петре I, его кипучей деятельности по преобразованию России и настоятельными напоминаниями преемникам Отца Отечества о необходимости продолжать его славные деяния. В своих посвящениях С.С. Волчков ранее других русских авторов дал оценку выдающейся личности Петра I, разносторонней его деятельности.

Ключевые слова: Пётр I, С.С. Волчков, переводческая деятельность, литература XVIII века о Петре I.

N.A. Popkova

SERGEY SAVVICH VOLCHKOV ABOUT PETER I

The article discusses the dedications to the ruling monarchs – Anna Ioannovna, Elizabeth Petrov, Peter Fedorovich – to a number of books translated from German and French. Their author is the translator of the Academy of Sciences Sergey Savvich Volchkov. The dedications are full of speculations about Peter I, his ebullient efforts to transform Russia and urgent reminders to the monarchs, successors of the Father of the Fatherland, to continue his glorious deeds. In his initiations, S.S. Volchkov, earlier than other Russian authors, gave an assessment of the outstanding personality of Peter I, his versatile activities.

Key words: Peter I, S.S. Volchkov, translation activity, 18th century literature about Peter I.

Преобразования Петра I в экономической, общественной, культурной жизни России вызвали в русском обществе неизбежный повышенный интерес к достижениям европейской науки, техники, развитию общественных идей. Знакомство с ними происходило либо путем чтения книг иностранных авторов в оригинале, либо, в более широких кругах читателей, – в переводах. Для удовлетворения возраста-

ющего читательского спроса нужны были переводы многих и многих книг. В Академии наук, созданной указом Петра I, складывается круг образованных людей, для которых переводческая деятельность становится профессией. Плоды их трудов были очень существенны. «В петровское время и последующие десятилетия переводная литература получила у нас гораздо большее развитие, нежели литература оригинальная», – отмечал В.П. Семенников [1, с. 5]. Переводная литература отличалась большим тематическим разнообразием и составила прочную основу для будущих самостоятельных трудов русских образованных людей.

Одним из академических переводчиков был Сергей Саввич Волчков (1707–1773). Предки его «служили Российскому престолу дворянские службы в разных чинах» [2, л. 124 об.]. В 1723 году из шляхетства он был взят юнкером в герольдмейстерскую контору, потом в Сенат. После пребывания в мануфактур-коллегии по именному указу Петра I он был послан в Силезию «для мануфактурных дел», служил секретарем в иностранной коллегии при посланниках С.Д. Голицыне, М.П. Бестужева-Рюмине, П.И. Ягужинском. В 1735 году барон И.А. Корф «усмотрел, что обретающийся в Берлине Сергей Волчков все свойства имеет, которые к доброму переводчику требуются» [3, с. 524] и он был определен переводчиком при Академии наук. Среди его переводов Е.Э. Биржакова называет книги «нравоучительно-воспитательные, духовно-нравственные, исторического содержания, учебные пособия, руководства по экономике и ведению хозяйства» [4, с. 174]. Широко известны были басни Эзопа в его переводе. Волчков переводил книги с латинского, немецкого, французского языков, «выбор которых приносит честь его уму и вкусу», а их «внутренние достоинства» таковы, что многие переводы его «перепечатывались по нескольку раз», – писал Языков [10, с. 445]. Последнее, по его мнению, несомненно свидетельствовало о своевременности появления переводов Волčkова и их востребованности. В фонде отдела редких книг Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета находится восемнадцать книг из двадцати одной, им переведенных. На четырнадцать из них имеются владель-

ческие записи и знаки: князя Михайла Баратаева, Николая Бахметева, Журавлева, Н.И. Носова, Михайла Дмитриевича Бутурлина (на пяти книгах), Александра Путилова, Николая Гугова, Дмитрия Затулкина, Ивана Василиева Алексева, «деревни антонова кресьянина Ераста Григорьева Талачанова». Это свидетельствует о бесспорной востребованности книг.

Остановимся на одной особенности Волчкова не как переводчика, а как автора посвящений правящему монарху к переведенным им книгам.

Посвящение – это либо лишь указание лица, честь или память которого автор желает почтить своим произведением, либо более широкое обращение к такому лицу, содержащее характеристику адресата или самого произведения. В литературную практику посвящения вошли в античное время как обращение к меценату с просьбой о защите, помощи. Они неизбежно содержали лесть, неумеренные похвалы, то есть значительные панегирические элементы.

В XVIII веке в России зависимость литературы от покровителей слабеет, но все же существует. Посвящения становятся более свободными по духу, разнообразнее по содержанию и форме, однако в общем они носят характер панегирический. Чем же интересны посвящения Волчкова, адресованные монархам – Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Петру Федоровичу? Тем, что они полны рассуждениями Волчкова о Петре I, о его кипучей деятельности по преобразению России и настоятельными напоминаниями о необходимости преемникам продолжать его славные деяния.

В 1738 году Академия наук выпустила в переводе Волчкова с немецкого языка «Флоринову экономию». Это, по сути, энциклопедия домостроительства. Она давала советы по лучшему ведению хозяйства: строительству домов, устройству садов и прудов, уходу за скотом, различные хозяйственные и экономические сведения. О популярности книги свидетельствует факт ее переиздания в 1760, 1775, 1786 и 1794 годах. Переводчик посвящает книгу Анне Иоанновне. От нее он ждет, что «для большего благополучия России» она должна не только достославными делами и высокими намерениями <...> Петру Вели-

кому во всем последовать, но еще славу России умножить» [6, с. 5]. Поэтому, полагает Волчков, ей надо «о внутреннем благосостоянии своего государства неутомимое старание прилагать, милость и суд хранить, гражданские законы умножать, науки в процветающее состояние приводить, шляхетную юность с великою пользой обучать, и при всем том и об экономии, как о фундаменте государства, крайнее старание прилагать <...> и для того из чужих краев искусных мужей сюда призвать» [6, с. 5 нн].

В 1740 году Волчков посвящает Анне Иоанновне перевод книги Марка Аврелия Августина «Житие и дела Марка Аврелия Августина цесаря римского...». И в этом посвящении главное место занимает хвала Петру I: «Он верх славы нашей, законодатель и отец всей России, собрание всех совершенств, модель героических добродетелей, беспримерного не только в Европе, но и от начала света монарх <...> Всю Россию толь славно прославить благоизволил» [7, с. 9 нн]. В конце посвящения весьма скупое внимание Волчков уделяет императрице, которая своими деяниями «все величайшие намерения императора Петра Великого в действие производит» [7, с. 10–11 нн].

В 1747 году вышел из печати обширный (1059 с.) том Ж. Савари де Брюлона «Экстракт... лексикона о коммерции», посвященный Елизавете Петровне. Волчков понимает, что перед ним стоит сложная задача: «невозможно человеку предприятие все великие, преславные и ум человеческий превышающий дела Его Императорского Величества подробно исчислить и по достоинству восхвалить» [8, с. 6 нн]. Но он ее успешно решает, давая развернутую характеристику многочисленных деяний Петра I, создавая многогранный, величественный образ императора. Главной движущей силой в его деятельности он называет любовь к Отечеству. Это она «побудила, скрывая свое Величество, шествовать в славнейшие между европейскими областями государства для усмотрения лучшего и превнесения во свою империю всего полезнейшего на свете» [8, с. 6–7 нн].

Что же доброго сделал Петр в своем государстве? – «Флот и регулярное войско положил в основание великим свои делам. Артиллерию привел к удивительному в Европе совершенству, механику избрал

в собственное рукоделие и домашнюю работу. Архитектуре собственных подданных так научил, что самые италианцы россиянам завидовали. Латинским, французским, итальянским, гишпанским и аглинским языками россияне так как материнским говорить стали» [8, с. 7 нн].

Волчков не обошел вниманием и новосозданную столицу. Пётр «основал себе любезную резиденцию и новую завоеванным провинциям столицу царствующий Санкт-Петербург. Недалеко от сего города указал построить новую в Севере Версалию, великолепный Петергоф» [8, с. 7 нн].

Много сделал Петр для укрепления и дальнейшего развития государства. «Всю Россию оградил вечными к правлению законами», неусыпное «старание Петра о российской коммерции привело ее в славу и цветущее у Европы состояние, неслыханные до златых его времен мануфактуры основал и теперь иностранцы завистливыми глазами на них смотрят» [8, с. 8 нн].

Пётр вникал во все дела, на все находил время. «Тот день не мог великий монарх в сладость хлеба кушать, в который везде сам быть и всего осмотреть не изволил» [8, с. 8 нн]. В Сенате он интересовался делами, в адмиралтействе «имел любимое присутствие, на всех кораблях и судах бывал, на стройках города был и собственными руками пример всякому делу показывать изволил» [7, с. 8 нн]. Даже «ночным временем тихостью и спокойствием пользуясь, в крайнем уединении планы кораблей собственной рукой рисует и в сутках больше пяти часов не почивает. Беспрецедентное трудолюбие!» [7, с. 8 нн] – восклицает Волчков, говоря о Петре в настоящем времени, видимо, живо представляя активность своего героя, и спрашивает: «Кто мешал ему покоится? Отнимает сон?». Ответ один – любовь Петра к Отечеству. «Она помогала ему преодолевать стужу, страх сухопутных и морских баталий, стоять посреди горящих Марсовых огней, летающих пуль и пушечных ядер» [8, с. 9 нн].

Перечислив многочисленные дела Петра, «преславного России обновителя», Отца Отечества, Волчков пишет: «Нет у России слов, чтобы воздать Петру должное. Он – Великий» [8, с. 10–11 нн]. Императрица, по убеждению Волčkова, должна быть достойна славы отца,

иметь истинную любовь к Отечеству, «всю российскую коммерцию хранить» [8, с. 10–11 нн]. Но ясно, что это только пожелание. Поэтому, видимо, заключая обращение к читателю, Волчков опять напоминает: «на высокую степень нынешней славы и богатства европейские государства <...> одною коммерциею, а потом мануфактурами сами себя привели. <...> Сила и слава монархов в коммерции и мануфактурах собственных их государств и подданных состоит» [8, с. 12 нн].

Вышедшую в 1762 году книгу Ж.Б.М. де Бельгарда «Истинной христианин и честной человек...» Волчков посвящает императору Петру Федоровичу. Ему он только напоминает о Петре Великом, «всех на свете лучших монархов и славнейших мужей, <...> беспримерном в монархах, рукой которого Россия приведена к величию» и надеется, что правящий монарх «сделает для России еще больше» [9, с. 4 нн]. Заметим, что Анне Иоанновне и Елизавете Петровне Волчков посвящает книги по экономике, коммерции, ожидая от их действенных мер по развитию этих направлений в России. Петру Федоровичу он посвятил книгу о спокойной, умеренной жизни.

Волčkова, бесспорно, привлекает личность Петра I, его многосторонние дарования, он славит царя за его неусыпные труды на благо Отечества. Так же бесспорно, что при восторженных оценках деяний Петра есть в посвящениях и необходимая панегирическая нота в адрес Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра Федоровича. В тех исторических условиях Волчков вынужден был их хвалить, но, и это ясно, что хвалит он их не за реальные дела, а за воображаемые, за заслуги, напрасно ожидаемые. Постоянное обращение Волčkова к личности и деяниям Петра, высшему примеру, должно было стать указателем пути, по которому они должны следовать. Однако для Волčkова, как и для многих современников было совершенно очевидно, что Пётр I противостоял своим преемникам, что они отказались от тех исторических задач общенационального масштаба, которые выдвинул и решал Пётр I. Он – преобразователь России, они – нет.

Когда умер Пётр I, Волчкову было 18 лет. Вполне возможно, что он видел высокую фигуру царя, стремительно шагавшего по улицам строившегося Санкт-Петербурга, приветствовал корабли, под гром пу-

шек входившие в Неву после славных побед молодого российского флота, знал о его делах от очевидцев, конечно, читал книгу П.П. Шафирова «Рассуждение какие законные причины... Пётр Первый к начатию войны против короля Карола 12... имел», в великой скорби слушал «Слово» Феофана Прокоповича на погребение Петра, вместе с тысячами людей поклонился его праху. Юношеское преклонение перед Петром I Волчков пронес через годы, видя в деятельном императоре подлинно великую личность.

Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века позволил выявить еще одну особенность Волčkова – автора посвящений к выше-названным книгам. Они опубликованы в 1738, 1747 и 1762 годах. К этому времени книга Шафирова с ее «Дедикацией или приношением ... царевичу Петру Петровичу» (издания 1717, 1719, 1722 годов), содержащей хвалу Петру I, несколько устарела и по несомненно панегирическому характеру, и по своему языку. К тому же она была обращена к малолетнему мальчику, для которого великие деяния отца примером еще не могли быть.

Волчков адресует свои посвящения действующим монархам. В них он не только обстоятельно воссоздает картину деяний Петра Великого, но и надеется, что его великий пример станет для них образцом в их собственных делах на благо России. Он поддерживал в читателях интерес к личности Петра I. В те годы уже существовали «Слова» Феофана Прокоповича о флоте российском и его победе у острова Гренгам, о заключении мира со Швецией, на погребение Петра Великого. Были «Слова» Гавриила Бужинского о годовщинах побед в Полтавской баталии, у острова Гангут. Они относятся к 1720–1725 годам и являются попытками авторов обрисовать роль Петра в формировании русской армии и флота. Затем идет многолетний период, когда имя Петра I лишь упоминается: в книге 1738 года говорится о медали с его изображением, в 1746 публикуется Устав морской, где, конечно, он упомянут. В этих обстоятельствах обширное посвящение Волčkова Елизавете Петровне 1747 года представляется обстоятельным планом, следуя которому можно создать полнокровный портрет Петра I – сильной личности, исторического деятеля, преоб-

разователя России. Волчков ввел Петра I в круг выдающихся людей мирового масштаба: он «беспримерный не только в Европе, но и от начала света монарх» [7, с. 9 нн].

В 1760 году героическую поэму о Петре Великом публикует М. Ломоносов, в ряду русских государей Петр появляется в книге Ф.А. Эмина «Российская история жизни всех древних...государей» (1769). В 1772 году выходят в свет переводы книг А. Катифоро «Житие Петра Великого...» и З. Орфелина «Житие и славные дела...Петра Великого...» (события в ней останавливаются на 1710 году). В 1773 году появляется «История имп. Петра Великого», автора которой Феофана Прокоповича называют «первым историографом славных дел Петра». Труд этот охватывает события лишь до Полтавской победы. В 1780 году вышла брошюра А.А. Нартова «Путешествие Его Величества в Париж» [10, с. 420–421]. И далее опять молчание до конца 1780-х годов, когда появляются одна за другой работы П.Н. Крекшина, Т.С. Мальгина, Ф.О. Туманского, Я.Я. Штелина, О.П. Беляева. Венчает этот ряд тридцатитомный труд И.И. Голикова – «Деяния Петра Великого» и «Дополнение» к ним. В нем автор подвел «итог многочисленным исследованиям и публикациям XVIII века о Петре I, но и на полвека вперед предопределил господствующее в русском обществе отношение к петровским преобразованиям [11, с. 125].

Представляется, что неоднократные обращения Волčkова к личности и славным деяниям Петра Великого являются интересными страницами в литературе XVIII века о преобразователе России. Они отражали определенные общественные настроения и предшествовали наиболее серьезным трудам отечественных авторов, посвященных личности Петра I и его времени.

XVIII век характеризовал Петра I словами Карамзина: «У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Людовик XI: царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Пётр Великий» [12, с. 281]. И эти слова не что иное, как конкретизация и персонификация уже упоминавшегося высказывания Волčkова о Петре I: «беспримерного не только в Европе, но и от начала света монарха».

Список использованных источников и литературы

1. *Семенников В.П.* Собрание старающееся о переводе книг, учрежденное Екатериной II, 1768–1783: Историко-литературное исследование. СПб., 1913.
2. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи... В 10 т. СПб., б.г. Т. 4.
3. *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
4. *Биржакова Е.Э.* Волчков С.С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 173–174.
5. *Языков Д.И.* Волчков С.С. // Энциклопедический словарь Плюшара. СПб., 1838. Т. XI. С. 445–446.
6. Флоринова экономия. СПб., 1738.
7. *Аврелий Антонин М.* Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римского... СПб., 1740.
8. *Савари Брюлон Ж., де.* Экстракт лексикона...о коммерции. СПб., 1747.
9. *Бельгард Ж.Б.М., де.* Истинный христианин и честной человек... СПб., 1762.
10. *Мезин С.А.* Брошюра XVIII в. о путешествии Петра I в Париж и её автор // Библиотековедение. 2016. Т. 65. № 4. С. 418–423.
11. *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991.
12. *Карамзин Н.М.* Сочинения. В 8 т. М., 1803. Т. 4.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930

Т.Н. Попова

ИСТОРИОГРАФИЯ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ФОРМАТ ИЗУЧЕНИЯ

В статье поставлен вопрос о состоянии историографии как научной дисциплины, обозначены подходы к ее изучению в современной литературе, рассмотрены «западные» и «восточные» традиции в становлении истории истории, акцентированы дисциплинарная модель анализа и дисциплинарная история в связи с «дисциплинарным поворотом» в эпистемологии, предложены авторские модели дисциплинарного образа историографии, сделан вывод о множественности дисциплинарных маршрутов.

Ключевые слова: историография, дисциплина, дисциплинарный поворот, дисциплинарная история, модели историографии как научной дисциплины.

T.N. Popova

HISTORIOGRAPHY: DISCIPLINARY FORMAT OF STUDY

The article raises the question of the state of historiography as a scientific discipline, outlines approaches to its study in modern literature, considers “western” and “eastern” traditions in the formation of the history of history, emphasizes the disciplinary model of analysis and the disciplinary history in connection with the “disciplinary turn” in epistemology. Authorial models of the disciplinary image of historiography are proposed, a conclusion is made about the multiplicity of disciplinary routes.

Key words: historiography, discipline, disciplinary turn, disciplinary history, models of historiography as a scientific discipline.

Mini-преамбула. Историография как История истории в качестве важнейшего раздела исторического знания представляет сегодня самостоятельное научное поле в мировой науке [1, с. 10–13, 115–116; 2, с. 23–38]. Однако существуют различные версии восприятия этой рефлексивной области, ее самоназвания и предлагается веер перспектив ее развития. Безусловно, проблемы *истории истории* нельзя рассматривать без учета новаций в научном мире, среди которых: формирование новой модели науки; трансформация дисциплинарного поля; столкновение и взаимопроникновение дисциплинарных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов; вступление истории в «историографический этап»; переключение «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный», «монодисциплинарного» – на «междисциплинарный»; акцент на ретроспекцию *дисциплинарной генеалогии*.

О подходах к изучению историографии. Спецификой современной историографической ситуации является факт разновекторной стратегии истории истории – ученые связывают будущее дисциплины с определенным тематическим полем: компаративистски ориентированной глобальной историей [2]; интеллектуальной историей в широком культурном контексте [3]; историографическим процессом [4, с. 69–95; 5, с. 25]; историографическим бытом [6, с. 79–85]; коммуникативным пространством историографии [7, с. 290–302]; концептуальной историей [8, с. 21–32]; историей исторической памяти [9, с. 560–564.]; источниковедением историографии [10]; субдисциплинарной историей [11] и проч. Таким образом, если мы и говорим сегодня о кризисе дисциплинарного бытия историографии, то, бесспорно, этот «кризис» следует соотносить с поисками «выхода из кризиса», с принятием большинством специалистов-историографов продуктивной мысли, сформулированной Л.П. Репиной: «...пришло время “собирать камни” – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...» [12, с. 550].

Идеи многоликости и «многообразности» историографии, исходя из полисемантической «имени», сложной структурированности объекта и стремительного расширения предмета, заслуживают особого внимания, поскольку выбор *подхода* к изучению историографии зависит от ее определенного *образа*. Согласно Л.П. Репиной, историю ака-

демической дисциплины можно описать «в трех измерениях, или тремя моделями», которые сосуществуют и постоянно взаимодействуют: 1) «модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти»; 2) «модель дисциплинарности»; 3) «модель междисциплинарности» [3, с. 5–22]. Таким образом, модель дисциплинарности – один из возможных подходов к изучению историографии как истории истории, исходя из ее дисциплинарного образа.

О дисциплинарном повороте и дисциплинарной истории. Тезис о раздисциплинировании науки еще «вчера» считался аксиоматичным, однако «сегодня» обращение к проблемам дисциплинарности, анализ специфики дисциплинаризации отдельных областей знания [13, с. 7–38], интерес к дуэту дисциплинарность / междисциплинарность заявили о себе в контексте актуализации дисциплинарной истории: «В эпоху потрясений устоев знаний, – писал известный французский историк Пьер Нора, – каждая дисциплина стремится проверить свои основания с помощью их ретроспективного просмотра» [14, с. 32].

Дисциплинарный поворот (один из многочисленных поворотов в эпистемологических поисках ученых) – своеобразный ренессанс дисциплинарного принципа, спровоцированный целым спектром разнообразных факторов (интеллектуально-научных, социокультурных, геополитических [4, с. 372–373]), – явственно проявил себя со второго десятилетия нового тысячелетия после постмодернистского «натиска» культурных исследований, когда науки о человеке в XXI веке вступили «в революционную стадию развития, период турбулентности и потрясения основ» [13, с. 10–11]. *Дисциплинарная история* – относительно новое поле социогуманитарных и естественнонаучных исследований [15, с. 99–113], хотя собственно история дисциплин/наук имеет длительную традицию и вариации подходов к ее изучению и восприятию, исходя из специфики научных ареалов.

О дисциплинарных традициях. Статус историографической области исторического знания имеет разное определение в традициях евроатлантической и восточноевропейской науки. В «западной» научной традиции в XX веке проблемное поле истории истории распределилось среди ряда дисциплин и дисциплинарных областей: социальной истории, философии, теории, эпистемологии истории, собст-

венно истории/историографии и проч.; история исторических идей входила в единое исследовательское поле сначала истории идей, затем интеллектуальной истории. Хотя дисциплинарного оформления истории истории в западной науке не произошло, интенсивный процесс историографических исследований привел в конце XX века к стабилизации данной области в качестве раздела интеллектуальной истории под самоназванием *Intellectual history of history* или *история историографии* [12, с. 393, 32–33]. Последняя формула получила широкое распространение в российском и украинском научном поле преимущественно в практике специалистов-«всеобщников».

В «восточном варианте» процесс дисциплинаризации историографии осуществлялся в традициях российской университетской науки, начиная с XIX века, и завершился в границах советской науки последнего тридцатилетия: история истории конституировалась как специальная историческая дисциплина под официальным наименованием «историография». В «постсоветский период» в ареалах независимых государств восточноевропейского региона историография сохранила свои дисциплинарные позиции. Однако историографическое поле исторической науки переживает своеобразные дисциплинарные модуляции – с одной стороны, не прекращается так называемый «историографический бум», с другой – налицо элементы институционально-дисциплинарного кризиса: практика разнотечения дисциплинарного наименования («историография» или «история историографии» и проч.); многовариантные актуализации предметных составляющих; восприятие многообразия различных дисциплинарных «ликков» – сциентистского, культурологического, лингвистического и т.п.

О дисциплине и дисциплинарных моделях. Со второй половины XX века в науковедческой литературе была поставлена проблема таксономических единиц науки – ориентация на дифференцированный подход к анализу различных уровней и форм научного знания. *Научная дисциплина* была признана оптимальной таксономической единицей для изучения науки с позиций различных исследовательских подходов. Однако универсальной модели дисциплины не существует. На сегодняшний день предложен значительный репертуар дисциплинарных моделей, среди которых с большой долей условности можно выделить три типа: 1) институционально-дисциплинарные мо-

дели, в которых акцент сделан на институциональные процессы; 2) популятивные модели с акцентом на характеристику дисциплины в качестве сообщества; 3) комплексно-системные модели, в которых в той или иной степени объединяются разные параметры дисциплинарности: когнитивные, социальные, инфраструктурные, деятельностные, аксиологические, дискурсивно-стилевые, коммуникативные, дидактические и проч.; к этому типу принадлежит большинство моделей [4, с. 238–247].

О моделях дисциплины историографии. *Историография* – специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его глобально-темпорально-региональной конкретике единства многообразия. *Дисциплина историография* – это *социокогнитивная система*, вписанная в интеллектуальное и социокультурное пространство. Дисциплинарная модель историографии может быть представлена в следующих вариантах:

Во-первых, как *система маркеров дисциплинарного образа историографии*: 1) оформление научного сообщества специалистов-историографов, идентифицирующих себя со своей дисциплиной и признающих наименование «историограф» как собственное; 2) складывание в научном сообществе историографов: а/ конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности; б/ утверждение общепризнанных канонов научных исследований (парадигмальных образцов) – дисциплинарно-научных идеалов и норм; 3) формирование «массива» дисциплинарного историографического знания, имеющего подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром т. н. «объективно-истинного» знания (конвенционально утвержденного), откладываемого в «дисциплинарную копилку»; 4) появление рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории историографии, дисциплинарной истории самой дисциплины историографии; 5) обретение историографией т. н. «гражданского статуса»: а) утверждение «имени» истории истории в научном сообществе и в социуме; б) признание дисциплины историографии как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с дисциплиной историографией (выражаемые в том

числе – в финансировании историографических проектов и т. п.); 6) формирование системы специализированных научных учреждений с названиями, соответствующими наименованию дисциплины историографии со своей идеологией и этосом (кафедры, отделы, секторы и т.п.); 7) возникновение системы профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» дисциплины в общих и специальных курсах, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов; утверждаются: номенклатура специализации, уровни и формы квалификации в нормативных документах Высшей Аттестационной Комиссии и Министерства науки и образования; 8) складывание специализированной информационной системы (библиотечные каталоги, информационные издания; для современного периода – тематические сайты в Интернете и др.); 9) создание коммуникационной системы – форм научного общения: а) конференций, съездов, симпозиумов, круглых столов и проч.; б) специализированных изданий, в том числе – научной периодики и др.; в) установление стабильных личных контактов между историографами; 10) способность научного сообщества историографов вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального / дисциплинарного статуса. Формирование каждого из этих показателей имеет свою специфику, свой ритм, формы проявления на разных этапах дисциплинаризации и в разных научных традициях. Завершение процессов складывания всех составляющих (репертуар которых может быть иным), будет свидетельствовать о завершении процесса дисциплинаризации и оформления / конституирования историографии как научной дисциплины.

Во-вторых, как трехуровневая система: 1) *когнитивная система*, включающая исследовательскую проблематику, фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного знания – «генофонд» дисциплины), источниковый блок (дисциплинарный фонд источников – источниковедческая база дисциплины), методы, методологии и теории познания, категориальный аппарат, концептуальный аппарат; 2) *инфраструктура* – система обеспечения первого уровня – когнитивного: субъект науки – ученый (лично-индивидуальный) и научное сообщество (коллективный), система специализированных историчес-

ких учреждений, система профессионального исторического образования, система книго- и архивохранилищ, система издательств / издания научной продукции, коммуникационная система, материально-финансовая база, система вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности и т.п.; 3) *социокультурная система* – политико-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме; это – условия, в которых происходит функционирование и «движение» научной дисциплины историографии как социокогнитивной системы.

Восточноевропейская версия историографии – с ее давней традицией (с XIX века), с конституированием в советскую эпоху, с бурным развитием в 1990-е и 2000-е годы – отвечает всем дисциплинарным параметрам этих двух моделей научной дисциплины; *история истории* прошла все стадии: додисциплинарную (условно до середины XIX в.), период дисциплинаризации (сер. XIX в. – 60–80-е гг. XX в.), дисциплинарное бытие. Несмотря на определенные когерентные колебания (самоназвание, векторы предметного поля, «многоликость» дисциплинарного восприятия и т. п.), историография и в Украине и в России сохранила свой дисциплинарный статус, а ее дисциплинарная матрица обнаружила способность не просто к «восстановлению», но и к «историографическому ренессансу». Этот факт подтверждается не только самоидентификацией многих историографов, но и отражением дисциплинарного восприятия историографии как в официальной плоскости (словарно-энциклопедическая литература [16, с. 584–591; 17, с. 153–154; 18, с. 97–101], номенклатура специальности по шкале министерств и аттестационных комиссий, многообразие исследовательской и дидактической литературы, специализированных изданий и разделов в солидных журналах и сборниках, перманентные конференции и т.п.), так и в сфере широкого круга «общественности» (см. Интернет и др.).

Об истории историографии. Многие историографы (преимущественно – «отечественники») констатируют наличие *истории историографии* как направления собственно историографических исследований – *истории истории истории*, – получившего свое развитие в украинском и российском научном поле. «Принципиально важным в

осмыслении... процессов историографии представляется, – констатирует В.П. Корзун, – такое направление историографической мысли, как “историография второй степени”, набирающее силу с середины 1960-х гг.» [19, с. 12]. Фактическое утверждение нового уровня рефлексии – *историографической рефлексии* = *истории историографии* – подкрепляется диссертационными исследованиями, многочисленными многоформатными изданиями, специальными курсами в университетах и проч. и выступает как важнейший критерий дисциплинарного конституирования историографической науки [19; 20; 21; 22; 23]. Объектом *истории историографии* в восточноевропейском варианте является (по аналогии) историко-историографический процесс. Дисциплинарная история *истории историографии* входит в единое поле истории историографии.

Mini-resume. Научная дисциплина как транс-дисциплинарное явление обладает весьма подвижными контурами своего силуэта, так как на национально-государственном / региональном уровне одна и та же область знания предстает в собственном облике в соответствии с культурными традициями ее институционализации. Специфика проявляет себя в дисциплинарном / недисциплинарном статусе, в наименовании, в проблемно-предметном поле, в структуре и ментальности сообщества ученых. Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации обретает свой «персональный маршрут» [4, с. 253–337]. Подходы к изучению научной дисциплины, детерминированные ее образами, – онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационно-коммуникационным, деятельностным, когнитивно-мировоззренческим и т.п. – должны сегодня восприниматься не в линейно-временной плоскости, а в различных вариациях синтеза либо избирательно в зависимости от исследовательской стратегии. При этом важно ориентироваться на конкретную модель дисциплины.

Список использованных источников и литературы

1. *Рохас К.А.А.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008.
2. *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / пер. с англ. О. Воробьевой; науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012.
3. *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С. 5–22.
4. *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019.
5. *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017.
6. *Алеврас Н.Н.* Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 79–85.
7. *Корзун В.П.* Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас и др. Челябинск, 2011. С. 290–302.
8. *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013.
9. *Антощенко А.В.* Зачем изучать историографию? // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / под ред. д-ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 560–564.
10. *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево, 2013.
11. Нариси з соціокультурної історії українського історієписання: субдисциплінарні напрями: колект. монографія / Удод О., Верменич Я., Ковалевська О., Ясь О.; упоряд. текстів й наук. апарату С. Блащук, Н. Пазюра; за загал. ред. В. Смолія. Київ, 2018.
12. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
13. *Дмитриев А.Н.* Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М., 2015. С. 7–38.
14. *Пьер Н.* Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб., 1999. С. 17–50.
15. *Кузнецова Н.И.* Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 99–113.
16. *Ясь О.В.* Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е–Й / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ, 2005. С. 584–591.

17. *Маловичко С.И.* Историография // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 153–154.
18. *Посохов С.* Історіографія // Історіографічний словник / С.І. Посохов, С.М. Куделко, Ю.Л. Зайцева [та ін.]; за ред. С.І. Посохова. Харків, 2004. С. 97–101.
19. *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000.
20. *Колесник И.И.* Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993.
21. *Кісельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків, 2014.
22. *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.
23. *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007.

Я.Н. Рабинович

ПОХОД ВОЙСКА КНЯЗЯ Д.Т. ТРУБЕЦКОГО К БРОННИЦАМ В 1614 ГОДУ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В статье рассмотрены неизвестные события завершающего периода Смутного времени в районе Великого Новгорода после избрания царем Михаила Романова. Особое внимание уделено изучению похода московского войска князя Д.Т. Трубецкого и боев в районе Бронниц отечественными исследователями. Автор приходит к выводу, что данный вопрос по сравнению с другими событиями Смуты изучен явно недостаточно, хотя имеющаяся источниковая база позволяет более подробно рассмотреть боевые действия московских и шведских войск в районе Новгорода в 1614 году и выяснить имена многих рядовых участников этих событий.

Ключевые слова: Смутное время, Г.В. Форстен, Новоселицы, Г.А. Замятин, Карамзинский хронограф, С.М. Соловьев, Новый летописец.

Y.N. Rabinovich

THE CAMPAIGN OF THE PRINCE D.T. TRUBETSKOY'S ARMY TO BRONNITSY IN 1614: HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

The article considers the unknown events of the final period of the Time of Troubles in the region of Velikiy Novgorod after the election of Mikhail Romanov as a king. Particular attention is paid to the study of the campaign of the Moscow army of Prince D.T. Trubetsky and the battles in the Bronnitsy region by domestic researchers. The author comes to the conclusion that this issue is studied insufficiently in comparison with other events of the Time of Troubles, although published sources make it possible to examine in more detail the hostilities of the Moscow and Swedish troops in the Novgorod region in 1614 and find out the names of many ordinary participants in these events.

Key words: Time of Troubles, G.V. Forsten, Novoselitsy, G.A. Zamyatin, Karamzinsky chronograph, S.M. Soloviev, «Noviy letopisets».

Подробности похода князя Д.Т. Трубецкого к Новгороду в 1614 году, бои в районе Бронниц исследователи как-то обходят стороной. В школьных и университетских учебниках, в академических многотомных трудах, изданных в СССР в 1950-е годы, очень редко можно встре-

тить даже упоминание об этом походе, поэтому современные школьники и студенты об этом ничего не знают. Жители Великого Новгорода и самого села Бронницы знают о боях под Бронницами лишь в общих чертах, однако, некоторые могут показать Бронницкий холм, где находился лагерь Трубецкого.

Первым о походе Трубецкого к Новгороду пытался писать еще Василий Никитич Татищев (1686–1750). Но он упомянул только о начале похода к Торжку и зимовке Трубецкого в этом городе с войском в 6000 воинов, а также о прибытии пополнения в 2000 воинов с воеводой В.И. Бутурлиным. Из данного сочинения не ясно, что же стало с этим войском в дальнейшем. Следует учесть, что, во-первых, Татищев умер, так и не успев дописать свой труд, а во-вторых, даже эта скудная информация Татищева о численном составе двух русских ратей была доведена до читателей лишь в 1968 году, когда впервые был опубликован этот том «Истории Российской» [1, с. 159].

Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814), труд которого был опубликован лишь в 1902 году, писал о переговорах Трубецкого с Делагарди. Он использовал только архивные документы, многие из которых не сохранились. Этот ученый-архивист указывал, что 26 февраля 1614 года находившийся с войском под Торжком Трубецкой отправлен в Новгород для приведения новгородцев к присяге Михаилу Романову и для изгнания шведских войск. Новгородский митрополит и воевода Одоевский послали по указанию шведов («во угодность уповательно их») 25 марта в Москву посадского человека Ивана Филатьева с письмом к воеводам Московского государства, в котором просили не идти далее к Новгороду, чтобы не допустить кровопролития, а прислать к Делагарди своих послов, чтобы «мирное от него получить постановление». Новгородцы писали, что если у Трубецкого нет на это полномочий, то пусть он сообщит об этом, тогда от Новгородского государства посланники будут отправлены в Москву. Далее Н.Н. Бантыш-Каменский указывал, что в июле 1614 года Трубецкой писал к Делагарди, чтобы он, очистив Новгород, вступил с ним в мирные переговоры [2, с. 146].

Одним из первых, кто упомянул Бронницы, указал на результат похода – поражение войска Трубецкого, – был военный историк генерал-майор Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–1849). Он писал в 1819

году, что «поход князя Трубецкого не имел желанного успеха. Сей полководец зимовал в Торжке, следующей весной (в 1614 году) двинулся вперед, и, овладев Старою Русою, укрепился в Бронницах, на левом берегу реки Мсты. Шведский генерал Делагарди, вышедший из Новагорода, атаковал Россиян и побил их наголову; из 8000 человек, составлявших корпус князя Трубецкого, спасся только сам полководец с весьма малым числом своих приближенных» [3, с. 135–136]. Справочный аппарат в данном труде отсутствует, поэтому исследователям трудно выяснить, откуда взяты эти цифры и сведения о захвате Старой Руссы. Несложно подсчитать, что численность русского войска (8 тыс.) соответствует суммарной цифре, приведенной В.Н. Татищевым, хотя Бутурлин вряд ли читал рукопись труда Татищева.

Николай Сергеевич Арцыбашев также указал на зимовку воевод Трубецкого, Мезецкого и Бутурлина в Торжке, при этом отметил, что эта зимовка была «без наблюдения благопристойности», войско занималось «грабительством в Торжке». Лагерь в Бронницах находился «на невыгодном тесном месте». Кроме этого, по указу Трубецкого было сооружено укрепление за Мстой. В войске Трубецкого был страшный голод, который вместе с теснотой вынудили к отступлению. При этом рать Трубецкого так «была поражена шведами», что Трубецкой с товарищами едва спаслись пешком. Шведы также взяли укрепление «на клятву (о безопасности), однако умертвили в нем всех». В сноске автор привел текст Нового летописца в качестве источника, а также сочинение немецкого историка Келха (без перевода), однако в основном тексте не указал ценную информацию, содержащуюся у Келха, что русское войско состояло из 8000 воинов [4, с. 12–13]. Судя по всему, Бутурлин, как и Арцыбашев, также использовал этот труд Келха.

Сергей Михайлович Соловьев более точно указал время начала похода, а также место формирования второй рати В.И. Бутурлина (Ярославль). Историк отмечал, что в сентябре 1613 года в Москве было принято решение – «действовать наступательно против Новгорода» [5, с. 80]. По-видимому, исследователь здесь использовал в качестве источника царскую грамоту в Пермь от 1 октября, в которой сказано: «Отпустили мы с Москвы под Великий Новгород боярина своего и воевод князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да окольного князя Данила Ивановича Мезецкого, со многими людьми, и ве-

лели им над Новымгородом промышлять» [6, с. 15]. Отметим, что у Соловьева справочный аппарат указан в конце главы, причем, одна сноска относится ко всему разделу, состоящему из десятков страниц. В такой сноске указано сразу множество источников, поэтому сложно определить конкретный источник. После указания на воевод Трубецкого и Мезецкого добавлено, что «к ним в сход велено было идти стольнику Василию Ивановичу Бутурлину с полками, собранными в Ярославле». Здесь источником являются разрядные записи, опубликованные в Дворцовых разрядах. Соловьев подчеркивает, что в Бронницах в стане Трубецкого повторились явления, какие были ранее в его подмосковном стане: «было у них в рати нестроение великое, говорит летописец, грабежи от казаков и от всяких людей» [5, с. 80]. Н.С. Арцыбашев ранее упомянул вскользь о «грабительстве в Торжке», а С.М. Соловьев подчеркнул, что и под Новгородом в Бронницах также происходили конфликты между казаками и служилыми людьми.

Повторив про неудобное место и про голод в лагере Трубецкого в результате шведской осады, Соловьев приводит важные дополнения о том, что отступление от Бронниц было осуществлено по царскому указу из Москвы: «Трубецкой с товарищами прислали к государю бить челом от имени ратных людей, что стала им от немецких людей теснота. Государь велел им (курсив мой. – Я.Р.) от Бронниц отойти к Торжку» [5, с. 80]. Эта цитата почти дословно взята из Дворцовых разрядов. Интересно, что в качестве одного из челобитчиков в Москву в Дворцовых разрядах указан «Баим Федоров сын Болтин» [7, стб. 107–109]. В одном из источников (Карамзинском хронографе), автором которого по предположению С.Ф. Платонова был все тот же Баим Болтин, говорится, что отступление Трубецкого было осуществлено *без приказа из Москвы* (курсив мой. – Я.Р.), после совещания руководителей войска, на котором самостоятельно было принято это решение [8, с. 358]. Отметим, что Карамзинский хронограф был хорошо известен Соловьеву, он ссылался на него в другом месте, но в данном случае предпочел официальный документ. Учитывая расстояние от Москвы до Бронниц, вряд ли Трубецкой успел получить это указание об отступлении от Новгорода к 14 июля, даже если оно и было. Завершается рассказ у Соловьева повторением, что

были большие потери при отступлении, и что «воеводы едва ушли пешком».

Профессор Петербургского университета Георгий Васильевич Форстен (1857–1910), занимаясь изучением политики Швеции в Смутное время, работал исключительно по документам из шведских и других зарубежных архивов (за что его критиковали некоторые исследователи, в частности Г.А. Замятин). Форстен, опираясь на эти документы, а также ссылаясь на труд шведского историка Галленберга, писал, что в конце 1613 года шведский король Густав Адольф узнал о намерении Михаила Романова «вернуть себе весь северо-западный край», о планируемом походе русских к Новгороду. Поэтому по приказу короля «вся военная сила шведов была сосредоточена у Новгорода». Сначала королю стало известно, что один отряд московских воинов уже на пути к Торжку. В начале 1614 года в Финляндии король получил новое сообщение, что «пути к Новгороду неблагонадежны, с востока туда стекаются московские войска под начальством Трубецкого и Самбулова» [9, с. 202].

Королю стало известно, что Трубецкой и Самбулов с 500 человек находились сначала в 12 милях от Новгорода (шведская миля – 6 км). «Они хотели окружить город и не допустить никаких сношений его с остальными шведскими владениями. Число его воинов скоро возросло до 1000 человек, и они расположились у Бронниц и Старой Русы» [9, с. 206]. Действительно, по русским источникам известно, что отряды «тихвинских сидельцев» весной 1614 года укрепились в районе села Высокое на Волхове в 50 км севернее Новгорода и перекрыли путь из Новгорода к Ладогe.

Указание Форстена на воеводу Самбулова (это Исак Самбулов) представляют определенный интерес, ведь известно, что после поражения в конце августа 1613 года под Тихвином, отряд Самбулова отступил на Валдай. В Дворцовых Разрядах записано: «И пришел Исак к Тихвину, и встретили его немцы, и казаков многих побили и поймали; а в Тихвин Исака не пропустили, и отошел Исак с остальными людьми и стал в Новгородском уезде в селе на Валдае» [7, стб. 91]. «Самбулов» часто упоминается и в шведских источниках. По-видимому, он в дальнейшем укрепился в районе современных Крестцов – Рахино и некоторое время возглавлял передовой отряд войска Трубецкого.

Г.В. Форстен далее сообщает, что до апреля 1614 года шведы не получали никакого ответа из Москвы, куда были отправлены письма с предложением начать переговоры о мире. В середине апреля шведы получили, наконец, ответ от московских бояр, которые предъявили ультиматум – начало переговоров может быть только после того, как шведы уйдут из Новгорода, причем, москвичи требовали «немедленно очистить всю Новгородскую область». Густаву Адольфу стало известно, что «русские грозят отрядом в 6000 воинов вытеснить шведов из Новгорода». Король из Финляндии писал к Делагарди, «чтобы тот на случай крайней нужды, покинул Новгород, предварительно сделав город и крепость бесполезными для русских, т.е. сжегши их, сравняв с землей» [9, с. 205].

Судя по сообщению Форстена, шведы весной 1614 года не надеялись удержать Новгород. Король решал с Делагарди вопрос об эвакуации, о выводе оттуда пушек, оружия, колоколов. В ответ Делагарди писал, что Новгород следует удержать, но при этом надо избегать крутых мер по отношению к местным жителям, которые пока еще союзники и платят подати, не стоит раздражать православных жителей разорением церквей и отправкой колоколов в Швецию. Целя мнение Делагарди, король приказал все силы, которые ожидалось в Нарву, отправить к Новгороду. Прибыв 16 июня в Нарву, король сразу же отправил в Новгород значительное количество припасов и хлеба. Это должно было облегчить положение Делагарди и помочь ему удержаться в Новгороде.

Далее Форстен приводит интересные сведения о боях под Бронницами. Шведскому военачальнику Коброну удалось нанести русским два поражения на Мсте, много было убито казаков и «бояр». Шведы переманили на свою сторону несколько сот запорожских казаков, которые своими смелыми и быстрыми набегами немало оказали им помощи. К началу июля Делагарди соединился с войсками Коброна и Меннигофа, и шведы действовали столь успешно, что к 14 июля русские были сбиты со всех своих укреплений, 400 человек было убито и много взято в плен. Узнав о падении Бронниц, русские, находящиеся в районе Старой Русы, тоже отступили. Для того, чтобы обезопасить себя от новых походов русских к Новгороду Делагарди при-

казал полковнику Роберту Миру с 5 ротами финских стрелков идти по Московской дороге [9, с. 207].

Как видим, в информации Форстена имеется много новых сведений о походе войска Трубецкого к Новгороду. К сожалению, все последующие исследователи при описании событий под Новгородом мало внимания уделяли данному труду Форстена, предпочитая использовать в качестве источника лишь Новый летописец, в котором специальная глава посвящена этому походу [10, с. 132].

Суть всех сообщений авторов, включая Вячеслава Николаевича Козлякова [11, с. 76–77] и других современных исследователей, можно свести к следующему: Трубецкой выступил из Торжка и остановился в Бронницах, при этом поставил острог на другом берегу Мсты, «за Мстою рекою» (некоторые исследователи вскользь уточняют, что это был второй острог). Мы знаем, что сами Бронницы в то время находились на левом берегу Мсты. Через 200 лет, после строительства Казимиром Рейхелем моста через Мсту (1830-е годы) Бронницы стали располагаться на обоих берегах Мсты.

Далее все исследователи уточняют, что острог (или основной лагерь Трубецкого) был поставлен в неудобном месте, шведы чинили «тесноту великую», обстреливали из артиллерии. В войске Трубецкого были конфликты между казаками и детьми боярскими, как во времена Первого (Подмосковного) ополчения. Голод и лишения вынудили Трубецкого просить московские власти об отступлении из-под Новгорода. Получив это разрешение, Трубецкой 14 июля оставил лагерь и отступил к Торжку. При отступлении многие потеряли своих коней, даже воеводы вынуждены были идти пешком. Армия фактически распалась.

Некоторые исследователи приводят важные дополнения: оказывается, не все войско Трубецкого отступило от Новгорода. Какая-то часть, по-видимому, прикрывая отступление, продолжала оставаться в некоем острожке «за Мстою рекою», а потом сдалась Я. Делагарди. Шведский военачальник, «зная, с кем имеет дело», приказал их казнить (400 человек), вопреки своему обещанию.

В известном труде Александра Лазаревича Станиславского события под Бронницами довольно кратко освещены в специальной главе, которая называется «Как боярин Трубецкой потерял свое войско».

При описании этих событий исследователь ограничился лишь общими фразами, однако при этом указал на четырех попавших в плен к шведам казачьих атаманов и нескольких отступивших из Бронниц в Торжок казаков и других служилых людей. Одна фраза в этой небольшой главе привлекает наше внимание: «В начале апреля 1614 г. войско Трубецкого подошло к Новгороду, и остановилось в Бронницах, тысяча казаков укрепились в остроге на другом берегу реки Мсты. ...Освободить Новгород Трубецкому не удалось, а подошедшие шведские войска 14 июля захватили Бронницкий острог». Далее говорится о распаде армии при отступлении к Торжку [12, с. 116–117].

Переговорам между Москвой и Новгородом в период похода войска Трубецкого, в том числе, происходивших в районе Бронниц, исследователи уделяли большое внимание, в отличие от описания подробностей похода и военных действий. Вслед за Н.Н. Бантыш-Каменским об этом более подробно писали В.А. Фигаровский, Г.А. Замятин, Е.И. Кобзарева.

Василий Александрович Фигаровский в одной из своих ранних работ (1937) основное внимание уделил попыткам шведов заставить новгородцев подписать унию, а также переговорам Трубецкого с новгородцами. Историк писал, что поход на Новгород большого отряда князя Д.Т. Трубецкого с целью изгнания шведов с оккупированной ими территории, ясно показал новгородцам, насколько укрепились положение в Московском государстве, и что правительство Михаила Романова, решив силой вернуть Москве Новгород, располагает для этого значительными ресурсами. Все это определило позицию новгородского боярства и купечества, которые ранее ориентировались на Швецию. И в январе 1614 года новгородцы отказались от унии со Швецией [13, с. 57].

Далее говорится о неудачных попытках переговоров новгородцев (под контролем шведских властей) с Трубецким. Новгородцы понимали, что их считают изменниками. Уже сам факт посылки на Новгород отряда Д.Т. Трубецкого без всяких предварительных переговоров, достаточно показателен. Новгородцы отправили к Трубецкому с Иваном Филатьевым грамоту, а в ответ получили с Иваном Хириным «раздизательную грамоту», и одновременно Трубецкой продолжал наступление на Новгород и подошел к Бронницам. В ответ на вторич-

ную просьбу новгородцев о перемирии, они получили от Трубецкого еще более «раздизательную грамоту». В более поздней грамоте, отправленной в Москву через полгода после этих событий, новгородцы, очень удачно используя то обстоятельство, что Трубецкой под Бронницами потерпел решительное поражение, прямо указывают, что если бы их послушались, то поражения не было бы [13, с. 69–70].

В другой работе, посвященной партизанскому движению в Новгородской земле, В.А. Фигаровский писал: «Крупные успехи партизанского движения поставили интервентов в тяжелое положение и подтолкнули правительство Романова на организацию похода Трубецкого с целью изгнания шведов из Новгорода. Однако, сбор войск Трубецким затянулся, и удачный момент был упущен. Когда Трубецкой весной 1614 г. подошел к Бронницам, находящимся в 25 верстах от Новгорода, шведы, успевшие получить подкрепление, заставили его отступить. Неудаче похода содействовала также реакционная внутренняя политика правительства Романова, направленная на усиление крепостнических отношений, которая не могла не сказаться на понижении боеспособности войск Трубецкого» [14, с. 46].

Некоторые важные подробности событий под Новгородом в районе Бронниц привел Герман Андреевич Замятин (1882–1953), причем, занимаясь в основном переговорами между Новгородом, Швецией и Москвой, а также попытками шведов навязать новгородцам свою унию. Исследователь, в отличие от В.А. Фигаровского, считал, что не «крупные успехи партизанского движения», а угроза полного отделения Новгорода от Московского государства вследствие избрания новгородцами Карла Филиппа вынудила правительство Михаила Романова отправить под Новгород рать под начальством боярина Д.Т. Трубецкого. В одной из работ Замятин, рассматривая события 1613 года, в том числе посольство игумена Дионисия из Новгорода в Москву, которое имело целью склонить москвичей к присяге шведскому королевичу и отказу их от Михаила Романова, писал следующее: «Но посольство не прошло бесследно и для московского правительства. Из документов, а также из устных рассказов новгородских послов московское правительство узнало об опасности, надвигавшейся со стороны Новгорода Великого: в Новгороде мог утвердиться другой правитель, грозило полное отделение

Новгорода от Москвы. Понятно поэтому, что московское правительство посылает под Новгород военную силу под начальством Д.Т. Трубецкого». Далее исследователь вновь повторяет данный тезис: «Можно с уверенностью говорить, что посольство Дионисия с дворянами в Москву заставило царское правительство начать военные действия против Швеции, приступить к изгнанию шведов из Новгорода» [15, с. 475].

Замятин обнаружил в шведском архиве первую грамоту, которую ещё 18 октября 1613 года Д.Т. Трубецкой и Д.И. Мезецкий с тверитином Василием Молотеиным отправили в Новгород к Делагарди, с предложением покинуть Новгород. В другой работе исследователь опубликовал эту грамоту, а также ряд других документов. Эта вторая работа Замятина посвящена борьбе новгородцев против унии со Швецией. Московские воеводы помимо официальных писем к Делагарди посылают письма к новгородским дворянам, детям боярским, приказчикам государственных дворцовых и черных волостей, стремясь их склонить на сторону Москвы. Замятин сделал вывод, что «отказ новгородцев от унии со Швецией на собрании 26 января 1614 года необходимо поставить в связь с приходом московской рати под Новгород». Новгородцы почувствовали в конце 1613 года опору, они не были одиноки, «зная, что армия Трубецкого двинулась на очищение Новгорода от шведов» [16, с. 406].

Здесь нет нужды писать обо всех переговорах между воеводой Трубецким и Новгородом, о которых подробно рассказал Замятин с привлечением большой массы архивных источников. По своей полноте данный труд Замятина значительно выигрывает по сравнению с монографией Елены Игоревны Кобзаревой, которая через полвека после смерти Замятина обратилась к данному сюжету. Труд Замятина, опубликованный недавно (в 2014 году), долгое время хранящийся в архиве (НИОР РГБ), был неизвестен Е.И. Кобзаревой [17].

Современный исследователь Адриан Александрович Селин в монографии о новгородском обществе в Смутное время опубликовал несколько распросных речей участников событий под Бронницами в 1614 года (в основном, попавших в плен к шведам), из текста которых впервые прозвучало неизвестное ранее слово «Новоселицы» и «Новоселицкое сиденье» [18]. В другой монографии о новгородских судь-

бах Смутного времени А.А. Селин привел челобитную новгородского помещика Угрима Лупандина, в которой тот сообщает о своем участии в Новоселицком сиденье, пытаясь оправдать свое дальнейшее поведение в шведском плену [19].

Думается, что настала пора объединить все известные сведения о походе к Новгороду войска Трубецкого, обратив особое внимание не на переговорные процессы, а на подробное описание боевых действий, начиная с выхода войска из Торжка и создания промежуточных укрепленных острожков на пути к Новгороду. Необходимо выяснить состав русских и шведских войск, имена рядовых участников этих событий и их дальнейшую судьбу. Следует определить точное место расположения всех русских и шведских лагерей в мае – июле 1614 года в районе Бронниц. Биографии главных воевод – Трубецкого, Мезецкого и Бутурлина изучены довольно подробно, однако в них очень мало сведений о событиях под Бронницами. Следует уделить внимание действиям под Бронницами воевод рангом ниже. Это Ф.В. Левашов, С.И. Волынский, И.Н. Давыдов, И.С. Погожев и др.

Необходимо более широко использовать труд шведского королевского историографа Юхана Видекинда [20], исследование офицеров шведского генштаба [21], сочинения ряда русских и иностранных путешественников, посетивших данные места, Карамзинский хронограф, разрядные записи, многочисленные актовые материалы, челобитные служилых людей (участников этих событий) с просьбами о пожаловании, а также кормленные и приходно-расходные книги московских приказов.

Список используемых источников и литературы

1. *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. Т. 7. Л., 1968.
2. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): в 4 ч. Ч. 4 (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902.
3. *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII в. Ч. 1, т. 1. СПб., 1819.
4. *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России: в 3 т., 6 кн. М., 1843. Т. 3, кн. 6.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. М., 1995. Кн. 5, т. 9.

6. Царская грамота Пермскому воеводе об освобождении Белой от поляков и победе под Тихвином. 1613, октября 1 // ААЭ. Т. 3. № 12. С. 14–15.
7. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1850. Т. 1.
8. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 321–379.
9. *Форстен Г.В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. X (октябрь). С. 185–213.
10. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14, первая половина. СПб., 1910. Гл. 342. «О походе воевод под Новгород и о отходе».
11. *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004.
12. *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
13. *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л., 1937. С. 53–72.
14. *Фигаровский В.А.* Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 34–50.
15. *Замятин Г.А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романова в 1613 г. // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / сост. Э.А. Гордиенко; редкол.: В.Л. Янин (отв. ред.) и др. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 430–489.
16. *Замятин Г.А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редколл.: В.Л. Янин (отв. ред.) и др. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 392–469.
17. *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.
18. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
19. *Селин А.А.* Новгородские судьбы Смутного времени. Великий Новгород, 2009.
20. *Вибекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000.
21. Generalstaben. Sveriges krig 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936.

С.В. Клейменова

ИЗДАНИЯ ТРУДОВ Ж.А.С. ФОРМЕЯ В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СГУ

В статье рассказывается об изданиях трудов Жана Анри Самюэля Формея, хранящихся в фонде отдела редких книг Научной библиотеки СГУ имени В.А. Артисевич. Некоторые из его книг были переведены на русский язык. «Сокращение всех наук для детей от 6 до 12 лет» выдержало наибольшее количество изданий.

Ключевые слова: Жан Анри Самюэль Формей, эпоха Просвещения, Жан-Жак Руссо, «Сокращение всех наук для детей от 6 до 12 лет», «Анти-Эмиль», Зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич Саратовского государственного университета, отдел редких книг.

S.V. Kleymenova

THE EDITIONS OF J.H.S. FORMEY' WORKS IN THE FOND OF THE SSU SCIENTIFIC LIBRARY

The article tells about Jean Henri Samuel Formey's works stored in rare books' department of the Scientific library named after V.A. Artisevitsch of Saratov State University. Some of his books were translated into Russian. «Abrégé de toutes les sciences à l'usage des enfans de six ans à douze» withstood the largest number of editions.

Key words: Jean Henri Samuel Formey, Enlightenment, Jean-Jacques Rousseau, controversy, «Abrégé de toutes les sciences à l'usage des enfans de six ans à douze», «Anti-Emile», SSU Regional Scientific Library named after V.A. Artisevitsch, department of rare books and manuscripts.

Сложилось так, что из всех многочисленных трудов философа, историка, теолога и публициста Жана Анри Самюэля Формея в России оказалась востребованной только одна книга – учебное пособие «Kurzer Inbegriff aller Wissenschaften zum Gebrauch der Kinder von sechs bis zwölf Jahren» («Abrégé de toutes les sciences à l'usage des enfans de six ans à douze»), в русском переводе – «Сокращение всех наук для детей от 6 до 12 лет», хорошо известное в Европе. Помимо берлинских и потсдамских изданий 1764–1787 годов, «Сокращение» печаталось в Лионе, Брюсселе, Амстердаме, и неоднократно в Москве.

В 1764 году в типографии Московского университета вышел русский перевод под названием «Краткое понятие о всех науках для употребления юношества, переведенное с немецкого языка, следуя берлинскому изданию». Тогда же «на кошт книгосодержателя» Христиана Людвиг Вевера «Краткое понятие о всех науках» напечатано с параллельным текстом на немецком и русском языках (1764), на французском и русском (1764), 2-е издание с прибавлением главы о музыке с нотами (1774). 3-е издание вышло в Типографической компании (1788, в двух вариантах). Помимо московских изданий, в Петербурге в типографии Сухопутного кадетского корпуса вышло «Сокращение всех наук для детей от шести до двенатцати (sic !) лет» (1769) в другом переводе и в значительно переработанном виде [4, с. 315].

«Краткое понятие...» включает вступление и 22 раздела (отделения): О создании; О человеке; О Боге; О вере; О законах; О науках и художествах; О музыке; О времени; О космографии; О географии; Продолжение географии; Об истории; Об императорских европейских дворах; О королевских европейских дворах; Продолжение о королевских европейских дворах; О Папе (Римском); О республиках; О курфюршествах; О мифологии; Продолжение мифологии; О геральдике; О кавалерских орденах.

В фонде отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки имени В.А. Артисевич есть три экземпляра разных изданий этой учебной книги, по которой училось несколько поколений российских детей:

Краткое понятие о всех науках, для употребления юношеству. 2-е издание, исправлено и умножено прибавлением главы о музыке с нотами. – Москва: Печатано при Императорском Московском университете на кошт книгосодержателя Христиана Людвиг Вевера, 1774. – [4], 1–144, 142–165, 169–191 с.: ил. 12°.

Экземпляр в цельном кожаном переплете поступил в ЗНБ из библиотеки Саратовского краевого архива, ранее хранился в Саратовской ученой архивной комиссии. То же самое можно сказать и о третьем издании книги (переплет составной, бумага, кожа):

Краткое понятие о всех науках, для употребления юношеству. Издание 3-е, исправлено и умножено прибавлением главы о музыке с нотами. – Москва: Печатано при Императорском Москов-

ском университете на кошт книгосодержателя Христиана Лудвига Вевера, 1788. – [8], 327, [1] с.: ил. 12°.

Это издание вышло с параллельным текстом на французском и русском языках. На экземпляре имеется штампель «Высочайше утвержден[ная] Саратовская Ученая Архивная комиссия» и запись: «12 августа 1908 г. отъ Е.П. Феокритова», означающая, что книга была пожертвована в СУАК сыном и наследником хорошо известного в Саратове владельца типографии Петра Силовича Феокритова и, вероятно, представляла собой семейную реликвию. Трагична судьба дарителя: Евгений Петрович был расстрелян в годы Большого террора.

В фонде хранится еще один экземпляр этой учебной книги – вариант с параллельным текстом на немецком и русском языках:

Краткое понятие о всех науках, для употребления юношеству. 2-е издание, исправлено и умножено прибавлением главы о музыке с нотами. – Москва: Печатано при Императорском Московском университете на кошт книгосодержателя Христиана Лудвига Вевера, 1788. – [8], 1–312, 314–337, 337–387 с. 12°.

Экземпляр принадлежал рано умершему поэту и литературному критику Юрию Ананьевичу Сидорову (1887–1909). Начинаящий литератор – студент Московского университета входил в литературный круг Андрея Белого. Книжное собрание Ю.А. Сидорова пожертвовали в Саратовский университет его родственники.

Но автором «Сокращения всех наук» – Ж.А.С. Формеем была написана не только учебная детская книга. Ему принадлежит более 150 различных публикаций по истории философии, политической жизни, теологии. Официальный историограф Берлинской академии, он выступал и как публицист, и как один из авторов Энциклопедии. Помимо античности Формей интересовался историей Польши и России, европейской политикой, писал о Фридрихе II и Д`Аламбере. Ему также принадлежат переводы на французский язык «Журнала Петра I» и «Сказки о Царевиче Хлоре» Екатерины II.

Одним из самых значительных его трудов считают Вольфиану – краткое изложение философии Христиана Вольфа (1679–1754), наиболее видного деятеля немецкого Просвещения. Сокращенные переводы трудов Х. Вольфа издавались как в Германии и Франции

(Л.Ф. Тюммиг, Формей), так и в России («Вольфиянская экспериментальная физика» в переводе М.В. Ломоносова).

Жан Анри Самюэль (Иоганн Генрих Самуэль) Формей родился в Берлине 31 мая 1711 года в семье французских эмигрантов-гугенотов. В Бранденбурге существовала французская колония на правах самоуправления. Прослужив в ней шесть лет, в 1737 году Формей перешел во французский коллеж Берлинской академии, возглавив кафедру риторики. В 1739 году он стал профессором философии.

Берлинской академии наук покровительствовал Фридрих II, стремившийся соответствовать образу просвещенного монарха, востребованному эпохой. В 1745–1753 годах президентом Академии был французский физик П.Л.М. де Мопертюи. В этот период Формей избрали непременным (perpetuel) академическим секретарем. Он написал «Историю Берлинской Академии наук» и «Мемуары о Берлинской Академии». В 1788 году Формей получил звание директора отделения философии Академии. В 1797 он скончался.

В России Формей был хорошо известен, как в Академии наук, так и при дворе. В 1776 году Павел I, в то время наследник престола, в сопровождении генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского был в Берлине по поводу предстоящего бракосочетания с племянницей Фридриха II – принцессой Вюртембергской (будущей Марией Федоровной). Во время визита Павел и Румянцев посетили Академию, Формей приветствовал их речью: «Да великая и процветающая Империя, предназначенная Вашему Высочеству, – сказал он, – всегда будет опираться на столбы столь же прочные, каковы и ныне поддерживают ее. Да в советах Ваших первенствуют всегда министры, в армиях полководцы, одинаково любимые Минервою и Марсом. Да будет герой этот (здесь я невольным образом предаюсь восторгу, ощущаемому мною при виде великого Румянцева) долгое еще время ангелом хранителем России!» [1, с. 41]. «Славный Формей», – называет его Д.Н. Бантыш-Каменский.

Современник энциклопедистов и сам один из авторов Энциклопедии, Формей известен своей острой полемикой с Ж.-Ж. Руссо. В 1762 году вышел знаменитый роман «Эмиль, или О воспитании», вызвавший резкую критику католического духовенства. Опасаясь преследо-

ваний, Руссо перебрался в Швейцарию. Идеи Руссо оказали сильнейшее влияние на русское общество в XVIII–XIX веках.

Формей, конфликтовавший не только с Вольтером, но и с Руссо, сразу отозвался на выход «Эмиля» «Анти-Эмилем» (1763). Книга вышла на французском языке, как и остальные его сочинения, но вскоре была переведена на немецкий. В 1764 году Формей издает новое полемическое сочинение – «L'Emile Chrétien».

В 1797 году, в год смерти автора, князь Константин Енгальчев переводит «Анти-Эмиля» на русский язык. Перевод выходит под заглавием:

Анти-Эмиль г. Формея, или Опровержение Руссова образа воспитания и мыслей. Переведенное с французского языка. – Москва: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797. – XXXII, 314 с. 8°.

В библиотечном фонде хранится экземпляр, поступивший из собрания профессора Санкт-Петербургского университета И.А. Шляпкина.

Не исключено, что под влиянием революционных событий во Франции у издателей возникла мысль перевести забытую и немодную книгу Формея. Во введении автор заявляет, что считает сочинение Руссо вредным и оправдывает его преследование. Казалось бы, эта декларация уже четко обозначает авторскую позицию, но Формей не останавливается на этом и разбирает четыре части амстердамского издания «Эмиля», которым он пользовался. Он едко высмеивает странности, противоречия и парадоксы Руссо. К странностям последнего он относит, например, утверждение, что Эмиль должен «ехать лето в Неаполе провождать, дыша в полсна кротким зефиром в прохладных Тарентских гротах, а зиму в Петербурге, при иллюминации ледяного дома, без дыхания и уставши от бальных веселий» [6, с. 207] (неточная цитата из романа Руссо). Критика Формея не всегда последовательна: иногда он все же соглашается с Ж.-Ж. Руссо, а образ Софи даже встречает у него некоторое одобрение. Однако это не меняет общего тона книги. Заметим, что и Руссо, отзываясь на критику Формея, не жалел для оппонента уничижительных эпитетов.

Разумеется, не только к воспитанию воображаемого Эмиля и проблемам педагогики сводится заочный спор с «Женевским граждани-

ном». Действия «естественного закона» Формей не отрицал, но многие идеи Руссо стремился опровергнуть.

Говоря о читательских предпочтениях русского образованного общества, нельзя не учитывать свойственное ему в то время свободное владение иностранными языками. Книга Формея могла быть прочтена в России задолго до перевода на русский язык, но вряд ли могла вызвать симпатии к автору среди поклонников Руссо. В числе противников «эмилевой системы» воспитания была Екатерина II. Но влияние идей Руссо на читающую публику неоспоримо, им восхищались, например, Н.М. Карамзин и Л.Н. Толстой. Руссоистские взгляды высказывали герои Достоевского. Д.В. Философов писал: «...вся русская литература разрабатывала, в конце концов, темы Руссо. <...> Без особых усилий мы можем представить себе Руссо, спорящего в кругу петрашевцев. Нас не удивило бы, если бы он подсел к столу в грязном трактире, где Алеша и Иван Карамазовы спорили о Боге под звуки «Травиаты». Вероятно, Пьер Безухов и Платон Каратаев рады были бы иметь Жан-Жака своим товарищем по плену» [5, с. 397].

4 июля 1789 года состоялась встреча Формея с Н.М. Карамзиным, упомянутая в «Письмах русского путешественника». «Ныне поутру встал я совершенно здоров, оделся и поехал к Господину М**. Он повез меня к Формею, Секретарю Берлинской Академии, который принял нас ласково. Сей старик все еще бодр и весел. Он читал нам письмо, полученное им из П* от своего родственника, который всякую неделю пишет к нему и не щадя бумаги. «Не поверите, с каким удовольствием я все это читаю!» сказал он. Г. Формей был знаком с Вольтером, и рассказывал нам некоторые анекдоты касательно до его пребывания в Берлине», – писал Н.М. Карамзин [2, с. 43].

Описание этой встречи Ю.М. Лотман прокомментировал так: «...в целом оценка Карамзиным литературной среды Берлина сухая и сдержанная: он не скрывает устарелости воззрений берлинцев и особенно подчеркивает их узость и нетерпимость. Однако, верный своему требованию толерантности, он уклоняется от прямых осуждений, выражая неодобрение формулой умолчания. Такая позиция требовала от читателя большой культуры – понимания не только того, что сказано, но и того, что обойдено. Так, говоря о Формее, Карамзин с высочайшей похвалой отзывается об «Исповеди», а еще в следующем

письме (Берлин, июля 7) положительно отзывается о «Руссовой системе» воспитания, т.е. об «Эмиле». Понимающий читатель мог сделать из этого вывод об отношении путешественника к Формею...» [3, с. 621]. В глазах информированных современников Формей, таким образом, выглядел инициатором кампании насмешек в адрес Руссо.

Но в лаконичной записи Карамзина интересна еще одна деталь: консерватор и монархист, Формей радостно встречает известия о событиях во Франции. Видимо, даже родившись и прожив всю жизнь в Берлине, он все равно считал себя французом.

Итак, в конце XVIII века Формей был известен при русском дворе как консервативный благонамеренный автор, его учебное пособие для детей неоднократно переиздавалось. Тем более странно выглядит запись, сделанная неустановленным лицом, на библиотечном экземпляре еще одной книги Формея: «*Сия книга запрещенная у кого найдется брать а у нас находится не одна же*». Речь идет об издании:

Опыт о совершенстве. Из Формея. – В Санкт-Петербурге: При Святейшем Синоде, 1805. – 92 с. 8°.

В книге имеется посвящение: «Е. И. В. Статс-Секретарю, Святейшего Правительствующего Синода г. Обер-Прокурору, Действительному Камергеру и Кавалеру, Князю Александру Николаевичу Голицыну».

Переводчик неизвестен, но сразу заметны славянизмы в тексте («убо», «могл» и др.), благодаря которым текст воспринимается как архаичный. Вероятно, перевод был выполнен лицом духовного звания. Как же могло произойти, что эта небольшая книга, напечатанная в Синодальной типографии, оказалась запрещенной? Напрашивается следующее предположение: верный себе, Формей полемизирует с республиканцами. Возможно, частое употребление слова «республика» насторожило цензора, не вникнувшего в суть спора.

Всего на русском языке вышло три книги Формея, но третьего издания в фонде ЗНБ, к сожалению, нет. Это «Сокращенное предложение королевского плана к поправлению правосудия сочиненное господином Формеем» (Санкт-Петербург: Тип. М. Овчинникова, 1878). Перевел эту книгу Федор Васильевич Кречетов, задумавший издавать периодическое издание «Общества просветителей-вольнодумцев» [4, с. 316]. Проспект задуманного издания был изъят из типографии, дело

о Кречетове передано в суд. Книга Формея при этом цензурного преследования все же избежала.

В библиотечном фонде есть одно иностранное издание Формея, на французском языке – «Le philosophe Chrétien» («Христианский философ»):

Le philosophe Chrétien. T. 1 / par m-r Formey. 2-e ed., revue et augmenté. – Leiden: E. Luzac, 1752. – XXVIII, 424 p. 8°.

На экземпляре имеется владельческая запись: «C[om]pte de E.W. de Wilborg...».

Это философское сочинение, затрагивающее различные аспекты жизни человека и общества. В первый том вошли главы: «О дружбе», «О любви», «Об ожидании смерти», «Характер человека справедливового», «О смирении», «О воспитании».

«Христианский философ» был написан раньше «Анти-Эмиля», поэтому автор, апеллируя к Руссо, ссылаясь на свою же книгу. Действительно, некоторые мысли, высказанные ранее, варьируются в «Анти-Эмиле». Например, сопоставление античности и современности: «Любящий свое Отечество француз, своего короля, город, семейство, и поступающий таким образом, есть хороший гражданин, лучше, может быть, нежели римлянин и спартанин, у которых наружности и энтузиазма более было, нежели рассудка и размышления» [6, с. 7]. Подданный и апологет прусского короля, протестант, Формей, однако же, считает образцом гражданина некоего абстрактного француза-роялиста. Ощущал ли он себя потомком апатридов – вопрос остается открытым. Во всяком случае, можно предположить, что, даже родившись и прожив долгую жизнь среди немцев, он не утратил свою национальную самоидентификацию.

Ранее Формей, хотя и с оговоркой, но отдавал должное историческим деятелям античности: «Les seules vertus morales du Paganisme, l'amour de patrie, l'intégrité, la fidélité et les autres qualités de cet ordre, qui ont brillé dans les Grands Hommes de l'Antiquité, leur avoient déjà procuré un échantillon de cette félicité. Contens dès qu'ils avoient fait le devoir, ils méprisoient l'ingratitude de leurs consitoyens, l'exil, les supplices même, et soutenoient jusqu'au bout cette grandeur d'ame, <...> don't leur conscience étoit la principal source» («Нравственные добродетели язычества – это только любовь к родине, честность, верность

и другие качества этого же порядка, которыми блистали великие мужи древности, уже делали их образцами этого счастья. Следуя своему долгу, они пренебрегали неблагодарностью сограждан, изгнанием, даже угрозой казни и сохраняли до конца этот великий дух, который был их главной силой») [7, с. 232].

В целом, говоря о Ж.А.С. Формее, можно сделать вывод, что он был представителем умеренного бюргерского Просвещения. Он получил признание в Берлине как историограф Берлинской академии, но его позиция по отношению к Руссо не могла вызвать симпатию значительной части русских читателей. Со временем, когда полемика вокруг «Эмиля» забылась, а идеи Руссо по-прежнему оставались для общества актуальными, Формей остался в памяти как малоизвестный автор устаревшего учебного пособия для детей.

Список использованных источников и литературы

1. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. СПб., 1840. Ч. 2.
2. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
3. *Лотман Ю.М.* Примечания. Часть первая // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 613–694.
4. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3.
5. *Философов Д.В.* Жан-Жак Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / сост., вступ. статья и комментарии А.А. Златопольской. СПб., 2005. С. 395–398.
6. *Формей Ж.А.С.* Анти-Эмиль г. Формея, или Опровержение Руссова образа воспитания и мыслей. Переведенное с французского языка. М., 1797.
7. *Formey J.H.S.* Le philosophe Chrétien. T. 1 / par M-r Formey. 2-e ed., revue et augmenté. Leiden, 1752.
8. Formey // Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIX siècle. [Paris], 1864. Т. 8. P. 610.

А.Д. Аукштыкальните

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЕКАТЕРИНЫ II: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Статья посвящена развитию отечественной историографии, посвященной вопросам русского Просвещения, в частности, педагогическим взглядам императрицы Екатерины II на воспитание наследников престола и дворянских детей. Автор анализирует основные труды специалистов, занимавшихся изучением данной проблемы на протяжении XIX – начала XXI века.

Ключевые слова: Екатерина II, Александр I, русское Просвещение, педагогические взгляды.

A.D. Aukshtykalnite

PEDAGOGICAL VIEWS OF CATHERINE II: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

The article is devoted to the development of Russian historiography on the issues of Russian Education, in particular, the pedagogical views of the Empress Catherine II on the education of heirs to the throne and noble children. The author analyzes the main works of specialists engaged in the study of this problem during the XIX – early XX Centuries.

Key words: Catherine II, Alexander I, Russian Enlightenment, pedagogical views.

Екатерина II была не только искусным политиком. Обладая литературным талантом, она пробовала свои силы и как литератор, педагог. Последнее направление ее творчества, нашедшее воплощение в различных философско-педагогических произведениях, представляет особый интерес.

Как законодательница и философ на троне Екатерина воплощала свои педагогические идеи в различных инициированных ею проектах – от школьной реформы и учреждения среднего женского образования до формирования передовой педагогической стратегии воспитания собственных внуков, а вместе с ними и целого поколения детей аристократов.

Императрица оставила после себя богатейшее литературное наследие, которое начали систематизировать и изучать еще в первой половине XIX века. Уже при её жизни в 1781 году читатели познакомились с «Российской азбукой для обучения юношества чтению» [1], в которую было включено «Гражданское начальное учение», а в 1783 году было издано «Продолжение начального учения» [2].

С публикации переписки российской императрицы Екатерины II с Вольтером [3] началось постепенное введение в научный оборот её литературно-эпистолярного наследия в «Сборниках Императорского Русского исторического общества», сборниках «Оснадцатый век», журнале «Русский архив» и др. В 1832 году вышли в свет «Были и небылицы» [4] и дважды (1832, 1894) было переиздано гражданское начальное учение [5].

В 1849 [6], 1893 [7] и 1896 [8] годах увидели свет многие сочинения императрицы Екатерины II. Однако наиболее значимым вкладом в публикацию её письменного наследия в дореволюционное время стало издание «Сочинений» в 12 томах [9], в которые были включены почти все ее литературные и научные произведения.

Историков привлекал широкий спектр просветительской деятельности Екатерины II – от взаимодействия с западноевропейскими и русскими просветителями и составления собственных педагогических текстов до реформирования системы образования в России в целом.

Так, педагогические идеи Екатерины в контексте переписки с просветителями рассматривали в своих трудах Н.А. Лавровский [10], П.П. Пекарский [11], А.Ф. Бычков [12]. Активную просветительскую позицию императрицы отмечали такие исследователи, как М.Ф. Владимирский-Буданов [13], Д.Ф. Кобеко [14], А.В. Боровский [15], А. Дьяко-ненко [16], В.Е. Ермилов [17], Н.К. Маккавейский [18]. Нравственные педагогические идеалы екатерининской эпохи анализировали М.Ф. Суперанский [19] и И.А. Павленко [20].

Исследования А. Никольского [21], В.С. Иконникова [22], Я.К. Грота [23], Л. Модзалевского [24], В.Ф. Соколова [25], М.В. Довнар-Запольского [26], М.И. Демкова [27], П.Ф. Каптерева [28], В.В. Каллаша [29; 30] были посвящены реформаторской деятельности императрицы в сфере школьного образования.

Работы А.А. Лефорта [31], С.М. Соловьева [32], А.Г. Брикнера [33], В.А. Бильбасова [34], В.О. Ключевского [35], П.Н. Милюкова [36] охватили различные аспекты деятельности императрицы.

Научный интерес представляют собой педагогические взгляды императрицы Екатерины II на воспитание наследников престола и дворянских детей, как важный этап в развитии российской педагогической мысли. Как правило, педагогические воззрения Екатерины II рассматривались историками преимущественно в рамках более широких исследований, посвященных ее жизненному пути.

Далеко не все дореволюционные историки разделяли педагогические идеи императрицы, соглашаясь с С.М. Соловьевым, иронично назвавшим императрицу «мудрой мамашей, которая писала прекрасные правила для воспитания граждан, а на старости лет заметила вредные следствия своих уроков и сильно гневалась на непокорных детей...» [32, с. 477].

Первым серьезным монографическим исследованием, в котором дается краткая характеристика взглядов Екатерины II на воспитание наследников престола, стала книга одного из видных исследователей истории России XVIII века А.Г. Брикнера «История Екатерины Второй». Историк рассмотрел многостороннюю литературную деятельность императрицы, в которой нашлось место и для педагогических рассуждений – сказок и повестей для внуков, и для разнообразных правил по вопросам образования и воспитания, отметил интерес Екатерины к истории России, стремление заботливой бабушки составить интересный и «правдивый» учебник для своих внуков. Однако, признавая широту и разнообразие интересов императрицы, ее трудолюбие, историк не считал ее познания глубокими и основательными, в результате чего не подверг серьезному анализу ее идеи по вопросам воспитания и образования дворянских детей и своих наследников, отметив, что Екатерина Алексеевна «внимательно следила за воспитанием сына» [33, т. 3, с. 762], но гораздо тщательнее «Екатерина руководила всеми подробностями воспитания внука» [33, т. 3, с. 771]. Причину тому А.Г. Брикнер видел в остававшемся открытым перед Екатериной вопросе о престолонаследии [33, т. 3, с. 774].

По мнению Брикнера, безграничная любовь Екатерины II к внукам Александру и Константину побудила императрицу создать не

только эскиз детской одежды, но и нравоучительные сказки, от которых она перешла к личным урокам арифметики и составлению целых учебников. Историк отмечал, что мысли императрицы о физическом воспитании ребенка, гигиенических требованиях были близки по духу к господствовавшим в то время передовым западным педагогическим идеям. Он также подметил тонкую психологическую наблюдательность Екатерины, умение входить в положение ребенка, высоко оценил подобранных лично императрицей педагогов Ш.Ф. Массона, П.С. Палласа, Ф.С. Лагарпа. Однако в главе, посвященной вопросам образования и воспитания царственных внуков, нет упоминания о главном воспитателе наследников – графе Н.И. Салтыкове, более того, инструкция, составленная императрицей в первую очередь для него, называется им «инструкцией для воспитателей и наставников».

Близкую к С.М. Соловьеву точку зрения на воспитание дворянских детей и наследников престола выразил В.О. Ключевский. Историк считал, что благодаря воздействию просветительской литературы в русском обществе наметились две опасные тенденции: «утрата охоты к размышлению» и «потеря понимания окружающей действительности» [35, с. 161]. Сравнивая петровского дворянина-артиллера и навигатора с щеголеватым елизаветинским петимером, который эволюционировал благодаря Екатерине в «*homme de lettres*’а», вольтерьянца и масона, историк сокрушался, что чужой среди своих так и не стал своим среди чужих: для иностранцев русский образованный аристократ так и остался «переодетым татаринном», а для русского народа, которым он должен был управлять, – «случайно родившемся в России французом». Ключевский дал весьма едкую характеристику дворянину, воспитанному по екатерининским принципам: «С рук дьячка-учителя дворянин переходил на руки к французу-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных и доканчивал свои дни в московском или деревенском своем кабинете с Вольтером в руках. С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с ок-

ружающими...» [35, с. 167]. По мнению историка, бесплодное поколение, воспитанное на утопичных идеалах западного просвещения, не использовало ни во благо, ни во вред полученные им знания, однако, подготовило почву для революционных идей, зародившихся в умах уже следующего поколения. Относительно воспитания царственных внуков историк придерживался того же мнения: Александр I в детстве «был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что хлопотливо» [35, с. 187]. Он критиковал Екатерину II за ранний отрыв детей от отца и матери, за педагогов с их отвлеченными от российской реалии идеями о справедливых законах и естественных правах человека. Он осуждал педагогические подходы за оторванность от реальных наук, полагая, что в возрасте от десяти до четырнадцати лет предпочтительнее уделять внимание «логической выправке ума», а не философским размышлениям. Критике подвергся и главный воспитатель мальчиков – Н.И. Салтыков, который, по мнению историка, был совсем не подходящим проводником педагогических идей императрицы. В.О. Ключевский, говоря о результатах воспитательной стратегии второй половины XVIII века, глубоко не анализировал ее суть. Для него идеи западных философов, включенные в систему образования и воспитания русского дворянина или наследника престола, были умозрительными, утопичными, оторванными от реальной жизни, а потому и бесполезными как для дворянина, так и для будущего императора и всего российского общества.

Несмотря на подобные критические отзывы, многие дореволюционные исследователи считали вторую половину XVIII века «золотым веком» Российской империи, а заложенные императрицей основы дворянского воспитания фундаментом для дальнейшей европеизации страны, развития просвещения, науки и культуры.

Так, Я.К. Грот, известный филолог, академик, позднее вице-президент Российской Императорской Академии Наук, дал восторженную характеристику императрице: «В тот век литература не была одной роскошью в жизни правителей и государственных деятелей. Наиболее способным и честолюбивым из них не довольно было пожинать лавры на политическом поприще: они смело вступали в соперничество с замечательными представителями умственного движения своей эпохи. И едва ли не первое место между этими венценосными писателя-

ми по таланту занимала та гениальная женщина, которая не получив почти никакого воспитания, не имея, так сказать, родного языка пятнадцати лет от роду переселилась в Россию, и восемнадцать лучших лет жизни провела в самовоспитании» [37, с. 2]. Он подробно проанализировал литературные симпатии и антипатии императрицы. В частности, рассмотрел влияние на ее педагогические взгляды и связанные с ним литературные поиски Вольтера, которого императрица считала своим учителем, отметил неблагосклонность Екатерины Алексеевны к П. Бомарше и Ж.-Ж. Руссо. Литературные антипатии императрицы Я.К. Грот связывал с политическими взглядами данных авторов, упомянув, что в письмах к Вольтеру императрица называла Ж.-Ж. Руссо «Сен-Бернаром, проповедующим против нее новый крестовый поход», который, впрочем, не удался. По мнению Я.К. Грота, императрица не принимала идей, заключенных философом в «Эмиле» в виду того, что вся книга была пропитана не только безверием и революционными началами, но и стремлением воспитать свободного и независимого от общественного мнения молодого человека, для которого не существовало бы авторитетов. Некоторая схожесть педагогических идей Ж.-Ж. Руссо и Екатерины объясняется Я.К. Гротом общим источником их вдохновения – сочинениями Дж. Локка.

Я.К. Грот, проанализировав обширную переписку императрицы с Ф.М. Гриммом, которого исследователь полагал за «одного из главных пособников в развитии ее взглядов», отметил, что благодаря этим письмам императрица осмыслила подходы по подготовке и проведению реформ народного образования. Несмотря на всю важность обсуждаемых реформ, наиболее увлекательными моментами переписки, считал сообщения императрицы о процессе воспитания своих внуков, которые без труда можно отнести к «признаваемым образцам ума и авторского таланта».

Н.К. Шильдер соглашался с устоявшейся в историографии точкой зрения о желании императрицы передать престол «наследнику по сердцу», которое она умело транслировала через переписку с Ф.М. Гриммом. Историк подметил не только прагматичное стремление Екатерины Алексеевны воспитать в своих внуках просвещённых монархов, но и дремавшие в ней материнские чувства, которые, наконец, нашли выход. Он отмечал, что, будучи поклонницей «просветитель-

ного движения», охватившего Западную Европу, императрица, знакомая с современными теориями воспитания, в этом вопросе «приступила к делу во всеоружии и научных знаний и опытности» [38, с. 6].

Б.Б. Глинский [39; 40] в трудах, посвященных педагогам наследников русского престола, более широко коснулся вопросов устройства малых дворов великих князей, их взаимоотношений с воспитателями и учителями, дал оценку педагогическим взглядам самой императрицы. Соглашаясь с предшественниками в том, что Екатерина II уделяла мало внимания процессу образования и воспитания своего сына Павла, всецело доверив его заботам Н.И. Панина, Глинский не без иронии отметил, что она все же пригласила на роль воспитателя известного французского философа Ж.Л. Даламбера, написав ему от своего имени письмо [40, с. 166]. Несмотря на отказ философа от лестного приглашения, сам факт обращения к нему способствовал формированию образа «просвещенной правительницы» и «самой передовой женщины» своего времени [40, с. 166]. По мнению Б.Б. Глинского, Екатерина считала совершенно неспособными к правильному воспитанию детей Павла Петровича и Марию Федоровну, в связи с чем с ранних лет ее внуки были лишены постоянного присутствия отца и матери в их жизни.

Публицист проанализировал инструкцию Н.И. Салтыкову, дал характеристику педагогам, особенно подробно остановившись на Ф.С. Лагарпе, его педагогических методах и многолетней дружбе со своим воспитанником будущим императором Александром I. Однако, по мнению автора, придворная среда с ее соблазнами оказала пагубное воздействие на процесс воспитания наследников престола, а Екатерина II упустила этот фактор из внимания.

П.Н. Милюков [36, с. 263–265] более масштабно оценивал педагогические замыслы императрицы. Историк дал развернутую характеристику ее педагогическим взглядам на воспитание наследников престола, дворянских детей и детей иных сословий, целям, которые она ставила перед собой, и итогам, которых достигло целое поколение дворянских детей, воспитанных в соответствии с принципами эпохи Просвещения. Милюков полагал, что увлеченная западными педагогическими идеями императрица задалась «более широкой мыслью»: современная ей система образования должна была не только учить,

но, в первую очередь, воспитывать молодого человека, и не важно, был это сын императора, дворянина, купца или лавочника. Что, однако, не исключало сословности в подходах к образованию и воспитанию: каждый ребенок должен был быть воспитан и образован в соответствии со своим положением в обществе. Сравнивая педагогику XVII века с ее «библейским», жестким, даже деспотичным домостроевским подходом к ребенку, с «жезлами, сокрушающими ребра», строгостью и суровостью в отношении детей, с «евангельским», а позднее – «гуманитарным» педагогическим идеалом, пришедшим с Запада и укоренившимся в умах людей в эпоху Екатерины II, историк пришел к выводу, что случившиеся благодаря императрице изменения однозначно улучшили положение детей в обществе. «Гуманитарный» идеал, который проповедовала Екатерина, исходил из уважения в личности ребенка, отказа от насилия, жестокости, в отношении него. Он отметил, что последователи просветителей считали ребенка «мягким белым воском», «из которого можно было вылепить самые разнообразные формы». Поэтому, «черпая» из трактатов Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, А. Каменского «целые страницы» для своей инструкции к Н.И. Салтыкову, императрица ставила цель не только хорошо воспитать и обучить своего внука, но и вместе с этим «пересоздать человечество посредством воспитания». Попытка «пересоздать человечество» должна была происходить одновременно с созданием «новой семьи», «нового мужа» и «новой жены». Подобный эксперимент требовал изоляции детей от всего «зловредного», дающего ребенку плохой жизненный опыт. Поэтому необходимо было воспитать в закрытых учебных заведениях не только мальчиков, но и девочек. П.Н. Милюков подметил, что в начале своего правления императрица хотела сформировать самостоятельно мыслящую женщину. И примером была она сама, женщина, развившая свои таланты через чтение серьезной литературы с последующим переосмыслением прочитанного. Учитывая критику многих современников императрицы, в частности М.М. Щербатова, считавшего, что открытый императрицей Смольный институт «не принес ни ученых, ни благонравных девиц», П.Н. Милюков все же остался на ее стороне. По мнению историка, благодаря произошедшим в екатерининскую эпоху реформам в области образования в русской семье появились образованные женщины, «внесшие в по-

следнее убежище дедовских предрассудков струю свежего воздуха и света» [36, с. 267]. Однако императрица осознала, что девица, в первую очередь, должна быть «доброй хозяйкой, верной супругой и попечительно матерью», а уже потом подкованным в политике собеседником. Историк также отмечал, что благодаря усилиям императрицы и И.И. Бецкого из среды молодых офицеров стали выходить прекрасные музыканты, художники, литераторы. Но уже к восьмидесятым годам Екатерина II поняла, что прекрасно воспитанные с эстетической точки зрения офицеры уступали в профессиональных знаниях и военных навыках тем, кто получил более приземленное, но более практическое профессиональное образование. За этим последовало отстранение И.И. Бецкого от управления Шляхетским корпусом и смена подходов к образованию молодых дворян. Рекомендованный Иосифом II Ф.И. Янкович де Мириево разработал новый план учебных заведений, положенный в основу «Устава народных училищ». Теперь знаниевая составляющая в образовательной траектории начала превалировать над воспитательной – физика, механика, геометрия, история и география занимали умы юных аристократов больше, чем танцы и музыка, такие излюбленные некогда в шляхетском корпусе.

По мнению Милюкова, Екатерина шестидесятих годов – это неутомимый энтузиаст, готовый создать новую породу людей, а Екатерина восьмидесятих годов – разочарованный энтузиаст, который уже осознал, что для реализации столь масштабного замысла, у нее было слишком мало средств.

Директор Московского учительского института М.И. Демков в своих многочисленных трудах, посвященных истории развития педагогической мысли, высоко отзывался о педагогическом наследии Екатерины II. Так, в двухтомном труде «История русской педагогики» [41] содержится несколько глав, где автор не только охарактеризовал основные вехи развития системы образования в XVIII веке, но и детально изучил педагогические воззрения императрицы в целом, и ее подходы к воспитанию наследников престола, в частности. Демков полагал, что сформулированные Екатериной Алексеевной еще в тексте «Наказа» некоторые мысли о воспитании и образовании, во многом позаимствованные у Ш. Монтескье и Ч. Беккариа, были позднее развиты в аллегорических сказках «О царевиче Хлоре» (1781), «О царевиче

Феве» (1782), а главным образом – в инструкции к графу Н.И. Салтыкову. Историк также сделал вывод о сильном влиянии И.И. Бецкого, видного деятеля русского Просвещения, личного секретаря и чтеца императрицы, имевшего возможность пользоваться служебным положением, подбирая нужные книги для ознакомления и формирования педагогических интересов Екатерины. Однако публикуя извлечения из инструкции Н.И. Салтыкову, историк пришел к выводу, что увлеченная идеями западных просветителей императрица пошла значительно дальше своего «учителя» Бецкого, главной ошибкой во взглядах которого было «небольшое значение в воспитании ума» при огромном внимании к развитию в детях всевозможных добродетелей.

После революции 1917 года просвещенный абсолютизм Екатерины, ее литературно-педагогическое творчество и реформы в сфере образования рассматривалось советскими историками с точки зрения классового подхода как демагогия и вынужденное лавирование в условиях разложения феодально-крепостнического строя (Н.А. Константинов и В.Я. Струминский [42], Е.К. Медынский [43], Л.А. Додон [44], М.Т. Белявский [45], Н.М. Дружинин [46] и др.). Большинство историков осуждало Екатерину II за переписку с европейскими философами, пытаясь усмотреть в ее действиях и словах лицемерие, вставляли на сторону оппонентов императрицы – Н.И. Новикова и А.Н. Радищева, чьи биографии стали актуальным предметом исторических исследований (Г.П. Макогоненко, А.С. Будзько и др.)

Данный подход в оценке педагогических взглядов Екатерины II не изменился и в 1980-е годы. Первый заместитель министра просвещения СССР Ф.Г. Паначин в своей статье, открывающей очередной том «Антологии педагогической мысли народов СССР», выразил официальную позицию, раскритиковав императрицу за стремление «подчинить воспитание и обучение подрастающего поколения самодержавно-крепостническому строю» [49, с. 20].

В постсоветский период российские исследователи стали пересматривать подходы к изучению екатерининского царствования, иначе оценивая вклад императрицы в развитие просвещения в целом, и воспитания наследников престола и дворянских детей в частности.

Хотя Ю.М. Лотман, вторя В.О. Ключевскому, полагал, что пассивное поколение «дворян-вольтерьянцев», воспитанное при Екатерине,

в политическом отношении было бесплодно, однако отмечал, что привитые отцам идеи о свободе и естественных правах человека проросли в душах уже следующих поколений детей, готовых эти идеи отстаивать [50].

Н.И. Павленко же, напротив, поставил Екатерину II в один ряд с Петром I, высоко оценив вклад императрицы в развитие просвещения: «Екатерина Великая после своего 34-летнего правления оставила Россию более могущественной и просвещенной, становившейся на путь законности» [51, с. 105].

В работах А.Б. Каменского [52; 53, с. 463], Е.В. Анисимова [54, с. 347], О.И. Елисеевой [55, с. 351] даны взвешенные оценки просветительской деятельности императрицы. Историки отметили педагогические и литературные таланты Екатерины II, высоко оценили ее вклад в развитие Просвещения в России, отметив, что в эту эпоху существенную роль в воспитании подрастающего поколения начинают играть идеалы классицизма: подчинение личного общему, стойкость перед жизненными неурядицами, культ героического, вера в исцеляющую силу искусства.

Иностранные исследователи, такие как И. де Мадариага [56] и В. Роундинг [57], также рассматривали просветительские проекты императрицы и сделали несколько частных выводов. Так, Мадариага соглашается с большинством историков в том, что императрица не желала участия церкви в образовании, критикует Екатерину за то, что просвещение не стало массовым, однако оценивает и положительные стороны, такие как бесплатность образования и его четкая нормативная регламентированность.

В. Роундинг в общем русле выдвинутых ранее идей отмечает, что взгляды императрицы на воспитание детей, особенно ранние, складывались из наблюдений над своим сыном Павлом, который был «надломлен и физически и духовно ранним переходом в руки Елизаветы и ее помощников с их старомодными взглядами, с пленением и перегревом комнат» [57, с. 423], и печальных выводов по итогам данных наблюдений.

Большой интерес исследователей вызвали различные аспекты биографий Александра I и Константина Павловича, в которых также нашлось место оценке итогов их обучения и воспитания согласно кон-

цепции их венценосной бабушки. Плоды воспитания великих князей рассматриваются в работах Н.А. Троицкого [58, с. 33], А.Н. Архангельского [59], Л.М. Ляшенко [60], А.Д. Яновского [61], М.А. Кучерской [62], И.В. Зимина [63], М.П. Рэй [64] и др.

Интересна точка зрения Н.А. Троицкого, который считал, что «по уму и таланту Александр I как государь превосходит любого из русских царей, кроме Петра Великого» [65, с. 27]. И такого результата было бы трудно достичь, будь у него плохие педагоги. Однако Троицкий отмечал, что далеко не все представители учительского корпуса разделяли педагогические взгляды императрицы на воспитание великих князей, в частности противником ее идей был Ф.С. Лагарп, который на самом деле не следовал ее методу, часто поступая наоборот.

С.В. Мироненко полагает, что система образования и воспитания, созданная Екатериной, не была поверхностной и оказала серьезное влияние на становление либерального мышления Александра, а увлечение молодого императора конституционными идеями было весьма серьезным [66, с. 48].

Некоторые современные историки придерживаются точки зрения, что Александр и его брат Константин все же не получили глубокого образования, однако, были искренне привязаны к своим учителям и воспитателям (М.П. Рэй, И.В. Зимин). Исследователи критикуют педагогическую стратегию императрицы, оценивая ее как не до конца продуманную, поверхностную и оторванную от реалий российской действительности, усматривая ошибки в подборе воспитателей и педагогов (А.Н. Архангельский, М.А. Кучерская). Эти оценки очень близки к позиции дореволюционных авторов, в частности, великого князя Николая Михайловича Романова [67], который еще сто лет назад писал о том, что на характер Александра Павловича негативно повлияли не только сложные внутрисемейные отношения между его венценосной бабушкой и родителями, но и воспитатели, и педагоги, в частности Н.И. Салтыков, учивший мальчика лукавить, скрывать свои чувства, а оторванные от российских реалий знания привели уже взрослого Александра к разочарованиям и идее оставить престол и удалиться от двора.

Новые детали взаимоотношений венценосной бабушки и внуков открылись читателям в публикации С.А. Мезиным и Я.Н. Рабиновичем

писем Екатерины II к Н.И. Салтыкову, хранящихся в Миланском государственном архиве [68].

На фоне возросшего интереса исследователей к педагогической деятельности императрицы в воспитании наследников престола, появилась целая плеяда интересных исследований более частных вопросов, так или иначе затрагивающих образование и воспитание в эпоху Просвещения. Так, В.М. Боковой [69] были рассмотрены принципы образования и воспитания царских детей в разные эпохи, в том числе и детство Александра Павловича, А.В. Чудиновым [70], В. Береловичем [71], О.Ю. Солодянкиной [72], Е.В. Васютинской [73], В.С. Ржеуцким и В.А. Сомовым [74], изучались вопросы домашнего образования дворянских детей в России и их взаимодействие с иностранными гувернерами. Исследования В.Ю. Проскуриной [75; 76] посвящены анализу литературных полемических опытов императрицы, выступавших зеркалом общественно-политических процессов ее царствования. Серьезный шаг на пути учета и систематизации эпистолярного наследия императрицы совершили И.В. Бабич, М.В. Бабич и Т.А. Лаптева, подготовив аннотированную библиографию публикаций Екатерины II [77].

Анализ педагогических воззрений Екатерины II широко представлен в российской историографии в рамках различных исследований, касающихся жизненного пути Екатерины II, Александра I и других членов императорской семьи. Исследователи разных эпох обращались к эпистолярному наследию императрицы, подвергая анализу многие стороны её взглядов и политики области просвещения. Дореволюционные историки обратили внимание на сильные и слабые стороны педагогических идей императрицы, открыто критиковали ее в данном вопросе (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), восхищались ее взглядами (Я.К. Грот, Н.К. Шильдер, М.И. Демков), оригинальную позицию выработали А.Г. Брикнер, Б.Б. Глинский, П.Н. Милюков. Одной из главных заслуг дореволюционных историков можно считать публикацию основного массива документов, связанных с педагогическими взглядами императрицы. В советский период наблюдался спад интереса к данной теме, что было связано с господствующей в историографии марксистской идеологией и соответствующим ей отношением к «монаршей» педагогике. В современной российской историографии наблюдается отход от устаревших клише. Несмотря на то, что часть отечест-

венных и зарубежных исследователей подвергают критике педагогический талант императрицы, следуя за С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским (Ю.М. Лотман, А.Н. Архангельский, М.А. Кучерская, И.В. Зимин, М.П. Рэй), в последние десятилетия начал выработываться и более взвешенный подход к изучению её педагогической парадигмы, учитывающий характер эпохи (Н.И. Павленко, А.Б. Каменский, Е.В. Анисимов, Н.А. Троицкий и др.).

Обилие работ, посвященных различным аспектам екатерининского царствования, свидетельствует о росте научного интереса и актуальности многих вопросов, которые встают сегодня перед исследователями. Так, по-прежнему остаются актуальными и малоизученными вопросы взаимодействия царственных внуков Екатерины с педагогами, в частности, с главным воспитателем Н.И. Салтыковым, на которого императрица возложила ответственную миссию проводить в жизнь ее педагогические идеи.

Список использованных источников и литературы

1. [Екатерина II] Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ по высочайшему повелению. СПб., 1781.
2. [Екатерина II] Продолжение начального учения. СПб., 1783.
3. [Екатерина II] Философская и политическая переписка Екатерины II с г. Волтером, продолжавшаяся с 1763 по 1778 гг. СПб., 1802.
4. [Екатерина II] «Были и небылицы» и гражданское начальное учение. М., 1832.
5. [Екатерина II] Избранные сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1894.
6. [Екатерина II] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1849. Т. 1, 3.
7. [Екатерина II] Избранные сочинения императрицы Екатерины II / под ред. В.Ф. Солнцева. В 3 т. СПб., 1893.
8. [Екатерина II] Избранные сочинения императрицы Екатерины II (Наказ, педагогические сочинения, комедии, сатиры). СПб., 1896.
9. [Екатерина II] Полное собрание сочинение в 12 томах / под ред. А.Н. Пыпина, Я. Барскова. СПб., 1901–1908.
10. Лавовский Н.А. О педагогическом значении сочинений Екатерины Великой. Харьков, 1856.
11. Пекарский П.П. Бумаги Екатерины II, хранящиеся в архиве Министерства иностранных дел: в 4 т. СПб., 1871–1880.

12. *Бычков А.Ф.* Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1873.
13. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. СПб., 1874.
14. *Кобеко Д.Ф.* Екатерина II и Ж.-Ж. Руссо // Исторический вестник. 1883. Т. 12. С. 603–617.
15. *Боровский Н.С.* Педагогические воззрения императрицы Екатерины II и отношение их к вопросам современного профессионального образования. Одесса, 1896.
16. *Дьяконенко А.* Заботы императрицы Екатерины II о народном образовании. Киев, 1897.
17. *Ермилов В.Е.* Вопросы здорового воспитания при Екатерине Второй. М., 1897.
18. *Маккавейский Н.К.* Педагогические мечты Екатерины Великой и Бецкого (из истории воспитания в России). Киев, 1904.
19. *Суперанский М.Ф.* Идеалы нравственного воспитания в царствование Екатерины II // Русская школа. 1892. № 7–8. С. 19–41; № 9. С. 19–36. 1.
20. *Павленко И.А.* Воспитание и образование в царствование Екатерины II // Русская школа. 1911. № 2. С. 136–165.
21. *Никольский А.* Школьная реформа императрицы Екатерины II // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1872. № 8. С. 271–280.
22. *Иконников В.С.* Государство и народное образование в России XVIII века. Киев, 1874.
23. *Грот Я.К.* Заботы Екатерины II о народном образовании по ее письмам к Гримму. СПб., 1879.
24. *Модзалевский Л.* Очерки истории воспитания и обучения. СПб., 1886.
25. *Соколов В.Ф.* Деятельность императрицы Екатерины Второй на пользу женского образования. Одесса, 1896.
26. *Довнар-Запольский М.В.* Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М., 1906.
27. *Демков М.И.* История русской педагогики: в 2 ч. Ч. 2: Новая русская педагогика. СПб., 1897.
28. *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. СПб., 1909.
29. *Каллаш В.В.* Из истории екатерининской школы. М., 1898.
30. *Калаш В.В.* Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902.
31. *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II: в 5 ч. М., 1837.
32. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 т. М., 1995. Т. 18.
33. *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй: в 3 т. СПб., 1885.
34. *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй: в 2 т. Берлин, 1900.
35. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 5.
36. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1994. Т. 2.

37. *Грот Я.К.* Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму. СПб. 1879.
38. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 3 т. СПб., 1897. Т. 1.
39. *Глинский Б.Б.* Республиканец при русском дворе. СПб., 1888.
40. *Глинский Б.Б.* Царские дети и их наставники. СПб., 1899.
41. *Демков М.И.* История русской педагогики: в 2 ч. Ч. 2. Новая русская педагогика. СПб., 1897.
42. *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953.
43. *Медынский Е.К.* Педагогическая мысль и школа в России конца XVIII века // Очерки истории педагогики. М., 1952. С. 112–117.
44. *Додон Л.А.* Начала педагогического образования в России // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 199. Л., 1957. С. 167–186.
45. *Белявский М.Т.* Школа и система образования в России в конце XVIII века // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1959. № 2. С. 105–130.
46. *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. М., 1964. С. 428–459.
47. *Макогоненко Г.П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М., 1952.
48. *Будзько А.С.* Педагогические идеи Н.И. Новикова (1744–1818). Л., 1953.
49. Антология педагогической мысли России в XVIII в. / сост. И.А. Соловков. М., 1985.
50. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
51. *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2004.
52. *Каменский А.Б.* Под сению Екатерины. СПб., 1992.
53. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. М., 2001.
54. *Анисимов Е.В.* Императорская Россия. М., 2012.
55. *Елисеева О.И.* Екатерина Великая. М., 2010.
56. *Мадариага И., де.* Екатерина Великая и ее эпоха. М., 2006.
57. *Роундинг В.* Екатерина Великая. М., 2009.
58. *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.
59. *Архангельский А.Н.* Александр I. М., 2006.
60. *Ляшенко Л.М.* Александр I: самодержавный республиканец. М., 2014.
61. *Яновский А.Д.* Император Александр I. М., 2013.
62. *Кучерская М.А.* Константин Павлович. М., 2013.
63. *Зимин И.В.* Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010.
64. *Рэй М.П.* Александр I. М., 2013.
65. *Троицкий Н.А.* Россия в XIX. Курс лекций. М., 1999.

66. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
67. *Романов Н.М.* Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. М., 1912. Т. 1.
68. Lettere di Caterina II Romanov a N.I. Saltykov (1773–1793) / Bernini M.B., Osimo A., Мезин С.А., Gamba E., Santorelli F., Caciagli M., Dimitrio S., Pagani G., Varjani M.F. Catalogo della mostra, 3 novembre 2005 – 18 febbraio 2006. Milano, 2005.
69. *Бокова В.М.* Детство в царском доме. М., 2018.
70. *Чудинов А.В.* Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 441–474.
71. *Берелович В.* Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.
72. *Солодянкина О.Ю.* Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков). М., 2007.
73. *Васютинская Е.В.* Два века русского детства: портреты, бытовые сцены, костюм, мебель, рисунки, учебные тетради, письма, книги, игрушки XVIII – начало XX века. М., 2006.
74. Екатерина II. Аннотированная библиография публикаций / сост.: И.В. Бабич, М.В. Бабич, Т.А. Лаптева. М., 2004.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.44-25)|17/19|:930

М.В. Зайцев

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САРАТОВА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование посвящено развитию городского пространства Саратова в конце XVIII – начале XX века. Автор анализирует основные труды специалистов, изучавших данную проблему. Рассматриваются особенности монографий и статей, оценивается персональный вклад их авторов в разработку темы, намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: история города, история Саратова, городская планировка и застройка, историография.

M.V. Zaytsev

DEVELOPMENT OF SARATOV'S URBAN SPACE IN THE END OF XVIII AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: BRIEF OVERVIEW OF THE RESEARCH

The study is devoted to the development of the Saratov's urban space in the late XVIII – early XX centuries. The main works of specialists who studied this problem are analyzed. The features of monographs and articles are examined, the personal contribution of their authors to the development of the topic is evaluated, promising areas for further research are outlined.

Key words: urban history, history of Saratov, urban planning and development, historiography.

Изучение города с точки зрения его территориального роста, пространственной организации и архитектуры является одним из важнейших направлений исторической урбанистики. В отечественной науке эту проблему поставил когда-то Н.П. Анциферов, сравнивший место расположения городского поселения, его план, «ядро», площади, улицы и здания с элементами анатомии живого существа [1, с. 18]. Пространственным аспектам городского развития в прошлом уделяют большое внимание и современные специалисты различного профиля [2; 3; 4].

Городское поселение, как место существования человека, оказывает сильное воздействие на формирование внутреннего мира жителей, на их психологию и мировоззрение. Зачастую именно внешний облик города закладывает основу самоопределения людей, проживающих в нем, в качестве «горожан». Поэтому исследование подобных вопросов имеет большие перспективы.

В своем обзоре я хотел бы рассмотреть созданные к настоящему моменту основные работы, посвященные изучению формирования и развития городского пространства Саратова от конца XVIII до начала XX века. Такие хронологические рамки определяются крупнейшими событиями в истории города. Пожар 1774 года уничтожил большую часть городских зданий и положил начало масштабной реорганизации всей поселенческой структуры. Стоит подчеркнуть, что эта реорганизация осуществлялась в эпоху, когда централизованное планирование и внедрение принципов регулярности в городскую застройку обретают в России системный характер. Кроме того, превращение Саратова с 1781 года в административный центр крупного региона (Саратовского наместничества), безусловно, стимулировало его развитие по всем возможным параметрам. Завершается период революцией 1917 года, резко изменившей условия существования города с точки зрения администрации, социума и экономики, что отразилось на дальнейшей эволюции городского пространства.

Наиболее ранние работы, затрагивающие саратовскую топографию и планировку, появляются еще в первой половине XIX в. А.Ф. Лепольдов в труде, заложившем основу изучения местной истории, – «Статистическое описание Саратовской губернии» [5], – уделит внимание топографии губернского центра и пришел к выводу, что «Сара-

тов стоит в яме». Выступая в роли скорее современника-очевидца, нежели историка, он привел количественные данные о городских строениях (с разделением на каменные и деревянные), о церквях и монастырях, а при описании селитебной территории отметил тяготение обывательской застройки к Волге из-за потребности в питьевой воде. «Саратов, – утверждал Леопольдов, – выстроен весьма хорошо. <...> Улицы широки, чисты и правильны», а чтобы не замечать некоторых недостатков «старины простой и безотчетливой» он рекомендовал обозревать город с гор [5, ч. 2, с. 14–20, 22].

Этому автору принадлежит еще и вышедший в 1848 году труд «Исторический очерк Саратовского края», в котором разрозненные сведения о городе вплетены в ткань повествования об истории региона. Среди них интерес представляет информация об утверждении плана Саратова 21 июня 1810 года (у Леопольдова дата указана неверно – 25 июня), после чего «начал искореняться в нем беспорядок безотчетной старины в строениях; прежние улицы были тесны и кривы; новые сделались просторнее и стали отличаться строгою правильностию». Из частных событий, отразившихся на внешних характеристиках городской среды, Леопольдовым отмечены закладка здания Гостиного двора в 1811 году, а также мощный пожар, произошедший в июле того же года, обвал Соколовой горы (1818) и обвал края Глебучева оврага (1846), нанесшие городской застройке значительный урон [6, с. 141–142, 160–161, 173].

В 1850-е – середине 1880-х годов заметных работ по истории Саратова не выходило. Новый подъем интереса к данному предмету начался в связи с основанием в 1886 году Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) и празднованием юбилея города в 1891 году. Первые публикации членов комиссии в ее «Трудах...» затрагивали некоторые вопросы формирования городской застройки, связанные, в основном, с историей старейших церквей и монастырей [7; 8]. В юбилейный же год вышло сразу несколько научно-популярных текстов по истории Саратова, которые, правда, проблемы изменения городской территории либо вообще не освещали, либо приводили фрагментарные сведения о планировке и внешнем виде города, о создании наиболее значительных построек, о процессе замощения улиц и т. п. Некоторую информацию, касающуюся пространственной эволюции Са-

ратова, содержат брошюры С.С. Краснодубровского и Н.Ф. Хованского, хотя в них она представлена вперемешку с данными о социально-экономическом, административном и культурном развитии, а также с фактами об эпидемиях и других значимых событиях [9; 10]. Хованский, в частности, упомянул городской план 1810 года (ошибочно полагая, что он не был окончательно утвержден), пожар 1811 года и утверждение нового плана в 1812 году «По этому плану, – пишет он, – большинство улиц, начиная от ц[еркви] Михаила Архангела, получили другое направление, иные закрыты совсем, другие вновь открыты» [10, с. 26].

На фоне вызванного юбилейными торжествами роста популярности местной истории в 1893 году публикуется крупное и весьма ценное издание «Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы» [11]. Оно содержит тексты, представляющие, в большинстве своем, интерес как раз с точки зрения изучения городского пространства, причем тексты и исследовательского, и мемуарного характера. К первой категории относятся работы членов СУАК Ф.В. Духовникова и Н.Ф. Хованского «Саратовская летопись» и Ф.В. Духовникова «К истории топографии Саратова начала нынешнего столетия». Ко второй – записки профессора Г.С. Саблукова и чиновника К.И. Попова. И в трудах историков, и в воспоминаниях очевидцев приводятся подробные, новые (на тот момент) фактические данные о планировке и застройке города с конца XVIII до второй половины XIX века. Стоит особо выделить труд Ф.В. Духовникова «К истории топографии...», в котором он впервые не только целенаправленно проследил трансформацию пространства Саратова в первой половине XIX столетия, но и наметил такие интереснейшие направления исследования как городская топонимика и история саратовских кладбищ.

На рубеже XIX–XX веков изыскания членов архивной комиссии продолжались, причем одной из самых значимых фигур региональной истории стал ее член (с 1908 года) А.А. Гераклитов, который поначалу публиковал в «Трудах СУАК» статьи, посвященные отдельным аспектам городской планировки и застройки [12; 13]. Затем он создал обобщающую работу «Саратов. Краткий исторический очерк», вышедшую в 1919 году и переизданную через четыре года [14]. В этой брошюре Гераклитов суммировал основные сведения, касающиеся саратовской топографии, расположения церквей и монастырей, происхождения на-

званий крупнейших улиц, а также привел отзывы некоторых современников о внешнем виде города в XVIII – первой четверти XIX века. Принципиально новых данных в его труде нет, да и сам автор в предисловии призывал видеть в его книге не «ученое исследование», а лишь краткую сводку фактов саратовской истории. За подробными сведениями Гераклитов отсылал к своей же работе «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.» и работе В.И. Оппоковой «Прошлое Саратовского края» (тогда обе книги только готовились к печати).

Применительно к рассматриваемой теме монография Гераклитова «История Саратовского края...» не содержит информации, поскольку не совпадает с ней хронологически: повествование доведено лишь до периода, предшествовавшего Пугачевскому бунту. А вот в книге Оппоковой рассматривается время до 80-х годов XIX века, но сведения о трансформации городского пространства весьма скудные, поскольку автор пыталась дать обзор всей многообразной истории края. Новых данных в ее труде нет, кроме того, об изменениях городской среды упоминается только по отношению к XVIII и первой четверти XIX века [15].

В период с середины 1920-х до начала 1950-х годов историческое регионоведение переживает кризис, связанный с кардинальными переменами в отечественной науке. Поэтому крупных работ по истории Саратова, в которых рассматривалось бы развитие его территории, почти не создавалось. Исключение составляет, пожалуй, только вышедшая к очередному юбилею книга сотрудниц Саратовского областного музея краеведения (далее – СОМК) Т.М. Акимовой и А.М. Ардабацкой «Очерки истории Саратова» [16]. Хотя это исследование охватывает период лишь до конца XVIII века а его авторы концентрировались преимущественно на социально-экономическом развитии города и на крупнейших политических событиях, большую ценность представляет публикация в нем планов Саратова конца XVII и конца XVIII века. Первый из этих планов является исторической реконструкцией, выполненной еще одним сотрудником музея – А.А. Кротковым.

Ситуация меняется в начале 1950-х годов, когда появляется первая работа предметно посвященная формированию и развитию территории города от момента основания. Книга «Саратов», вышедшая в серии «Архитектура городов СССР» за авторством архитекторов Н.А. Бондаря и И.Н. Стешина [17], в научно-популярной форме из-

лагает историю городской планировки и застройки. Ее текст базируется на немногочисленных опубликованных исторических источниках и исследованиях, в том числе на упомянутых выше трудах С.С. Краснодубровского, А.А. Гераклитова, Т.М. Акимовой и А.М. Ардабацкой. Особую ценность изданию придает богатый иллюстративный материал – планы Саратова различных эпох, а также фотографии улиц и зданий. Однако оно имеет и существенные недостатки. Обращает на себя внимание откровенная тенденциозность в изложении фактов, противопоставление «неблагополучного» дореволюционного времени в развитии городского пространства периоду «обновления и бурного роста» сталинских пятилеток. Присутствуют также многочисленные исторические неточности и ошибки, в том числе в датировке городских планов. Например, под изображением, взятым из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию» стоит подпись «Вид города Саратова по Олеарию. Вторая половина XVII века», хотя Олеарий посещал Россию в 1630-е годы, а первое издание его труда вышло в 1647 году. Подпись под планом-реконструкцией А.А. Кроткова гласит «План Саратова. Середина XVII в.», хотя очевидно, что это изображение города, находящегося на правом берегу Волги, куда он был перенесен только в 1674 году [17, с. 11, 13].

Научным редактором книги Бондаря и Стешина выступал кандидат архитектуры, доцент Саратовского автодорожного института А.И. Осятинский. Возглавляя в институте кафедру архитектуры, этот специалист в 1950–60-е годы активно изучал историю градостроительства в Поволжье, в результате чего появилась фундаментальная монография «Строительство городов на Волге» [18]. К данному моменту это, на мой взгляд, наиболее полное и значительное предметное исследование рассматриваемого вопроса.

Работа Осятинского посвящена развитию городского пространства крупнейших поволжских городов от эпохи к эпохе (в связи с чем данные о каждом конкретном городе «разбросаны» по монографии). Основой исследования послужили материалы, собранные автором в крупнейших центральных и местных архивах, включая многочисленные планы и фотографии. Саратову уделено больше внимания, чем другим городам: изучен не только дореволюционный период его истории, но и советский. В частности, подробно рассмотрены обстоятель-

ства составления первых городских планов в конце XVIII – начале XIX века, застройка города по плану 1812 года, создание на протяжении XIX – начала XX века основных архитектурных ансамблей и отдельных построек, формировавших облик города.

Среди выводов монографии Осятинского особое внимание привлекают следующие. Во-первых, автор полагает, что наиболее ранний план города, составленный в конце XVIII века «оказался жизненным и лег в основу не только последующих планов XIX века, но и генерального плана реконструкции социалистического Саратова». Во-вторых, по его мнению «к середине XIX в. Саратов был не только четко и удобно спланированным, но и обладал ярким индивидуальным обликом в стиле классицизма». В-третьих, вторая половина XIX века с точки зрения градостроительства представляется автору «наиболее плодотворной за все время <...> досоветского периода», но в то же время город «не приобрел цельного архитектурно-художественного облика» [18, с. 73, 91, 118].

Два последних умозаключения вступают, на мой взгляд, в противоречие друг с другом. Развитие городского пространства в пореформенный период, безусловно, сопровождалось повышением разнообразия его внешних характеристик. Постепенный и при этом отнюдь не абсолютный отход от классицизма сопровождался формированием новых направлений в архитектуре – модерн, эклектика, однако выдержанные в этом духе объекты не вносили в облик города такого жесткого диссонанса, какой окажется свойственен следующему периоду.

Из недостатков труда Осятинского стоит выделить наличие фактических неточностей. Например, та же принадлежащая А.А. Кроткову реконструкция плана правобережного Саратова опять атрибутирована серединой XVII века [18, с. 43]. О водопроводе говорится, что он был устроен в 1870-е годы, а в 1874 году значительно расширен [18, с. 115], тогда как первый деревянный городской водопровод появился в 1844 году, металлический же открылся в октябре 1875 года [19, с. 186–188]. Автор отмечает, что уже во второй половине XIX в. ощущалась необходимость составления нового плана города взамен плана 1812 года, который «не отвечал происшедшему к тому времени резкому подъему хозяйственной жизни». Возможно, эта мысль и справедлива, но перечисленные автором планы, составленные в 1870-е,

в 1887 и в 1915 годах, он напрасно приравнивает по значению к плану 1812 года [18, с. 115–116], поскольку в отличие от него они не были официально утвержденным проектом застройки, а лишь демонстрировали существующую в реальности ситуацию и играли вспомогательную роль. План 1812 года вплоть до революции оставался главной юридической базой территориального развития Саратова, и даже на локальные изменения в нем приходилось каждый раз испрашивать разрешение властей империи. Его замена в законодательном порядке до падения монархии так и не состоялась.

Стоит отметить, что Осятинскому принадлежит еще и ряд публикаций, относящихся к истории формирования, проблемам и сохранению архитектурного наследия Саратова [20, с. 158].

В последние десятилетия изучение пространственного развития Саратова идет несколькими путями. Первое направление поддерживают архитекторы и историки архитектуры. С.О. Терехин защитил в 1990 году диссертацию на соискание ученой степени кандидата архитектуры «Градостроительное развитие Саратовского Поволжья во второй половине XVIII – первой половине XIX в.», в которой особенности указанного процесса исследуются на примере городов Саратовской губернии и частично соседних регионов. Автор анализировал в основном общие принципы внедрения «регулярства» в планировку всех крупнейших поселений губернии, но при этом высказал ряд интересных положений, касающихся конкретно Саратова. Так им отмечено исчезновение в конце XVIII века влияния военно-стратегического фактора на развитие городского пространства, подробно проанализирован процесс составления городских планов на рубеже XVIII–XIX веков (в контексте подобной работы для всех городов губернии) и выявлены действовавшие на него факторы. Кроме того, Терехин указывает на двойственность распространения застройки Саратова в первой половине XIX века: «пятнами» важнейших районов – формирование ансамблей площадей и крупных комплексов, а также «векторами» – застройка улиц с прилегающими кварталами. В результате, пространственное и архитектурное развитие превратили губернский центр, по его словам, в органичную композицию разновременных структур, где веерная система старого города была «шарнирно скреплена» с жестко прямоугольной нового [21].

Положения диссертации Терехина отражены и в его статье «Развитие Саратова по плану 1812 года» [22], в которой автор составил наглядную схему поэтапного развития городской территории за каждые 20–30 лет с конца XVIII столетия и сформулировал идею перехода от экстенсивного пути формирования планировочной структуры к интенсивному в 1850-е годы. С этого времени застройка города уплотняется, заполняя в том числе и внутриквартальные пространства, нарастает этажность, быстрее чем раньше увеличивается доля капитальных зданий. В отличие от Осятинского, Терехин считает, что приход эклектики и модерна на смену классицизму не только не разрушал стилистическое единство облика города, но и способствовал созданию к концу XIX столетия полноценного ансамбля центральной части Саратова. А сходится со своим предшественником он в оценке значения плана 1812 года, который сохранил основу старого города, способствовал внедрению принципов регулярности, определил направления развития и зонирование городской территории в XIX, а в базовом смысле, и в XX веке. «На рубеже XIX–XX вв., – считает автор, – Саратов переживал свой «золотой век»; в дальнейшем ряд объективных причин умалил его значение и привел к деградации архитектурное лицо» [22, с. 114]. Этот же специалист является автором научно-популярной книги, посвященной архитектурному наследию городов Саратовского края [23].

К историко-архитектурному направлению изучения города относятся некоторые работы Е.К. Максимова [24, 25, 26, 27, 28], в том числе справочник «Архитекторы Саратова» (составленный в соавторстве с Б.Н. Донецким), содержащий биобиблиографическую информацию обо всех выдающихся зодчих прошлого, с перечислением построек, созданных по их проектам [20].

Второе направление изучения указанной темы можно назвать чисто историческим. Оно представлено, прежде всего, обобщающими трудами по истории Саратовского Поволжья, в рамки которых укладываются сведения о планировке и застройке губернского центра. Так, например, в работе В.А. Осипова «Саратовский край в XVIII в.» дано краткое описание городского пространства второй половины столетия и уделено внимание изменениям, внесенным в план, составленный после пожара 1774 года [29, с. 69–71]. Коллективное исследова-

ние «Местное самоуправление Саратова: История и современность» содержит отрывочные сведения о городской топографии середины XIX века и благоустройстве 1870–1910-х годов [30, с. 29–31, 76–80].

Специальные исследования архитектурно-планировочного развития города в историческом контексте появляются довольно редко. Тем ценнее представляется диссертация Е.В. Ивановой «Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX в.: на материалах Саратова», защищенная в 2008 году [31]. В ней рассмотрены вопросы роста городской территории в пореформенный период (хотя есть экскурсы и в предшествующее время), подробно проанализирована важнейшая проблема функционального зонирования города и впервые предпринята попытка выявить роль муниципалитета в развитии планировки и застройки.

Используя наработки предшественников (Ф.В. Духовникова, А.И. Осятинского, С.О. Терехина), Е.В. Иванова рассмотрела особенности планировочной структуры крупнейших городов Поволжья, уделяя особое внимание развитию городского пространства Саратова. Как и Осятинский автор упустила из виду, что городские планы, составлявшиеся в 1880–1910-е годы, носили локальный во всех отношениях характер и полностью не заменяли генеральный план 1812 года [31, с. 90–91]. Большой интерес представляет анализ соотношения целенаправленной и стихийной застройки Саратова, причем фактору стихийности в росте городской территории отводится специальный параграф, в котором рассказывается о формировании поселенческой структуры Глебучева оврага, а также пригородных слобод и поселков. Помимо этого в тексте приводятся данные о работе Саратовской городской думы в сфере застройки, в частности – о разработке ее правил и норм, о борьбе с нарушениями, о деятельности оценочной комиссии. Любопытны также сведения об изменениях в соотношении деревянных и каменных зданий с середины XIX до начала XX века (с анализом условий, влиявших на эти изменения) и наблюдения автора о повышении этажности городских строений [31, с. 93–112].

Изучая вопрос о районировании городского пространства, Е.В. Иванова проделала впечатляющую работу. Ею созданы нескольких моделей разделения Саратова на зоны (промышленная, торговая,

центральный деловой район, рабочие кварталы и пр.), причем каждая из моделей сопровождается составленной автором наглядной схемой [31, с. 112–140]. Эта часть диссертации представляет большую ценность, поэтому стоит только сожалеть о том, что исследование до сих пор не опубликовано.

Из чисто исторических трудов интерес представляет и монография А.Б. Бирюковой посвященная изучению социокультурного пространства городов Пензенской, Саратовской и Симбирской губерний первой половины XIX века [32] (в основу монографии положена диссертация, защищенная автором в 2006 года [33]). На основе широкого круга источников, включающих материалы центральных и местных архивов, в книге рассматриваются архитектурный облик и застройка Саратова в контексте пространственного развития всех городских поселений северной части Нижнего Поволжья. Сопоставление его с другими крупными центрами привело автора к убеждению, что внешний вид города определялся в первую очередь социально-экономическими особенностями: «Если Пенза и Симбирск – это «дворянские» столицы, то Саратов – город купеческий, торговый». Этот фактор наложил отпечаток на формирование городского пространства, поскольку планировка, по мнению А.Б. Бирюковой, подчеркивала ярко выраженную торговую функцию поселения. В книге отмечено, что Саратов (наряду с Вольском) застраивался в первой четверти XIX века наиболее интенсивно, а к середине столетия оформились два его главных архитектурных ансамбля – Старо-Соборная площадь и территория вокруг Александро-Невского собора [32, с. 55–56].

Автором также затрагивается важный вопрос о деятельности городских и губернских властей в сфере регулирования застройки, в частности упоминается о проекте 1843 года по коренной модернизации благоустройства, реализации которого помешало отсутствие необходимых средств. Некоторые интересные замечания касаются организации деятельности и состояния саратовских кладбищ [32, с. 66, 78].

Правда, не все умозаключения уважаемого исследователя оказались в должной степени обоснованы. Так А.Б. Бирюкова считает: «На облик Саратова в определенной мере оказали воздействие некоторые черты быта и культуры немецких колонистов. В частности, именно в Саратове появился первый среди поволжских городов водопровод,

стала застраиваться в немецком стиле одна из центральных улиц города» [32, с. 80]. Это утверждение как минимум спорно. Хотя в городе действительно существовала значительная немецкая диаспора, в рассматриваемый период она еще не играла столь серьезной роли, чтобы как-то повлиять на его облик. Немецкая улица (если именно ее имеет в виду автор) находилась до середины XIX века на окраине, и нет сведений подтверждающих принципиальные отличия ее застройки от застройки остальной селитебной территории. Крупный специалист по исторической топографии города Ф.В. Духовников сообщал о начале 1850-х годов (в том числе, возможно, и по личным впечатлениям), что Немецкая улица принадлежала тогда еще к числу плохих улиц Саратова. На ней располагались деревянные или глиняные домишки с длиннейшими заборами, а на всю улицу приходился лишь один порядочный двухэтажный каменный дом генерала Македонского [34, с. 260–261]. К организации же водопровода немцы вообще отношения не имели. Так что вопрос о влиянии иностранных колонистов на формирование облика Саратова требует более пристального рассмотрения.

Тексты, выполненные в рамках третьего направления, строятся на совмещении данных из истории архитектуры и социальной истории, но обычно имеют научно-популярный, «краеведческий» характер. Их ценность в том, что они вводят в оборот большой фактический материал, помогают выяснить многие важные нюансы изучаемых вопросов, наполняют историческое знание живыми наглядными примерами. К ним в частности, относятся выдержавшая уже два издания книга Е.К. Максимова о городской топонимике [35; 36], а также созданные при его участии альбомы фотоматериалов [37; 38]. Из этой же категории стоит отметить книгу А.В. Паркина [39], работы В.И. Давыдова «Саратов историко-архитектурный» (совместно с В.Н. Семеновым) и «Зримые образы Саратова» [40; 41; 42]. Благодаря таким, обычно богато иллюстрированным публикациям, процесс формирования городского пространства в указанную эпоху становится более понятным широкому кругу читателей и привлекает к теме дополнительный интерес.

Специалисты, изучающие геологические, географические и экологические проблемы современного города, также периодически обращаются в своих исследованиях к происходившим в прошлом изменениям. Л.Г. Тарасова выделила в развитии функционально-планиро-

вочной структуры Саратова несколько исторических этапов [43]. На первом из них, охватывающем 1680–1710 годы (автором, к сожалению, не обоснованы эти хронологические рамки) с ее точки зрения были заложены «координатные оси» будущего развития города – Московский и Царицынский тракты (позже улицы), на пересечении которых располагалась Соборная площадь, служившая общественным центром поселения.

В описании периода 1710–1803 годов содержится спорное утверждение: «Уже в конце XVII – начале XVIII в. Саратов теряет свою оборонительную функцию и все более явственно заявляет о себе как о торгово-перевалочном пункте. <...> Городу тесно в крепостных стенах, которые разбираются за ненадобностью, и городская застройка разрастается вдоль двух основных дорог, ведущих из города» [43, с. 69]. Указанные процессы действительно происходили, только в самом конце XVIII и начале XIX века, а до 1770-х годов укрепления сохранялись, пусть и не в виде сплошных стен. Только при восстановлении города после пожара 1774 года было решено укрепления уничтожить за ненадобностью, оставив лишь места для размещения батарей [29, с. 71].

Кроме того, не объясняется, почему 1803 год принят за границу этого периода, можно лишь предполагать, что имеется в виду создание в указанном году официального плана города. Однако исследования Осятинского и Терехина выявили несколько планов, утвержденных на рубеже XVIII–XIX веков, из которых наибольшее значение для дальнейшего развития городского пространства имел план 1812 года. Этапы 1803–1850 и 1850–1900 годов противопоставляются как экстенсивный и интенсивный, что выдает знакомство автора с работами С.О. Терехина, хотя в библиографическом списке они отсутствуют. Период 1900–1930-х годов образован, на мой взгляд, искусственно, поскольку в годы революции и Гражданской войны катастрофический спад испытало промышленное производство, которое Л.Г. Тарасова считает главным стимулом территориального и демографического роста города. Следовательно, начало резкого упадка промышленности должно считаться рубежом в указанном процессе. Также мне не известны обстоятельства, радикально повлиявшие на изменения в городской планировке и застройке с 1900 года.

Наиболее ценными представляются наблюдения Л.Г. Тарасовой о влиянии роста городской территории на природный ландшафт (вырубка лесов, осушение болот), о формировании промышленных и рекреационных зон в черте города. Отмеченные же недостатки наводят на мысль о необходимости более плотного сотрудничества специалистов различных направлений при изучении заявленной темы, которое поможет избежать ошибок и недочетов. В этом отношении стоит признать удачным опыт междисциплинарных исследований М.В. Ковалева и А.С. Шешнева экологических и санитарных проблем Саратова в XIX – начале XX века [44; 45].

Даже краткий обзор свидетельствует, что о градостроительном развитии Саратова от конца XVIII до начала XX века создана уже довольно объемная литература, в которой наработан значительный фактический материал и появилось несколько исследовательских подходов. Вместе с тем пока еще не существует всеобъемлющего исследования, посвященного исключительно данному вопросу. Такое исследование, безусловно, должно носить комплексный и междисциплинарный характер, поэтому оно возможно лишь при сочетании усилий не только историков и архитекторов, но и представителей естественных наук – географов, геологов, экологов и т.п. Из локальных направлений для изучения наиболее перспективными и интересными, представляются вопросы зонирования города (функционального, строительно-архитектурного, стилистического), социальная топография, история мест захоронений, а также деятельность государственной власти и органов городского самоуправления по регулированию городской застройки.

Список использованных источников и литературы

1. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Л., 1926.
2. *Город как социокультурное явление исторического процесса.* М., 1995.
3. *Гольц Г.А.* Переходные процессы и пространственная организация в урбанизированной среде // *Город в процессах исторических переходов: Теоретические аспекты и социокультурные характеристики.* М., 2001. С. 163–247.
4. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. М., 2008.
5. *Леопольдов А.Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. В 2 ч. СПб., 1839.
6. *Леопольдов А.Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.

7. *Кропотов М.С.* О церкви Казанской // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 5. С. 595–597.
8. *Голомбиевский А.А.* Некоторые сведения о саратовских монастырях // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 3. Вып. 1. С. 231–246.
9. *Краснодубровский С.С.* Рассказ про старые годы Саратова. Саратов, 1891.
10. *Хованский Н.Ф.* О прошлом города Саратова. Саратов, 1891.
11. Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893.
12. [*Герасимов А.А.*] К истории г. Саратова. О зданиях // Труды СУАК. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 206.
13. *Герасимов А.А.* Саратовские пожары 1800 и 1801 гг. // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 5–18.
14. *Герасимов А.А.* Саратов. Краткий исторический очерк. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1923.
15. *Оплокова В.И.* Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924.
16. *Акимова Т.М., Ардабацкая А.М.* Очерки истории Саратова. Саратов, 1940.
17. *Бондарь Н.А., Стешин И.Н.* Саратов. М., 1951.
18. *Осятинский А.И.* Строительство городов на Волге. Саратов, 1965.
19. *Зайцев М.В.* Саратовская городская дума (1871–1917). Саратов, 2017.
20. *Донецкий Б.Н., Максимов Е.К.* Архитекторы Саратова: Биографический словарь. Саратов, 2005.
21. *Терехин С.О.* Градостроительное развитие Саратовского Поволжья во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1990.
22. *Терехин С.О.* Развитие Саратова по плану 1812 года // Четыре века: Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 101–115.
23. *Терехин С.О.* Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990.
24. *Максимов Е.К.* «Где циркуль зодчего, палитра и резец...» // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 26–34.
25. *Максимов Е.К., Касович А.С.* Утраченные памятники архитектуры Саратова // Труды СОМК. Саратов, 1993. Вып. 6. С. 75–77.
26. *Максимов Е.К.* Творение И.Ф. Колодина в Саратове // Труды СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4 (9). С. 32–61.
27. *Максимов Е.К.* Музейная площадь // Памятники Отечества. Альманах. 1998. № 1/2 (39). С. 52–58.
28. *Максимов Е.К.* Историко-архитектурные памятники на Троицком взвозе в Саратове // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 75–89.
29. *Осипов В.А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985.

30. Местное самоуправление Саратова: История и современность. Саратов, 2005.
31. *Иванова Е.В.* Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX в.: на материалах Саратова. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
32. *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара, 2009.
33. *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Автореф. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
34. *Духовников Ф.В.* Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 260–261.
35. *Максимов Е.К.* Имя твоей улицы. Саратов, 1986.
36. *Максимов Е.К.* Имя твоей улицы. Саратов, 2007.
37. Саратов на старых открытках. Саратов, 1990.
38. *Максимов Е.К., Сафронов Ю.А.* Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов, 2004.
39. *Паркин А.В.* Саратов на рубеже XIX–XX веков. История города на почтовых открытках. Саратов, 2004.
40. *Семенов В.Н., Давыдов В.И.* Саратов историко-архитектурный. Ненаучный краеведческий комментарий к некоторым примечательным градостроительным объектам. Саратов, 2009.
41. *Семенов В.Н., Давыдов В.И.* Саратов историко-архитектурный. Ненаучный краеведческий комментарий к некоторым примечательным градостроительным объектам. Изд. 2-е. Саратов, 2012.
42. *Давыдов В.И.* Зримые образы Саратова. Саратов, 2012.
43. *Тарасова Л.Г.* Функционально-планировочная структура города // Саратовский научно-образовательный геоэкологический полигон. Учеб. пособие для студ. естественнонаучных фак. Саратов, 2007. С. 69–77.
44. *Ковалев М.В., Шешнев А.С.* Факторы развития и распространения холерных заболеваний в Саратове (конец XIX – начало XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 1. С. 55–62.
45. *Шешнев А.С., Ковалев М.В.* Санитарное состояние овражно-балочных систем и проблема организации стока с городской территории Саратова в конце XIX века // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Науки о Земле. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 214–218.

ИСТОРИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ В ТРУДАХ А.Н. МИНХА

А.Н. Минх занимает центральное место среди членов Саратовской ученой архивной комиссии. Он принадлежал к той категории дворян, которые пополняли состав интеллигенции. Минх был участником Крымской войны и других важнейших политических событий своего времени. Как историк он много работал над расширением источниковой базы для региональных исторических исследований. В наибольшей степени его занимала проблема заселения Саратовского края.

Ключевые слова: А.Н. Минх, Саратовская ученой архивная комиссия, Саратовский губернский статистический комитет, Саратовский университет, Н.И. Костомаров, крестьянская реформа.

A.S. Mayorova

HISTORY OF THE SARATOV REGION IN THE WORKS BY A.N. MINH

Minh occupies a central place among the members of the Saratov scientific archive committee. He belonged to the category of gentry who replenished the intelligentsia. Minh took part in the Crimean War and other major political events of his time. As a historian, he worked hard to expand the source base for regional historical research. Most of all he was occupied with the problem of the population of the Saratov territory.

Key words: A.N. Minh, Saratov scientific archive committee, Saratov Province statistical committee, Saratov university, N.I. Kostomarov, peasant reform.

Изучая историю развития исторической науки в Саратовском университете, Л.А. Дербов внес значительный вклад в рассмотрение процесса формирования исторического знания в регионе в XX веке. Результаты его исследования показывают, насколько изменилась историографическая ситуация в Саратовском Поволжье после создания в университете историко-филологического факультета по сравнению с предшествующим периодом. Ранее в Саратовской губернии не было представительного сообщества историков-профессионалов подобного тому, которое возникло со второго десятилетия XX века. Тематика ра-

бот местных исследователей, которые интересовались историей, и их основные достижения были связаны, в основном, с изучением региональных сюжетов. Исключение составляют труды Н.И. Костомарова, который находился в Саратове в ссылке с 1848 года (ссылка продолжалась до 1856 года, а затем он еще в течение двух лет жил практически между столицей и Саратовом) [1] и Д.Л. Мордовцева.

Однако следует обратить внимание на то, что существовала непосредственная связь между возникшим в 1917 году историко-филологическим факультетом университета и общественной организацией краеведческого направления – Саратовской ученой архивной комиссией (СУАК). Среди университетских профессоров нового факультета были члены СУАК – С.Н. Чернов, П.Г. Любомиров, А.А. Герасимов. Ученая архивная комиссия была создана в 1886 году в целях концентрации, упорядочения и хранения документов местных учреждений, которые представляли ценность для исследований. Комиссия занималась также поиском, изучением и хранением других типов исторических источников, в том числе, археологических. Одной из основных задач СУАК было содействие местным исследователям, занимающимся региональной историей. Ее сотрудники занимались публикацией документов местных учреждений, описанием археологических памятников, собиранием и публикацией фольклорных материалов. Кроме того, члены СУАК создавали работы по истории Саратовского Поволжья.

Деятельность комиссии стала предметом специального исследования В.П. Соколова [2]. Интересные оценки содержания трудов ее членов и главных достижений комиссии даны А.А. Герасимовым в его монографии по истории Саратовского края [3]. Оба автора особо отметили роль А.Н. Минха (1833–1912) в создании и в успешной деятельности СУАК. Он был в кругу тех представителей местной научной общественности, которые стояли у истоков комиссии, способствовали ее открытию своим вкладом в разностороннее изучение истории, природных условий и населения региона. Минх принимал активное участие в процессе организации СУАК, и в 1886 году стал одним из ее членов-основателей.

Соколов назвал его «маститым археологом, этнографом, географом и историком местного края» и отметил, что Минх был в числе нескольких «интеллигентных и преданных делу людей», которые своим

упорным трудом «помогли поставить комиссию на ноги» и обеспечили ее успехи [2, с. 49–50]. Гераклитов писал, что Минх очень рано проявил «литературные наклонности, соединенные с горячей любовью к родному краю», а «недостаток своего образования он всю жизнь усиленно пополнял чтением и общением с образованными людьми» [3, с. 30]. Благодаря своим научным трудам Минх был признан одним из видных деятелей культуры Саратовской губернии. Свидетельством этого является полученное им в декабре 1909 года приглашение на торжества по случаю открытия Саратовского университета. Минх по состоянию здоровья не смог лично участвовать в мероприятиях, он отправил приветственную телеграмму на имя ректора [4, л. 106, 108 об.].

Если оценивать его биографию по этапам служебной карьеры, то она кажется типичной для дворянина. С другой стороны, изучение его творческого наследия показывает, что Минх принадлежал к той категории дворян, которые пополняли состав интеллигенции. (Соколов недаром назвал его интеллигентным человеком.) Минх был участником важнейших политических событий и процессов середины и второй половины XIX века. Публикации его трудов и материалы его личного архива дают возможность получить представление о его научных интересах и достижениях. Личный архив Минха сохранился в государственном архиве Саратовской области в составе фонда СУАК.

Изучение его автобиографии, составленной в 1908 году в ответ на просьбу, которая поступила к нему от Нижегородской ученой архивной комиссии, свидетельствует о богатстве творческого наследия Минха [5]. Первое описание жизненного и творческого пути Минха содержится в приложении к монографии, посвященной 25-летию Саратовской ученой архивной комиссии [6, с. 21–22]. Данный очерк был составлен на основании сведений, полученных от самого Минха. Он представляет собой творческую биографию исследователя. В нем отражены, главным образом, события, связанные с его научной деятельностью. В течение XX – начала XXI века саратовские историки при изложении биографии Минха продолжали указывать именно те факты и события, которые вошли в этот известный очерк [7; 8]. Дополнительные сведения о жизни и деятельности Минха содержатся в его документах в составе фонда СУАК.

Минх был уроженцем Тамбовской губернии и принадлежал к потомственному дворянству. В августе 1843 года его семья переехала в село Колено Аткарского уезда Саратовской губернии из Усманского уезда Тамбовской губернии [9, с. 78]. Образование Минха началось в домашних условиях, затем в середине 40-х годов его определили на учебу в Москву, в пансион «известного в то время» француза Адольфа Стори. Содержатель пансиона преподавал французский язык в 3-й московской гимназии. Воспитанники пансиона, как писал Минх, были «заочными учениками» этой гимназии. Знание языков – французского, английского и немецкого, – а также навыки в черчении и рисовании, полученные в учебных заведениях, Минх считал очень важными для своей службы и деятельности [5, л. 1 об.].

В 1851 году Минх отправился в Петербург, чтобы поступить юнкером в один из гвардейских полков. Впоследствии он писал, что его зачисление состоялось, «но к несчастью в артиллерийском училище вышла неприятная история». Многие из воспитанников училища, в том числе брат Минха Петр, в качестве наказания были отправлены рядовыми на Кавказ. Отец Минха, «взбешенный историей с братом», очевидно, решил, что гражданская служба будет полезнее для его сына. Минха определили в канцелярию саратовского губернатора (в это время губернатором был М.Л. Кожевников). Однако, по словам Минха, эта служба внушала ему отвращение, «и как только открылась Крымская кампания», он «выпросился у отца в действующую армию» [10, л. 214 об. – 215; 11, л. 20].

Минх не указал точной даты, когда началась его служба в канцелярии губернатора. Очевидно, это произошло не позднее 1852 года. В октябре 1854 года он поступил юнкером в 1-й Московский драгунский полк и уехал из Саратова [5, л. 1–2]. О том, что в 1853 году он находился в губернском городе, свидетельствуют две ранние работы Минха. Своим первым литературным опытом он назвал путевые заметки «От Саратова до Казани в 1853 году», которые не были сразу опубликованы, а вышли из печати только полвека спустя [5, л. 2 об.]. Примерно к этому же времени относится рукопись интересного сочинения, которое он не упоминал в своей автобиографии, – «Саратов и его жизнь в 1853 году». Эта работа Минха увидела свет только в XXI веке [12, с. 226–243]. Можно сказать, что уже тогда начали определяться

научные интересы будущего исследователя. Очерк «Саратов и его жизнь в 1853 году» напоминает статистические описания первой половины XIX века – он составлен с использованием приемов, характерных для подобных описаний. В нем, наряду с материалами экономико-географического (и отчасти – этнографического) плана, помещены сведения по истории Саратова.

Минх, как уже было сказано, выражал отвращение к чиновничьей карьере. Очевидно, он не бывал в канцелярии губернатора и, тем более, в губернской канцелярии. Поэтому у него не оказалось случая познакомиться с другим чиновником, который работал в губернской канцелярии в это время – с Костомаровым. Ссылный историк, судя по его собственным воспоминаниям, тоже не был прилежным служакой. Интересно то, что впоследствии Минх, подобно Костомарову, был членом саратовского губернского статистического комитета. Оба они принимали участие в важнейших социально-политических событиях своего времени, связанных с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Костомаров в последний год своего пребывания в Саратове работал в комиссии по улучшению быта помещичьих крестьян, а Минх в 1860-е годы исполнял обязанности мирового посредника в Аткарском уезде.

Военная служба Минха началась 22 октября 1854 года. Вначале он находился в резервном эскадроне 1-го Московского драгунского полка в Чугуеве, а зимой 1854–1855 годов отправился в действующую армию в Крым [10, л. 215]. Полк был в составе Евпаторийского отряда. Минх принимал участие в «аванпостных делах» своего полка и в сражениях на реке Черной, на Федюхинских высотах и у села Саки. В декабре 1855 года за участие в боевых действиях Минх был произведен в офицеры, получив чин прапорщика [5, л. 1–2].

После подписания мирного договора, в начале апреля 1856 года полк, в котором служил Минх, выступил из Крыма, а в мае получил приказ двигаться к новому месту службы в город Шавли (современный Шяуляй) Ковенской губернии. 18 мая 1858 года Минх был произведен в чин поручика [13, л. 5], в 1858–1859 годах он прошел курс в офицерской стрелковой школе в Царском селе и по окончании ее получил диплом 1 разряда [5, л. 1]. Минх не упоминал в своей автобиографии о том, был ли у него аттестат по результатам обучения в гимназии.

Очевидно, диплом офицерской школы был единственным полученным им документом об образовании. (Именно поэтому Гераклитов писал, что Минх не получил «систематического школьного образования»). Упорный труд позволил Минху заслужить репутацию интеллигентного человека. Вся его деятельность в гражданской сфере свидетельствует о том, что он обладал обширными познаниями.

С началом осуществления крестьянской реформы открылся новый этап в жизни Минха. Он был назначен кандидатом в мировые посредники в Аткарском уезде Саратовской губернии, а в 1862 году утвержден Сенатом мировым посредником 5 участка Аткарского уезда [14, л. 3–4 об.]. Офицеров, которые получали подобные назначения, не увольняли с военной службы, их полагалось считать в командировке. Выполняя функции мирового посредника в Саратовской губернии, Минх числился в резервном эскадроне Псковского полка и был произведен в штабс-капитаны. Весной 1863 года умер его отец. Минх подал в отставку и получил увольнение от военной службы в 1864 году. Деятельность в должности мирового посредника требовала постоянных разъездов, невзирая на погодные условия и отсутствие дорог. Это продолжалось несколько лет и вызвало ухудшение здоровья Минха [14, л. 43].

В 1868 году он ездил на лечение в Пятигорск (тогда им были составлены заметки «Поездка в Пятигорск 1868 г.») [5, л. 2 об.] В течение зимы 1868–1869 годов Минх лечился в Москве. В то время проходила судебная реформа, появился институт мировых судей. В мае 1868 года Минх был утвержден участковым мировым судьей Аткарского уезда [14, л. 43]. В 1875–1896 годах он занимал должность мирового судьи в Саратовском уезде, а затем вышел в отставку по состоянию здоровья [5, л. 1–2].

Научные интересы и творческие способности у Минха проявились уже в молодые годы, как отметил Гераклитов, и на протяжении жизни им было создано большое количество эпистолярно-мемуарных и исследовательских работ. Научная деятельность Минха чаще всего рассматривается в связи с изучением истории СУАК. Однако многие его труды были написаны гораздо раньше, чем возникла комиссия.

Минх принадлежал к тому поколению исследователей, которые занимались комплексным изучением Саратовской губернии – ее при-

родных условий, экономики, этнографии, истории, археологии. В начале прошлого столетия они называли себя краеведами. Имя Минха было тогда широко известно. Его работы, особенно этнографического и историко-археологического содержания, получили признание у современников. В течение XX века и в настоящее время саратовские регионоведы обращались и продолжают обращаться к статьям и монографиям Минха.

Своим первым литературным опытом он называл рукопись о путешествии по Волге, – «От Саратова до Казани в 1853 году», впервые опубликованную в 1903 году [5, л. 2 об.]. Как свидетельствуют материалы его фонда рукописей, творческая деятельность Минха начала активно развиваться после 1861 года. В это время он занялся собиранием материалов по этнографии, истории, о природных условиях и о народном хозяйстве Саратовской губернии. В шестидесятые годы Минх также начал перерабатывать свои письма и заметки предыдущего периода и оформлять их в виде мемуаров.

С 1878 году в Саратовских губернских ведомостях, а затем и в других местных газетах появлялись статьи Минха по истории и археологии Саратовского Поволжья, описания статистического характера. Статистика в XIX веке находилась в процессе становления. Сотрудники губернского статистического комитета, созданного в 1834 году, занимались не только собиранием точных статистических сведений о природных ресурсах, народонаселении, производительных силах на территории губернии, и обработкой их по единообразным формам, установленным МВД. Губернские статистические комитеты имели достаточно широкие функции. В период с 1840-х и до начала 1880-х годов XIX века Саратовский губернский статистический комитет являлся центром исследований по истории региона. Секретарем Саратовского губернского статкомитета в 1855–1856 годах работал Костомаров [15, с. 496–501], а позднее, в 1860–1864 годах – видный публицист, историк и писатель Мордовцев [16, с. 46–47].

В 1880 году Минх был избран действительным членом Саратовского губернского статистического комитета [17, с. 1]. Составленные им статистические описания Саратовского уезда, Коленской, Ягодно-Полянской и Полчаниновской волостей, Набережного Увека и статьи, посвященные истории Саратовской губернии, были опубликованы в

двух томах «Саратовского сборника» [18]. После создания СУАК многие статьи Минха публиковались в «Трудах» Комиссии, начиная с 1887 года.

Одним из наиболее известных сочинений Минха до настоящего времени остается монография «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», изданная в Петербурге 1890 году. Монография написана по материалам, собранным автором в 1861–1888 годах. За нее Минх был удостоен серебряной медали Русского географического общества. Не менее известным является составленный им «Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1: Южные уезды: Камышинский и Царицынский», опубликованный в Саратове в 1901 году. Автору не удалось составить полный словарь по всем уездам Саратовской губернии. В конце жизни здоровье Минха не позволяло ему в полной мере осуществить все свои начинания. И все же, несмотря на потерю зрения, он продолжал работать, опираясь на труд своих помощников. В 1908 году в Аткарске вышла в свет его содержательная книга очерков «Город Аткарск: Материалы для историко-географического описания Саратовской губернии». Названия крупных научных трудов Минха, опубликованных в 1901 и 1908 годах, свидетельствуют о том, что он продолжал видеть свою задачу в составлении описаний статистического характера, в которых материалы о природных условиях, развитии экономики и социальных процессах дополняются историческими сведениями.

Однако содержание статей Минха, опубликованных в Трудах СУАК, показывает, что он активно занимался изучением разнообразных источников – письменных, археологических и устных. Как большинство членов СУАК, Минх много работал над расширением источниковой базы региональных исследований. Что касается собственно исторической тематики в трудах Минха, то в наибольшей степени его занимала проблема заселения Саратовского края. Об этом свидетельствуют и некоторые сохранившиеся тексты из его рукописного наследия. Интересна значительная по объему подборка рукописей, в которой Минх объединил свои конспекты и выписки из источников, оформленная им в 1885 году [19]. На первом месте в этом комплексе – небольшой по объему очерк под заглавием «Саратовский край в XVII и XVIII веках», составленный на основе опубликованных источников и

исследований. Этот компилятивный текст снабжен ссылками. Вероятно, он не предназначался для публикации, целью Минха в данном случае была систематизация сведений по вопросам, которые он считал для себя очень важными.

Минх сотрудничал со многими научными обществами. Он состоял членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества. В издаваемых обществом «Древностях» печатались его сообщения. Он также являлся членом-сотрудником Императорского Русского географического общества и членом нескольких ученых архивных комиссий (помимо СУАК) – Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Ставропольской и Витебской [5, л. 5 об.]. В документах фонда Минха частично сохранилась его переписка с научными обществами и архивными комиссиями.

Наиболее раннее письмо из Московского археологического общества относится к декабрю 1867 года. В нем выражена благодарность Минху за полученные от него сообщения и предложение в дальнейшем передавать сведения о старинных церквях, фресках, надписях, иконах, рукописях с миниатюрами, находках древних монет. В этом же деле имеется письмо от февраля 1872 года за подписью А.С. Уварова (знаменитого русского археолога, председателя археологического общества) с просьбой к Минху сообщать об известных ему памятниках отечественной старины «в близости его пребывания» [20, л. 1, 3]. В последующие годы Минх продолжал доставлять в общество археологические находки и другие материалы [21, л. 1–3, 7]. В 1888 году он получил письмо с предложением принять участие в составлении программы для предстоящего VIII археологического съезда [21, л. 5]. В июне 1909 года Минхом были написаны заметки об археологических находках на выгонной земле Аткарска, а также вблизи этого города на берегу реки Медведицы и речки Колышлей. Заметки предназначались для передачи в Императорскую археологическую комиссию. В личном фонде Минха сохранился их черновик [4, л. 40–41].

Сотрудники СУАК получали от него советы по вопросам оборудования музея комиссии. Минх продолжал в это время, как и ранее, передавать ей в дар предметы из своей личной коллекции, книги и рукописи. Корреспонденты Минха рассказывали ему о своих поездках,

связанных с деятельностью комиссии, и об археологических находках [4]. Это продолжалось до 1912 года, до самой смерти Минха.

Есть сведения о том, что некоторые свои работы в рукописном виде он дарил научным обществам, музеям, архивным комиссиям. Черновой вариант рукописи под названием «Разбои и клады Низового Поволжья» был передан Минхом в Казанское общество археологии, истории и этнографии, а ее копия – в Русское географическое общество [6, с. 22]. (В фонде СУАК имеется рукопись «Разбои и клады Низового Поволжья», которая датирована 1892 годом) [22]. Владимирская ученая архивная комиссия получила в дар рукопись «Московская политехническая выставка 1872 года и волжский пароход "Перевоорот"» [6, с. 22]. Несколько своих работ в рукописях Минх передал в разное время в саратовский Радищевский музей.

Научное наследие Минха свидетельствует о разносторонности его интересов. Он не имел университетского образования и приобрел познания в области истории, географии, этнографии, археологии из специальной литературы, а также благодаря переписке с членами научных обществ. Подобно историкам XVIII века, Минх находился на службе, пока ему позволяло здоровье, и вместе с тем, активно реализовывал свое стремление заниматься научными исследованиями. Для человека, который жил в провинции, в XIX веке поле научных изысканий открывалось в рамках деятельности губернского статистического комитета. С середины 1880-х годов в Саратове лица, чьи интересы были связаны с историей, объединились в ученой архивной комиссии. Таким образом, развитие исторического знания в Саратовской губернии было связано с функционированием названных общественных организаций. Минх принял активное участие в их деятельности и смог внести свой вклад в изучение исторического прошлого на территории Саратовской губернии.

Список использованных источников и литературы

1. *Киреева Р.А.* Живые образы эпох. К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук Н.И. Костомарова // Вестник Российской Академии Наук. 2017. Т. 87. № 12. С. 1119–1127.
2. *Соколов В.П.* 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911.

3. *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 699а.
5. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 698.
6. *Хованский Н.Ф.* Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования. Минх Александр Николаевич // Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 21–22.
7. *Беднякова Н.Н.* Ученая комиссия // Памятники Отечества. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1998 № 39 (1–2). (Сердце Поволжья). С. 73–76.
8. *Лукин С.Э.* Чтобы не прервалась связь времен // Годы и люди. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 74–83.
9. *Минх А.Н.* Коленская волость Аткарского уезда // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. Отд. 1. С. 65–176.
10. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739.
11. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 742.
12. Очерк А.Н. Минха «Саратов и его жизнь в 1853 году» // Земли родной минувшая судьба: Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края. Саратов, 2007. С. 226–243.
13. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 720.
14. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 744.
15. *Костомаров Н.И.* Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 426–651.
16. *Момот В.С.* Даниил Лукич Мордовцев: Очерк жизни и творчества. Ростов н/Д., 1978.
17. *Преображенский Ф.М.* Отчет о действиях и занятиях Саратовского статистического комитета за 1880 год // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1882. Т. 2. С. 1–35.
18. Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1; 1882. Т. 2.
19. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 776.
20. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 719.
21. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 709.
22. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 784.

А.А. Дружкин

ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИХОПЕРЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Статья посвящена вопросу о том, какое место занимали проблемы заселения и хозяйственного освоения Прихоперья в XVIII – первой половине XIX века в отечественной историографии XIX–XXI веков. Предпринята попытка проследить специфику в восприятии проблемы столичными и местными историками, а также краеведами-любителями. Основное внимание уделено влиянию процесса заселения региона на его историческое развитие.

Ключевые слова: Прихоперье, историография, региональная история, краеведение, регион, колонизация.

A.A. Druzhkin

SETTLEMENT OF THE KHOPER RIVER LAND (PRIKHOPER'E) IN THE XVIII – EARLY XIX CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

The article is devoted to the role and place of the problems of settlement and economic development the Khoper river land (Prikhoper'e) in XVIII – first half of XIX centuries in Russian historiography of the XIX–XXI centuries. An attempt was made to trace the specificity in the perception of the problems of metropolitan and local historians and local -amateur historians. The main attention is paid to the influence of the process of settlement of the region on its historical development.

Key words: Prikhoper'e, historiography, regional history, local history, region, colonization.

Важным признаком развития исторической науки в XIX веке стала специализация – переход от обобщающих исследований по истории России в целом к более глубокому изучению конкретных тем, в том числе по истории отдельных регионов страны. Так, например, Д.И. Иловыйский исследовал историю Рязанского княжества, Н.И. Костомаров больше внимания уделял истории Малороссии, но также написал работу по истории Саратовского края [1].

В XIX веке историческое знание становится мощным фактором формирования не только общенационального, но и регионального самосознания. Одним из первых разработчиков новых подходов к изучению истории отечества был А.П. Щапов. Он предложил принципиально новый – «областнический» – подход к изучению истории страны, который был поддержан рядом историков (Н.И. Костомаров, П.В. Павлов и др.). Как отмечает В.В. Боярченков, в «областнической» концепции А.П. Щапова, в основе которой положен принцип «местного саморазвития», «географический фактор – рельеф местности и речные бассейны – играет колоссальную роль в становлении самобытной местной исторической жизни русского земства» [2, с. 139]. Я.М. Цыганова считает, что концепция «областничества» стала теоретическим оформлением региональной истории – нового направления в российской исторической науке [3, с. 490]. Это, прежде всего, связано с численным ростом в пореформенный период местной интеллигенции, которая стала носителем регионального самосознания. Видные представители местной интеллигенции – авторы ряда исследований по региональной истории, которые стали «существенным вкладом в науку и культуру России» [3, с. 491]. Становление регионалистики в XIX – начале XX века было активно продолжено в конце XX века в историко-краеведческих исследованиях региональных ученых-историков и краеведов.

В данной статье предпринята попытка проследить, как в историко-краеведческих исследованиях XIX–XXI веков изучалась история заселения и хозяйственного освоения одного из регионов России – Прихоперья, которое вошло в состав российского государства относительно недавно, в отличие от тверских или рязанских земель, воспринимаемых сегодня как исторические территории формирования русского этноса. Задача заключается в том, чтобы выяснить, как рассматривался процесс заселения в историко-краеведческих трудах, в чем заключалась специфика этого процесса в данном регионе и как, по мнению исследователей, это отразилось на историческом развитии региона.

Первые публикации по теме исследования появились в конце XVIII – начале XIX века в результате деятельности представителей местной бюрократии. Основанные на законодательном материале и экономической статистике, они были необходимы для более эффек-

тивного административного управления новыми территориями. Уже в этих работах были поставлены проблемы, связанные с историей заселения новых территорий, в том числе и Прихоперья. В большинстве своем при освещении событий XVIII – начала XIX века первые труды носят описательный характер [4; 5; 6]. В них указываются иногда те территории, откуда прибыли переселенцы в данную местность, «по причине новости того места жителей, которые по большей части суть сходцы из разных уездов верховых городов» [6, с. 55].

С начала XIX века начинается активное историческое, естественно-географическое и экономико-статистическое исследование Прихоперья, территориально находящегося в Саратовской, Тамбовской, Воронежской губерниях и Области Войска Донского, которое продолжалось и в дореволюционный период XX века. Результатом этой деятельности явилось издание научной и справочной литературы [5; 7; 8]. Изучению истории заселения юго-восточных окраин России посвящены специальные исследования Д.И. Багалея, М.К. Любавского, Г.И. Перетятковича и др. [9; 10; 11; 12; 13].

Особенно следует отметить фундаментальные исследования по истории русской колонизации М.К. Любавского. Автор согласен с видными русскими историками второй половины XIX – начала XX века, что «русская история, в сущности, история непрерывно колонизирующей страны» [12, с. 73]. М.К. Любавский отмечал, что основная часть территорий была включена в состав Российской империи в ходе «народной колонизации», то есть крестьянами-земледельцами, а организаторами могли быть различные социальные институты (помещики, монастыри, государство).

Рассматривая колонизацию юго-восточных окраин России, М.К. Любавский выделял два миграционных потока, четко проявившихся в конце XVII – начале XVIII века: с севера – народная (крестьянская) колонизация; с юга – казачья колонизация. Крестьяне центральных регионов российского государства в силу сложившейся социальной ситуации (рост населения, малоземелье, оскудение земель, усиление крепостного гнета) переселялись в степные окраины государства, «привлеченные сюда плодородными почвами, мягким климатом и богатыми угодьями» [12, с. 301]. Увеличение в конце XVII века населения в землях донских казаков за счет беглых крестьян и рас-

кольников вызвало оскудение звериных и рыбных угодий, основного источника питания казаков, и привело к освоению «новоприбывшими» казаками территорий, близких к низовьям Дона, прежде всего земель прилегающих к его притокам: Донцу, Медведице, Хопру и др. М.К. Любавский отмечает, что «на Дону было главное гнездо этого казачества, рассадник, откуда оно самовольно распространялось по другим местностям юго-восточной России» [11, с. 100]. Эти два потока мигрантов столкнулись в верховьях Дона и по Хопру, что в XVIII веке стало источником постоянных социальных потрясений. Дальнейшее освоение степных территорий, по мнению М.К. Любавского, распространилось на восток и юг, и к «XVIII в. степная окраина России, отодвинувшаяся уже к самому Кавказу, колонизировалась такими же средствами, какими колонизировалась степная Украина Московского государства в XVI и XVII вв.» [11, с. 101].

С середины XIX в. начинается активное историческое, естественно-географическое и экономическое исследование юго-востока Российской империи местными исследователями, которое продолжалось и в начале XX века. Эти работы, в частности, послужили эмпирической основой обобщающих исследований М.К. Любавского. Изучению истории заселения уездов Воронежской губернии посвящены исследования Е.А. Болховитинова, Н.И. Второва [5; 14].

Н.И. Второв одним из первых обратился к проблеме влияния заселения на историю Воронежского края. В своей статье «О заселении Воронежской губернии» основную роль он отвел государственной колонизации края, показав её важное стратегическое значение для безопасности Российского государства. Второв отмечал, что с середины XVII века Московское правительство укрепляет Воронежский уезд, возводит крепости, острожки и направляет для их обороны служилых людей, предлагая воронежскому воеводе «прибрать в Воронеже и Воронежском уезде из вольных охочьих людей, сколько человек мочно», а также активно использовать для обороны донских казаков [14, с. 253].

Такая политика была продолжена Петром I, который в преддверии новой войны со Швецией решает обезопасить южные рубежи от кочевников и обуздать казачью вольницу. Он разрешает расселить в восточной части Воронежского края промышленных людей, предоставив им различные льготы, а затем служилых черкас, запретив их «без

особого указа <...> на работу имать <...>, для того, что по рекам Дону, Битюгу и Середи и по иным местам велено им описные заповедные леса объезжать и беречь» [14, с. 257]. После восстания К. Булавина по указу Петра I к 1716 году «на реке Хопре, где были казачьи городки Пристанский, Григорьевский, Беляевской, сделана крепость (ныне г. Новохоперск), в который призваны Черкасы и посадские охотники» [14, с. 261]. Следует отметить, что автор не упоминает город Борисоглебск, построенный как крепость в 1646 году и укрепленный по указу Петра I в 1696 году, который был к началу XVIII века важным звеном обороны южных границ Российского государства.

Работа Е.А. Болховитинова и Н.И. Второва по глубокому и всестороннему изучению края были продолжены последователями: краеведами Г.М. Веселовским, Л.Б. Вейнбергом, Н.Н. Воскресенским и др. [15; 16]. Исследования по истории городов и уездов Воронежской губернии носили как обобщающий, так и конкретно-событийный характер. Г.М. Веселовский совместно с Н.Н. Воскресенским издали в 1876 году фундаментальный труд по истории городов Воронежской губернии, в котором обобщили и систематизировали сведения по истории основания городов и заселения прилегающих к ним территорий [15]. Л.Б. Вейнберг собрал и опубликовал документы по истории Воронежской и соседних губерний за вторую половину XVIII века в «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» за 1893 год [16].

В начале XX века появилось первое исследование по истории Новохоперска, который подготовил к 200-летнему юбилею города сотрудник Воронежского губернского статистического комитета В.В. Литвинов. Очерк дает очень ценные данные из истории новохоперской земли, в том числе по заселению этой территории. Автор отмечает, что берега Хопра стали заселяться уже с начала XVII века «разного рода промышленниками и казацкой вольницей», которых привлекали дремучие леса со звериными угодьями и рыбными ловлями [17, с. 113]. Литвинов сжато, но достаточно подробно дает историю заселения Новохоперска и уезда в XVII века сначала казаками, затем раскольниками, которые были в начале XVIII в. уничтожены правительственными войсками, а городки разорены. В 1712 году на месте городка Пристанного по распоряжению Петра I начато строительство земляной крепости со рвом и валом «для охранения от набегов воровских людей» [17,

с. 113]. В законченную к 1716 году крепость была переведена рота солдат из города Павловска, привлечены для несения военно-конной службы черкасы из малороссийских слободских полков, вызваны посадские люди и крестьяне, а также было разрешено поселиться хоперским казакам – участникам войны со Швецией, не замешанным в «бунте Булавина», которым передавались земли и угодья разоренных казачьих городков [17, с. 114]. Автор также приводит в приложениях ряд документов по истории города и дает библиографический список работ по теме [17, с. 115–128].

В середине XIX века в краеведении активно проявилось историко-церковное направление, связанное с деятельностью представителей православной церкви. Так архимандрит Димитрий (Самбикин) опубликовал «Очерк постепенного населения Воронежской губернии» (1886), в котором указывает, что Хоперский уезд стал активно заселяться позже всех уездов Воронежской губернии, в конце XVII века казаками и малороссами [18, с. 12], а в «царствование Петра I, обратившего особое внимание на Воронежский край», появились переселенцы из «разных (большей частью украинских городов нынешних Орловской, Тульской, Московской и других губерний) русскими людьми и черкасами» [18, с. 13]. Хотя эти сведения о заселении достаточно скупы и были в основном известны, но это было одно из первых специальных исследований по заселению края, в котором было указаны состав населения, их этническая принадлежность и регионы, откуда они переселились в Прихоперье.

Значительный вклад в исследование заселения Прихоперья внесли сотрудники Тамбовской ученой архивной комиссии (ТУАК) – И.И. Дубасов и, особенно, П.Н. Черменский. Первый председатель ТУАК Дубасов написал более 150 работ по вопросам местной истории, в том числе «Очерки из истории Тамбовского края» (1883–1897), переизданные в Тамбове в 1993 (частично) и 2007 годах. В них он, используя архивные документы, описал историю освоения и развития Тамбовского края от древнейших времен до начала XIX века, коснулся и Прихоперья, которое тогда территориально входило в состав Тамбовской провинции, а потом губернии (города Новохоперск и Борисоглебск с прилегающими землями) [19]. Автор подчеркнул особую роль монастырей в колонизации Тамбовского края в целом и Прихоперья в

частности. Так, Троицкий монастырь города Козлова по грамоте из приказа Большого двorca от 1635 года «владел бортными и рыбными, и звериными угодьями по реке Цне, Хопру и Сувале» [19, с. 27]. И.И. Дубасов отмечал, что с начала XVIII века «край наш не боялся татарско-ногайских набегов» и в нем началась «усиленная русская колонизация. Шли к нам многочисленные переселенцы самого разного этнографического состава» [19, с. 13].

Особое место в работе комиссии занимал выпускник Борисоглебской гимназии и исторического факультета Петербургского университета П.Н. Черменский, выделявшийся прекрасной профессиональной подготовкой и незаурядными способностями к историческим исследованиям. Его дипломная работа «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» стала одним из первых исследований, непосредственно посвященных проблеме заселения края. П.Н. Черменский подчеркивал особенное положение края, расположенного на границе леса и степи [20, с. 189]. Автор показал важное значение строительства городов-крепостей на границах государства, за которым следовало «заселение его и окрестностей» [20, с. 213]. П.Н. Черменский выделяет главную особенность русской колонизации, в которой интересы индивида подчинялись интересам государства, поэтому на заселяемых территориях «главную массу населения составлял служилый класс и весьма незначительную – бобыли и торговый люд» [20, с. 221]. По мнению Черменского, вслед за правительственной колонизацией, подкрепляемой вольной (народной), шла помещичья колонизация. Уже в XVII веке крупными владельцами земли, лесов и других угодий в Тамбовском уезде, в том числе и в Прихоперье, были представители русской родовой аристократии. Вотчины по рекам Мокше, Ваду, Хопру и Вороне принадлежали царской семье и крупным землевладельцам – боярам и князьям: Нарышкиным, Салтыковым, Репниным, Воротынским, Долгоруким, Прозоровским и др. [20, с. 125].

Изучением темы заселения Прихоперья в дореволюционный период занимались саратовские краеведы – члены Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Исследователи из СУАК не ставили своей задачей специальное изучение Прихоперского края и занимались его прошлым, решая более широкие исследовательские проблемы. Важное место в исследованиях членов СУАК занимали проблемы за-

селения и хозяйственного освоения, численности и этнического состава населения отдельных территорий региона, в том числе Прихоперь. А.А. Голомбиевский, А.Н. Минх, С.А. Харизоменов активно публиковали материалы по истории заселения Саратовской губернии, которые послужили эмпирической основой для последующих теоретических исследований [21; 22; 23]. Первым исследованием по заселению Саратовской губернии в XVIII веке стала небольшая статья А.Н. Минха по истории переселения малороссиян в Саратовскую губернию. В ней он выделил основные причины переселения малороссиян в Саратовский край: заселение Царицынской оборонительной линии, открытие разработок соли на озере Эльтон, перевод крепостных крестьян на пожалованные или приобретенные земли [22, с. 17]. Автор указывал названия 19 поселений малороссиян, расположенных в Прихоперь (Балашовский уезд) [22, с. 18].

История Прихоперь также тесно связана с историей российского казачества, по которой написано немало научных и научно-популярных работ. Пользуясь казачьими сказаниями, многие историки-донцы составили историю донского казачества, несколько отличную от официальной версии, выраженной в трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва и др. Большой вклад в исследование казачьих быта и нравов, изначальной истории казачества внесли труды А.И. Ригельмана, А.Г. Попова, В.Д. Сухорукова, В.М. Пудавова, в которых так или иначе затронута проблема заселения берегов Хопра казаками [24; 25; 26; 27].

Особый интерес представляет «Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896», составленная к 200-летию одного из старейших казачьих полков подъесаулом В. Толстовым для ознакомления с историческим прошлым хопёрского казачества [28]. Автор указывал в самом начале исследования, что имеет в виду только конец XVII – начало XVIII, когда в среднем течении Хопра появились казачьи городки (Пристанском, Григорьевский, Беляевском), основанные беглыми крестьянами, стрельцами и городовыми казаками из Тамбовского воеводства, к которым позже присоединились беглые малороссияне [28, с. 5]. По мнению автора, служба хоперских казаков правительству выражалась в охране южных и юго-восточных рубежей государства от набегов крымских и кубанских татар и калмыков. В. Толстов считал, что историческую жизнь хо-

перских казаков следует вести с 1695 года, когда они официально «явились на царскую службу» [28, с. 6]. С тех пор хоперские казаки «верно служили царю и отечеству», за исключением мятежа К. Булавина, когда молодые хоперские казаки присоединились к «сброду казаков и бродяг» [28, с. 8]. Даже переселение хоперских казаков на Кубань в 1777 году Толстов рассматривает однозначно – как необходимое мероприятие по охране новой Моздоко-Азовской сторожевой линии с целью обеспечения безопасности государства [28, с. 13]. Однозначная, патриотически-официальная трактовка сложной истории хоперского казачества автором существенно обедняет работу, сильной стороной которой является указание точных данных о командирах Хоперского полка, его структуре, боевом пути и особенностях бытовых традиций хоперских казаков.

В 20-е годы XX века краеведение также имело широкое распространение как своеобразный научно-просветительский феномен общественной жизни страны, в том числе и в Саратовской губернии. Однако отметить конкретные работы этого периода, посвященные истории заселения Прихоперского края конца XVIII – первой половины XIX в., сложно, если не считать посвященные истории Саратовской губернии в целом работы А.А. Гераклитова, Ю.А. Кузнецовой, С.И. Тхоржевского, Л.Н. Юровского, которые в общих чертах освещали различные вопросы истории Саратовского края, его заселения, хозяйственного освоения и социально-экономического развития [29; 30; 31; 32]. Данные работы в общем контексте затрагивают и проблему заселения Прихоперья.

А.А. Гераклитов в своем исследовании по истории саратовского края с XVI по XVIII век отмечает исключительную роль колонизации в освоении территории между Доном и Волгой и подчеркивает, что в последней четверти XVII столетия попытка «утвердиться оседло» в примедведицких и прихоперских местах была предпринята с юга донскими казаками, что связано с наплывом беглых крестьян и холопов «из Тамбовской украины» [29, с. 273]. Автор подчеркивает влияние строительства государством сторожевых линий на процессы заселения пустующих степных территорий, что приводило к заселению местности «за чертой» постоянным населением, необходимым для защиты укреплений. По мнению А.А. Гераклитова, со строительством Цари-

цынской линии «началось усиленное заселение нашего края», когда «правительство стремилось заселить пустующие земли» [29, с. 325]. Для этих целей правительство стимулировало переселение помещиками крестьян на пожалованные земли, переселяло государственных крестьян «различных наименований» и вызвало из-за границы старообрядцев и иностранцев.

Исследование Ю.А. Кузнецовой по истории колонизации Сердобского уезда связаны с подготовкой ею материала для историко-географического словаря Саратовской губернии [30]. С.И. Тхоржевский исследовал колонизацию правобережья Волги, чтобы выяснить причины поддержки различными слоями крестьянства, прежде всего однодворцами, восстания под предводительством Пугачева [31]. Л.Н. Юровский в своем фундаментальном труде по истории крупного землевладения на примере саратовских вотчин показал влияние помещичьей колонизации на экономическое развитие крепостного хозяйства в конце XVIII и начале XIX столетия [32]. В данных исследованиях было рассмотрено влияние колонизации на многие вопросы исторического развития региона.

Во второй половине XX века в условиях некоторой либерализации социально-политической жизни в стране возростет интерес к истории родного края. Стали издаваться отдельные работы местных исследователей-краеведов (Н.П. Бульин, С.М. Махалкин, В.С. Колесниченко, Е.А. Печурин, М.И. Постоев, А.А. Танонин и др.), посвященные истории городов Прихоперья [33; 34; 35; 36]. Эти работы очень разнообразны и отличаются по своему научному уровню, их характеризует значительная идеологизированность. Однако несомненной заслугой авторов было то, что они сделали первые попытки проанализировать социально-историческое развитие Прихоперья. Проблема заселения региона освещается в них весьма поверхностно и односторонне – как мера для обеспечения безопасности государства.

Недостатки краеведческой литературы стимулировали региональных учёных-историков серьезно заняться исследованием истории заселения регионов (В.П. Загоровский, Ю.А. Мизис, В.А. Осипов и др.) [39; 40; 37]. В советское время многие вопросы изучаемой темы активно разрабатывались в регионах. Саратовский исследователь В.А. Осипов, одним из первых в советский период рассматривал вопросы ко-

лонизации края и на основе материалов центральных архивов и сделал ряд обоснованных выводов о причинах, характере, тенденциях и результатах заселения Прихоперского края [38]. В своей работе по истории Саратовского края в XVIII веке он приходит к выводу, что вольная и помещичья колонизация края привела к изменению социального и национального состава населения, кардинальным изменениям в хозяйственной жизни, появлению городов как экономических и культурных центров региона [38, с. 13–14].

Значительный вклад в исследование указанной проблемы внесли воронежские и тамбовские исследователи – В.П. Загоровский, Ю.А. Мизис и др. В работах Загоровского история заселения Прихоперья не изучалась в качестве отдельного вопроса. Заселение исследуемых земель рассматривалось им в плане общей региональной истории Воронежского края и южной окраины России. Тем не менее, В.П. Загоровский ввел в научный оборот большое количество нового фактического материала, в результате чего впервые стали известны многие принципиально важные моменты изучаемой темы [39]. С именем Загоровского связано появление в Воронеже научной школы, занимавшейся вопросами истории Воронежского края XVII–XVIII вв. Ученик В.П. Загоровского Ю.А. Мизис на основе своего диссертационного исследования издал книгу по истории заселения Тамбовского края в XVII–XVIII веках, в которой подробно осветил этапы, причины и значение колонизации для исторического развития края, рассмотрел социальный состав переселенцев, их хозяйственную деятельность. Автор отмечает, что «после Азовского похода и строительства Борисоглебска началось заселение южной и восточной частей Тамбовской области» [41, с. 85]. Особую активность по освоению Тамбовского Прихоперья в начале XVIII века проявили мелкопоместные дворяне соседних уездов и однодворцы.

В конце 1980 – начале 1990-х годов тематика историко-краеведческих исследований приобретает особую актуальность. Всплеск интереса разных исследователей к малоисследованному прошлому региона связан с фундаментальными политическими изменениями в жизни общества, с возрастающей ролью регионов в жизни страны. С этого периода начинается исследовательский «бум» в изучении истории Прихоперья, который охватывает значительное число участни-

ков: от школьников и краеведов-любителей до работников музеев, архивов, библиотек и учёных – историков, филологов, социологов, биологов и т.д., которые публикуют работы по разным аспектам исторической жизни региона. Среди них следует отметить работы по заселению Прихоперья, представляющие научно-исследовательскую ценность в плане обработки материала и аналитических обобщений: В.М. и Т.А. Захаровых, М.С. Полубоярова, В.В. Смотрова и некоторых других [42; 43; 44].

В исследовании В.М. и Т.А. Захаровых по истории аркадакского Прихоперья кратко рассматривается процесс заселения этой местности, расположенной в среднем течении реки Хопер. Авторы отмечают, что заселение и хозяйственное освоение этой территории в XVIII веке связано с деятельностью дворянского рода Нарышкиных, родственников императора Петра I. В работе указано, из каких мест были переселены крестьяне на берега Хопра. Определяя дату основания поселения, авторы ссылаются на некий «документ 1732 года», но не называют его вид и происхождение [42, с. 8].

Заселение верховьев Хопра и его притока Сердобы рассматривает М.С. Полубояров в работе по истории Сердобска и Сердобского района в XVIII веке. В исследовании автор показывает историческую эволюцию поселения засечных сторожей и пахотных солдат, созданного для обороны от набегов кочевников и охраны корабельных лесов, в город – административно-экономический центр крупного уезда. М.С. Полубояров считает, что «мощный толчок переселенческому движению на реку Сердобу из центральных областей России был дан решением правительства» по строительству флота для завоевания Азова. Именно это решение побудило обратить внимание на леса верхнего Прихоперья, «богатые дубом, сосною и липой» и наличие удобного водного пути для транспортировки леса на воронежские верфи [43, с. 8].

В следующем не менее интересном исследовании авторы (В.В. и О.В. Смотровы, В.А. Филоненко) рассматривают широкий круг вопросов истории Балашовского уезда: от истории реки Хопёр, к которой в силу своего природно-географического положения привязан Балашовский уезд, до судьбы хоперского казачества. В книге также от-

ражена тема заселения прихоперских территорий, вошедших в Балашовский уезд [44].

Рассматривая историю Прихоперского края, следует отметить и усилия современных региональных учёных-историков, внесших существенный вклад в изучении исторического развития края. Особого внимания заслуживают исследования социально-политических и экономических вопросов развития регионов, в которых территориально входит Прихоперье. Здесь следует выделить солидное исследование М.В. Булычева по истории крестьянской колонизации Саратовского края в XVIII – первой половине XIX века. Автор на основе обширного материала центральных и местных архивов, официальных документов рассмотрел социально-экономическое состояние Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века в контексте её массового заселения и хозяйственного освоения, а также осветил последствия этого важного процесса: формирование состава крестьянства в регионе, динамику крестьянского населения края [45]. В диссертации О.В. Василенко исследован процесс заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII–XVIII веках [46]. В.Т. Петров в своей диссертации даёт исторический анализ развития Новохоперского края, части Воронежского Прихоперья, от момента возникновения до современности [47].

Таким образом, обзор историографии вопроса свидетельствует в целом о достаточной изученности заселения Прихоперья. Однако в приведенных исследованиях этот процесс рассматривается либо в составе крупных территориально-географических единиц (Донской земли, Центрального Черноземья, Нижнего Поволжья), либо в составе административно – территориальных образований (Воронежской, Саратовской, Тамбовской губерний, Области Войска Донского и т.д.). В настоящее время нет специального комплексного исследования по истории заселения и освоения Прихоперья в XVIII – первой половине XIX века в целом как региона, что делает правомерным обращение к дальнейшему изучению избранной темы.

Список использованных источников и литературы:

1. *Костомаров Н.И.* Очерк истории Саратовского края от присоединения его к русской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. Отд. III. С. 1–59.
2. *Боярченко В.В.* Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х гг. XIX века. СПб., 2005.
3. *Цыганова Я.М.* Среднее Поволжье в работах историков и краеведов второй половины XIX – начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 490–498.
4. [*Линицкий С.И.*] Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж, 1982.
5. *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800.
6. [*Поливанов И.И.*] Описание саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов за разные годы. СПб., 1790. С. 23–62.
7. Топографическое и историческое описание Саратовской губернии [1807]. Волгоград, 2011.
8. *Щекатов А.М.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и герольдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч. В 5 т. М., 1801–1805.
9. *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации Степного окраины Московского государства. М., 1887.
10. *Любавская М.К.* Историческая география России в связи колонизацией. СПб., 2000.
11. *Любавская М.К.* Русская колонизация. М., 2014.
12. *Любавская М.К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
13. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации). М., 1982.
14. *Второв Н.И.* О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861. С. 246–272.
15. *Веселовский Г.М., Воскресенский Н.В.* Города Воронежской губернии, их история и современное состояние. Воронеж, 1876.
16. *Вейнберг Л.Б.* Материалы по истории Воронежской и соседних губерний за вторую половину XVIII века // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. IV, вып. 1. С. 60–75.

17. *Литвинов В.В.* К 200-летию города Новохоперска // Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж, 1916. Отд. III. С. 113–128.
18. *Димитрий, архимандрит [Самбикин]*. Очерк постепенного населения Воронежской губернии. Воронеж, 1886.
19. *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883–1884. Вып. 2, 3.
20. *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Изв. ТУАК. Тамбов, 1911. Часть I, вып. 54. С. 181–228.
21. *Голомбиевский А.А.* Материалы по истории колонизации Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1890–1891. Т. III, вып. 1, 2. С. 13–26.
22. *Минх А.Н.* К истории переселения малороссиян в Саратовский край // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. IV, вып. 2. С. 17–18.
23. *Харизоменов С.А.* Материалы по истории заселения Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. I, вып. 3. С. 264–27; 1889. Т. II, вып. 1, 2. С. 142–152.
24. *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках. СПб., 1846.
25. *Попов А.Г.* История о Донском войске. Новочеркасск, 1814.
26. *Сухоруков В.Д.* История описания земли Войска Донского. Новочеркасск, 1867.
27. *Пудавов В.М.* История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.
28. *Толстов В.* Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринодар, 1896.
29. *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
30. *Кузнецова Ю.А.* К истории колонизации Сердобского уезда (Материалы для историко-географического словаря) // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2. С. 59–82.
31. *Тхоржевский С.И.* Пугачевщина в помещичьей России: Восстания на правой стороне Волги в июне – октябре 1774 г. М., 1930.
32. *Юровский Л.Н.* Саратовские вотчины: Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и начале XIX столетия. Саратов, 1923.
33. *Бульин Н.П., Махалкин С.М.* Сердобск. Саратов, 1979.
34. *Колесниченко В.С.* Урюпинск. Волгоград, 1987.
35. *Печурин Е.А., Танонин А.А.* Город Балашов. Саратов, 1979.
36. *Постоев М., Тихов А.* Борисоглебск. Воронеж, 1949.
37. *Осипов В.А.* Очерки по истории колонизации Нижнего Поволжья во второй половине XVIII в. Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1940.
38. *Осипов В.А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985.
39. *Загоровский В.П.* Общий очерк по истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало

XVIII в.) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 2–23.

40. *Мизис Ю.А.* Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII в. Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1985.

41. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов, 1990.

42. *Захаров В.М., Захарова Т.А.* Из истории Аркадакского Прихоперья. Балашов, 2002.

43. *Полубояров М.С.* «На реке Сердобе и в иных урочищах». Сердобск и Сердобский район в XVIII веке. Саратов, 1999.

44. *Смотров В.В., Смотров О.В., Филоненко В.А.* Из прошлого Балашовского уезда. Балашов, 2010.

45. *Булычев М.В.* Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и её последствия. Саратов, 2004.

46. *Василенко О.В.* История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII–XVIII вв. (на примере Центральной части). Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.

47. *Петров В.Т.* Новохоперский край: история и современность. Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук.

Архив РАН — Архив Российской Академии наук (Москва).

ГАОО — Государственный архив Одесской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГАСО — Государственный архив Саратовской области.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЗНБ — Зональная научная библиотека (Саратов).

ИИНУ — Известия императорского Николаевского университета (Саратов).

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

МГУ — Московский государственный университет.

МПВО — Местная противовоздушная оборона.

МУНГЧ — Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского (Саратов).

СГУ — Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

СО АССР — Сееверо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика.

СОМК — Саратовский областной музей краеведения.

СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия.

ТУАК — Тамбовская ученая архивная комиссия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аукштыкальните Анна Дмитриевна – соискатель кафедры истории России и археологии Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Власенко Татьяна Сергеевна – студентка 4 курса института истории и международных отношений Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Герасимова Людмила Ефимовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Дмитриев Егор Евгеньевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Саратов.

Дружкин Александр Анатольевич – аспирант кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Ермасов Евгений Викторович – кандидат исторических наук, сотрудник Управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва.

Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Зицер Эрнест Александрович – Ph.D., адъюнкт-профессор кафедры славяноведения и библиограф Мемориальной библиотеки имени У. Перкинса при Дюкском университете г. Дарем (США).

Клеймёнова Светлана Викторовна – заведующая сектором хранения фондов отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ имени В.А. Артисевич, г. Саратов.

Левченко Валерий Велерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета, г. Одесса (Украина).

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Мезин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Попкова Нэлли Алексеевна – заведующая отделом редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ имени В.А. Артисевич, г. Саратов.

Попова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса (Украина).

Рабинович Яков Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Соломонов Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Степанов Юрий Геннадиевич – кандидат исторических наук, главный архивист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области, г. Саратов.

Шиппан Михаэль – независимый исследователь, г. Берлин (Германия).

СОДЕРЖАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИСТОРИКИ XX ВЕКА: НАУЧНЫЙ БЫТ И ТВОРЧЕСТВО

<i>Галямичев А.Н.</i> (Саратов) Л.А. Дербов как историк-славист	5
<i>Власенко Т.С.</i> (Саратов) Л.А. Дербов о Н.И. Новикове: современный взгляд	14
<i>Соломонов В.А.</i> (Саратов) Духовное и светское начала в истории российского университетского образования (на примере жизни и деятельности профессора православного богословия Саратовского университета А.Ф. Преображенского)	22
<i>Левченко В.В.</i> (Одесса, Украина) Новые страницы биографии «одесского» периода ученого-историка А.В. Флоровского	45
<i>Данилов В.Н.</i> (Саратов) А.М. Панкратова как историограф	55
<i>Герасимова Л.Е.</i> (Саратов) Содружество Ленинградского и Саратовского университетов в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям профессора В.В. Пугачева)	69
<i>Степанов Ю.Г.</i> (Саратов) Историк между идеологией и наукой (из писем Н.А. Троицкому 1960–1990-х годов)	76

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I

<i>Мезин С.А.</i> (Саратов) Петр I и его эпоха глазами историков	86
<i>Зицер Э.А.</i> (Дарем, США) Постсоветский Пётр. Новые исследования о русском дворе конца XVII – начала XVIII века (авторизованный перевод с английского <i>Е.Е. Дмитриева</i>)	133
<i>Шиппан М.</i> (Берлин, Германия) Царь Пётр I и его время в немецкой литературе: библиографический обзор (авторизованный перевод с немецкого <i>Е.В. Ермасова</i>)	155
<i>Попкова Н.А.</i> (Саратов) Сергей Савич Волчков о Петре I	183

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Попова Т.Н.</i> (Одесса, Украина) <i>Историография: дисциплинарный формат изучения</i>	192
<i>Рабинович Я.Н.</i> (Саратов) <i>Поход князя Д.Т. Трубецкого к Бронницам в 1614 году: историография вопроса</i>	202
<i>Клеймёнова С.В.</i> (Саратов) <i>Издания трудов Ж.А.С. Формея в фонде научной библиотеки СГУ</i>	214
<i>Аукштыкальните А.Д.</i> (Саратов) <i>Педагогические взгляды Екатерины II: историография вопроса</i>	223

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>Зайцев М.В.</i> (Саратов) <i>Развитие городского пространства Саратова в конце XVIII – начале XX века: краткий обзор исследований</i>	240
<i>Майорова А.С.</i> (Саратов) <i>История Саратовского края в трудах А.Н. Минха</i>	256
<i>Дружкин А.А.</i> (Саратов) <i>Заселение Прихоперья в XVIII – начале XIX века: историография вопроса</i>	267
Список сокращений.....	283
Сведения об авторах	284

Научное издание

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В ы п у с к 2 7

Ответственный за выпуск *В.А. Соломонов*
Оригинал-макет подготовил *А.С. Владимиров*

Подписано в печать 15.01.2020. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 300 экз. Заказ № 14

Издательство «Саратовский источник».
410012, г. Саратов, ул. Кутякова, 138 б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовского источника»